84(2=411.2)6
К
К 76

Людмила Кошиль

Люськины рассказы
Лющкаен путрэт

6+

Людмила Кошиль

Люськины рассказы

Лющкаен путрэт

Издание 3-е,
значительно дополненное

Ханты-Мансийск
Ёмвош

- 0218204-
Государственная библиотека Югры
КО

ББК 84(2=411.2)6-4 + 81.665.1
К76

Кошиль Л. А.
Люськины рассказы = Лющкаен путрэт / Л. А. Кошиль ; [пер. на хант. яз. выполнили: М. А. Рачинская и др. ; науч. ред.: Е. А. Нёмысова, А. С. Сопочина ; худож. Н. Жеманская]. – Изд. 3-е, знач. доп. – Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2020. – 140 с. : ил.

Автор выражает благодарность переводчикам З. С. Рябчиковой, М. А. Рачинской, Е. А. Нёмысовой, М. А. Прасиной, Ф. К. Демешкевич за полезную и трудоёмкую работу с сокровищами хантыйского языка.

Книга Людмилы Кошиль «Люськины рассказы» переведена на сургутский, ваховский, берёзовский, казымский и шурышкарский диалекты хантыйского языка, что стало, несомненно, значимым культурным событием в развитии национальных культур и родных языков этих народов. В 2015 году она удостоена поощрительной премии в номинации «Детская и юношеская литература» Общества М. А. Кастрена (Финляндия, Хельсинки).

ISBN 978-5-6043627-7-8

© Л. А. Кошиль, текст, 2010–2020
© М. А. Рачинская, З. С. Рябчикова,
Е. А. Нёмысова, Ф. К. Демешкевич,
М. А. Прасина, перевод, 2020
© БУ «Государственная библиотека
Югры», 2020
© АО «Издательский дом «Новости
Югры», оформление, 2020

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Я держу в руках книгу «Люськины рассказы». От этих историй веет теплом. Они возвращают нас в мир детства. А мир детства всегда прекрасен. И с лёгкой грустью вновь и вновь хочется прикоснуться к нему, вернуться в него.

В том-то и прелесть этой книжки.

Особенность этого сборника рассказов замечательного детского автора Людмилы Кошиль в том, что он издаётся на русском и ещё на пяти языках-диалектах коренного народа ханты – на сургутском, ваховском, казымском, берёзовском и шурышкарском. Её прочитают на родном языке дети охотников, рыбаков и оленеводов. Книга будет прочитана в самых отдалённых поселениях и заимках нашего автономного округа.

Надеюсь, эти рассказы доставят немало радостных мгновений не только детям, но и взрослым.

Еремей Айпин,

заместитель Председателя Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, председатель Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера, член Союза писателей СССР

Поход на Шаманскую гору

Стояла июньская жара. Вода в Вахе пошла на убыль, и затопленная трава на пологом берегу уже показала над водой свои верхушки. Люська, как всегда в такое время дня, сидела в лодке, свесив ноги в воду, наблюдала за стайками мальков и мечтала.

А мечта у неё была одна: попасть на ту сторону реки и сходить на Шаманскую гору. Много чего рассказывали про неё таинственного.

«Попросить отца? Он как раз сети ставит в протоке напротив горы. Не согласится, – думала она. – Самой бы поехать на обласке, вон их сколько на берегу лежит».

Эти лодочки выдалбливали из цельного ровного ствола осины. Они были лёгкие, но очень вёрткие, и не каждый умел на них хорошо ездить, а тем более маленькая девочка.

Вот, оттолкнув облас от берега и быстро выгребая на середину реки, выехала молодая хантыйка по имени Прусаля.

Люська смотрела, как она, бросив весло, ковшом черпала воду в ведро. Обласок даже не шелохнулся.

«Вот бы мне так, да я и весла-то не подниму», – рассуждала Люська, наблюдая за ловкой девушкой.

Набрав воды, она также быстро причалила к берегу. Взяла ведро из лодки и пошла в гору.

«Чай кипятить будет», – решила Люська.

Ханты брали только проточную воду с середины реки, не так как другие жители возле берега – её они считали грязной и непригодной для питья.

Вдалеке на песчаной косе мальчишки с визгом плавали «вразмашку» наперегонки.

«А ведь я плавать не умею, – с горькой завистью подумала Люська. – Вот почему меня отец с собой никуда не берёт, боится, из обласка выпаду».

И она решила, не откладывая на потом, начать учиться. Разделась и бросилась в воду. Ноги её шли по дну, а руки гребли «по-собачьи», и как только глубина увеличилась и ноги перестали доставать до дна, Люська тут же начала погружаться в воду с головой.

«Нет, так нельзя, а то захлебнусь. Надо зайти по грудь и попробовать грести к берегу», – она оттолкнулась от дна ногами и забила ими что было силы. В фонтане брызг молча продвигалась к берегу, а когда силы иссякли, встала ногами на песчаное дно. Воды было по колено.

– Я проплыла, я сама проплыла, – кричала в восторге Люська. Выскочила из воды и побежала домой поделиться радостью с отцом.

– Папа, я проплыла, правда, я сама проплыла! Возьми меня с собой на рыбалку, на Шаманскую гору, – выпалила она, захлёбываясь от радости. Отец улыбался и смотрел на неё с пониманием.

– Вечером поедем. Собирайся, только оденься хорошо, там комаров много, – твёрдо сказал он и ушёл на работу.

Как долго длится день, когда ждёшь его окончания! Люська уже рассказала о поездке сестре Галине, та тоже засобиралась и как старшая объясняла:

– Там растёт священное дерево. К нему приходят и приносят дары, просят о хорошей охоте и молятся. Брать оттуда ничего нельзя, и руками трогать тоже нельзя. Даже траву рвать, а то руки отсохнут, и шаманы тебя зашаманят, пошлют кару. И ещё, – строго сказала Галина, – иди рядом с нами и никуда не убегай.

В обласок садились по заведённому порядку. Дети сидели на днище, на специально постеленной траве, держась руками за распорки.

Отец – на корме, подогнув под себя ноги. Грёб и правил веслом, облас шёл устойчиво и ходко. Волны улеглись. Река, как зеркало, отражала деревню на высоком берегу, лес и даже облас, на котором они плыли.

Благополучно перебравшись на другую сторону реки, они свернули в протоку, где стояли сети. Отец, перебирая тетиву сети, выпутывал рыбу и бросал в лодку. Улов оказался небольшой: три щуки, два язя и только один окунь. Это огорчило девочку – она очень любила их белое мясо.

– Ну, хорошо, на уху хватит, а завтра ещё наловим, – сказал отец.

Облас плавно ткнулся в берег. Отец наполовину вытащил лодочку из воды, чтобы волной не унесло, и коротко бросил:

– Пошли, только не отставайте.

Узкая тропинка между кустами тальника и высокой травой вела вверх на холм. Вокруг пестрели полевые цветы и красные соцветья вкусной и ароматной ягоды княженики.

Люськино внимание привлёк странный предмет. Это была светло-серая круглой формы коробочка с дыркой посередине. Она лежала в сухих ветках поваленного дерева, окружённая цветущим шиповником.

«Надо заметить место и на обратном пути разглядеть».

Высокая трава закончилась, и тропинка вывела их прямо на вершину холма к развесистому кедру, росшему на папоротниковой поляне. Толщина дерева была в три, а то и в четыре обхвата. Между его толстыми корнями лежали ДАРЫ.

Медные казаны, чайник, старинные монеты с орлами. К стволу дерева был прислонен настоящий старинный лук со стрелами, облас с веслом, белели черепа жертвенных животных.

На нижних ветках висели красивые стеклянные бусы и украшения из бисера, а также привязано много ленточек и больших кусков цветной и белой материи. Люська была поражена. Смотрела и всё запоминала, молча, не расспрашивая, помня наказ старшей сестры.

Стояла торжественная тишина, только комары жужжали.

Отец в поклоне положил монету к дереву, повернулся и пошёл прочь. Дети, также молча, последовали за ним. Дойдя на обратном пути до примеченного места, Люська ящеркой юркнула в траву, подкралась к коробочке и стала её трясти, стараясь снять с дерева. И вдруг... Рой ос вывалился из дырки – это было осиное гнездо. Они кинулись прямо в любопытное Люськино лицо и стали свирепо жалить.

– А-а-а-а-а-а, – раздался громкий вопль.

Быстрее ос понеслась девчонка к берегу. Отец с Галиной уже сидели в обласе и ждали отставшую Люську. Окружённая мохнатым облаком, размахивая руками и крича, та заскочила в облас. Отец принялся усиленно грести, и они быстро достигли середины протоки. Здесь дул ветерок, и рой отстал. Люська сидела грустная, смывая с себя речной водой раздавленных ос. Губы и нос распухли, глаза заплыли, а сестра приговаривала.

– Зачем гнездо трогала, сказала – нельзя ничего брать, а ты... Вот и наказала тебя Шаманская гора.

Обласок причалил к берегу. Люська пулей полетела к маме – она была фельдшером. Когда отец и сестра пришли домой, девочка уже лежала в кровати. Мать делала пострадавшей примочки из трав, натирала места укусов чесноком, чтобы снять боль и зуд, и говорила, покачивая головой:

– Сколько же их было? Даже из сапог вытряхивала. Хорошо, что платок на голове был, а то бы в волосах запутались и искусали всю.

Охая и жалея озорницу, мать отправилась доить корову Зорьку. Уже был поздний вечер, на небе собрались чёрные тучи, предвещая грозу. Напившись парного молока, Люська засыпала. За окном гремела гроза. Ей снился шаман. Он бил в бубен, метал в лицо огненные стрелы из старого лука и грозно кричал:

– Не трогай святого места! Не трогай! Никогда-а-а-а-а-а!

ЁмӘӊ рєпа ЯӊхӘм вєр

(казымский диалект)

ЛыпӘт тылӘщ рўвӘӊ хӘтлӘт вєсӘт. Вах юханӘн йиӊк ая йиты питӘс, йиӊкӘн вуйлӘм турнӘт панӘӊ пєлӘкӘн йиӊк элты тыйлал ванӘлтыйӘлты питсӘт. Лющка иса пурайӘн тӘмӘщ хӘтлӘтӘн хопӘн омсӘс, кўрлал йиӊка єсӘлман, нЯлӘк пӘктӘт пӘла вантыйӘс па нумсӘл ел пунман омсӘс.

Лўв щиты нӘмӘсӘс: муй щирӘн па пӘлка вўншты па ЁмӘӊ рєп вантты. Ар йис путӘр щи рєп олӘӊӘн путӘртла. «Ащєм пила вохантты? Лўв ЁмӘӊ рєп пўӊӘл пусӘл хущи холӘплал омсыйӘл. Әнт кашащӘл, – эвие нӘмӘсӘл. – Ай хопӘн мӘнты, щи арат ай хоп намӘн ул».

ТӘм хопиет тӘлаӊ тўӊ хоп ўх эвӘлт вєрӘнтлайӘт. Щи хопиет кєнӘт, тєп шєӊк хумплӘт, кашӘӊ хуят хєн щив лӘл. Ай эвие щит мєт, щи хопа лєлты пӘлтап.

Ай хоп ныкʼ лӱкємəслə, пӓста ловəлман, Пӓрӱсаль айлат хӓнты ими ай хопа лєлəмтəс.

Лющка вантəс, хуты лӱв лөпəл пунəмтəс, өмпийəн ветрая йиӈк ӓмəртəс. Ай хоп ӓнт па нюхлəс.

«Ма па лөлəӈ щиты, төп ма лөп нух алəмты ӓнт вєртəлəм» – Лющка артащийəс, апрəӈ эвие пэла вантман.

Йиӈк амəртəс, лӱв ищиты щи пӓста вӱты катлəс. Вэтрайəл хопəл эвəлт вӱслə па вӱты мӓнəс.

«Шай кавəртты питлəм», – Лющка нумəсəн юхəтса.

Хӓнтэт төп увты йиӈк юхан кӱтəп эвəлт шай кавəртты вӱлəт. Па ёх юхан хонəӈəн хөлəӈ йиӈк ӓмəрмəлəт па щи яньшлəт. Хӓнтэт луплəт: юхан хонəӈ йиӈк хөлəӈ.

Хӱвəншəк сэй панəн пухлəӈкэт ващ тӱрəн ӱвман вөщилəсэт и ӧпийəн нөхлəсыйəлман.

«Ӓна, ма вөщилəты ӓнт холшлəм, – Лющка нөмəлмəслə, – Щирəн ащємəн пӓнəн нємхулта ӓнт вӱйлӓлыйəм – пӓл, ай хоп эвəлт йиӈка рӓкəнлəм».

Нумəсəн юхəтса: вөщилəты вөнəлтыйəлты питлəм. Єӈхəсыйəс па йикӈка навəрмəс. Кӱрӈəл йиӈк илпи мӱв хӱват шөщсаӈəн, ёшӈəл амп иты ловəлсаӈəн, төп мӓла йис, кӱрӈəл мӱв вөнты ӓнт юхəтты питсаӈəн, лӱв мухты шөйлəты питəс ухəл муйəлəн.

«Ӓнтө, щиты ӓнт рӓхəл, йиӈкəн щи яньщəсыйəллəм. Мэвəл вөнты йиӈка луӈты па щӓта вӱты вөнты вөщты». Кӱрӈəлалəн йиӈк илпи эвəлт вортəмтəс, сəӈкты ӧрəн питəс. Йиӈк кӓтна щошиман эвие мӓшьяя хӓтəс хонəӈ пэлы. Ӧрəл хулам кємəн кӱр тыйəла лолӓс. Йиӈкəл шаншух вөнты вөс.

– Ма вөщсəм, ма сам вөщсəм! – амəтман Лющка ӱвəс. Йиӈк эвəлт вӱты наврəс па юхи хөхлəс ащела лупты.

– Аща, ма вөщилəсəм, ма атэлт вөщилəсəм. Мӓнэт пӓнəн вэлпəлəты, Щӓрт рєпа вӱе, – путəртəс амəтман лӱв.

Ащел нях мулəӈа ӧвман лӱв пэлəла вантəс па ястəс: «Етəн мӓнлəмəн, ӓктəща, төп ямəс лөмəтлӓла, щӓта пєлӈа ар», – ащел лупəс па рөпатайəла мӓнəс.

Хӓтəл хуты щи хӱв лавəлтэн пурайəн! Лющка мӓнты вєрəл олəӈəн путəртəс Галина упэла, лӱв па ӓктəщты питəс па вөншəк хуят иты лупəс:

– Щӑта ёмӑӈ ӧх єнӑмӑл. Щив ӑӈхты ёх тӧлӑт мойлӑпсы, пойӑкщӑлӑт ӑм вӑлпӑс ат вӧс. Щи тӑхи эвӑлт нємулты вӳты па кєтӑмты ӑнт рӑхӑл. Ӑнт рӑхӑл турӑн сӧхӑтты, ӑнт хӧлӑнтлӑн, ёшӑн нух сорӑл, хуятӑн мӳллайӑн. Щӑлта па, – Галина така лупӑс, – мӳӈ лёпӑвӑн шӧша па нємхулта йира ал хӧхла.

Иса щирӑн омӑссӑт ай хопа. Нявреміт хоп кӳтпа омӑссӑт нємасыя лєрмӑлтӑм турӑн ӧхтыя, хоп тоса ёшлал катӑлман. Ащєм сӑвӑсӑн кӳрлал вӳшан пунман, ловӑлтӑс па хопӑл тӳӈа тӧс. Ай хопӑв ӑма па пӑсты хӑтӑс. Юханӑвӑн, мӑт вєнш вантты вух хущи, кӧртыев кӑрӑщ рӳвайӑн, вӧнтӑв па ай хопӑв вантӑсӑс.

Па пӑлка вуншмӑв ӧпийӑн пусӑл лыпия карємӑсӳв, щӑта холӑп омӑсман тӑйсӳв. Ащєм, холӑп йина катӑлман, хӳллал нух вӳс па па хопа ёвлӑс. Ай тӑхты вӑлсӳв: хӧлӑм сорт, кӑт мӑвты па и ев тӧп. Эвие нумсӑл шӧк: лӳв єплӑӈ хӳлӑл эвӑлт тӧп ит питмал. «Я, ӑм, хошӑм йиӈка тӑрмӑл, хӑлӑвӑт па катӑллӳв», – ащел лупӑс.

Ай хопӑв кєна вӳты хойӑс. Ащємӑн ай хоп кӳтлӑпӑл вӧнта вӳты талса, хумпӑн нык ал люхӑтса лӑлӑӈ па мӑнман лупӑс: «Мӑнлӳв, юхи ал хӑщатӑн». Ващ ӧшие хӑш ӧх па турӑн кӳтӑн мӑнӑс нухлы рєп ух пӑтыя. Кӑт пӑлӑкӑн хурамӑӈ ӑня па вӧщвӧл лыптӑт сєма хойлӑсӑт.

Лющка мултсӑр вӧлы ут шӳвалӑс. Щит нуви еӈта хушапие вӧс, кутлӑпӑн вӳсые тӑйӑс. Щи хушап ил питӑм сорӑм ӧх кӳтӑн улӑс, кӑт пӑлкӑл вӳрты анши лыптӑтӑн мухӑлтӑм. «Постӑты мосӑл па юхлы мӑнтӑвӑн нух ванты...»

Кӑрӑщ турӑн хӑщӑс, ващ ӧшие єтӑс рєп ух пӑтыя, вӧн нӳвлал ара питӑм нохӑр ӧх хущи. Кӳлаттӑл нӑл-вӑт ӑпӑл кӳлат. Кӳл лєрлал кӳтӑн мойлӑпсӑт пунман. Пӑтӑрух пӳтӑт, шай пӳтӑт, йис карты вухӑт кӳрӑк хурӑт пила. Ӧх вошая вортӑм йис ӧхӑл нёллал пила, ай хоп сӑвӑс лӧпӑл пила, нувия вантӑссӑт йира алӑм войӑт лӳв кӑрӑт.

Ил пӑлӑк нӳвӑтӑн хурамӑӈ сӑкӑт па сӑк кӑлӑт эхтӑмӑт, сух шӑльмӑт, нуви па па сыр сухӑт йирман. Лющка сємӈӑл вӧна талман вантӑс. Вантӑс па кашӑӈ вєр нумса пунӑс, ӑнт иньщӑсман, нӧмман упӑл ясӈӑт.

Шитам, сыйлы, тӧп пєлӈайӑт пӑнысӑт.

Ащел ух пунман ӧх вошая карты вух пунӑс, хӑтӑл мӑнты саты кєрлӑс па ел шӧшмӑс. Нявреміт ищи мӑшьяя лӳв ӧпӑлӑн мӑнсӑт. Постӑм тӑхӑл вӧнты юхӑтсӑт, Лющка сусӑл иты вущємӑс турӑн кӳта, ломєсӑс хушапӑл

хущи па ёвәлты питсәлә, ӧх әвәлт ил вӱты щира. Имултыйән... Пос хот әвәлт ил лакнємәс тӓлаӈ пос-пирәм тыхәл. Ԛыв Лющка вєнша напәтсәт па ин ут пурты щи питса.

– А-а-а-а-а-а, – ӱвалтәс ин ут.

Ԛӱв пос-пирәмлал киньщи пӓсты тӱвәсәс юхан хонӈа. Ащел Галина әвәл пила хопән омәссаӈән па Лющкайәл лавәлсаӈән. Лӓп супәлтәм пӱнәӈ похәлән, ёшӈәлән ёвәлман па ӱвман әвилє хопа навәрмәс. Ащел пӓсты ловәлтты питәс, па ԛыв пӓсты пусәл кӱтләпа юхәтсәт. Тӓта вотые пуләс, пос хот похәл юлта хӓщәс. Лющка шумаля омсәс, ԛюхитыйәлман пусәл йиӈкән ара нёртәм войлал әвәлт. Турәплал па нюләл нух турхәмсәт, сємӈәл нух пӱвләсӈән, упәл путәртәс:

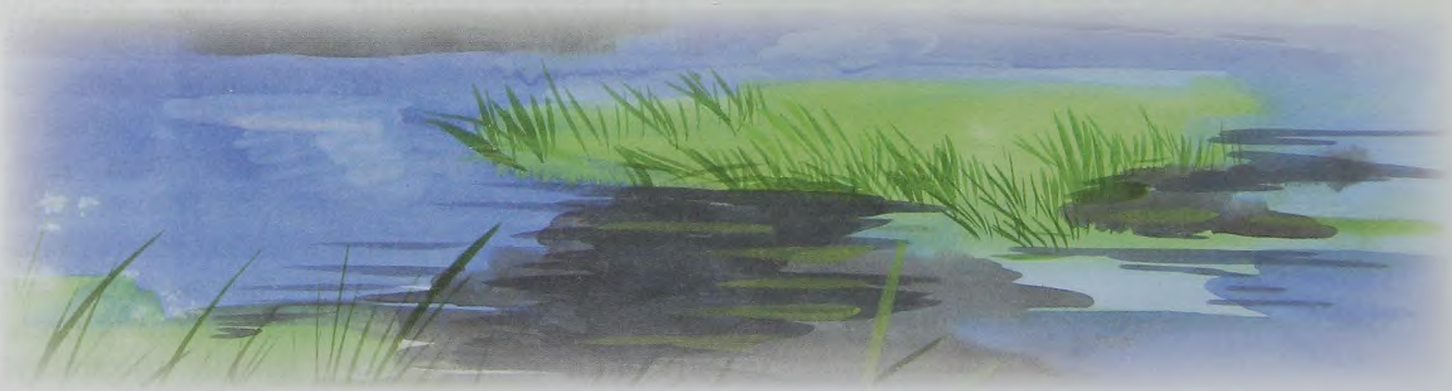
– Муя пос хот кєтәмсән, лупийәлсәм – нємулты ал кєтма, а нӓӈ... Щӓртәӈ рєпән щи мулсыйән.

Ай хопэв вӱты хойәс. Лющка, пушкан нёл иты, әӈкәл хущи кэрийәс. Әӈкәл ӯмәлты вєр өхтыйән рөпитәс па иса мөшәт ӯмәлтәс. Ащел па упәл юхтәмән Лющка нурәлән уләс. Әӈкәл мөш вєра питәм әвәлт турән йиӈкән па чеснокән ԛустәслә, ԛөлӈ кӓшәл нух вӱты па ал ԛупийәс. Әӈкәл ухәл нюхтыйәлман путәртәс:

– Щи арат нӓпәтмал? Сопэкәл әвәлт ким пӓрӈәлсәм. Ӯм щи ухшам тӓйәс, өпәтлал кӱта ки ԛуӈсәт, ӯмәс ԛөлӈ пурсы.

Мӱләм утәл төриман әӈкәл Зорька мисәл пєсты мӓнәс. Етән ат пәлы питты питәс, питы пӓлӈәт нух єләммәл, ӯха похләщмәл. Лөньщи єсәм йиӈк яньщмал ӧпийән Лющка ил вуйәмты щи питса. Вөлӈәмән щӓртәӈ ики юхтәс. Ԛӱв куйәп сєӈкәс, тӱтәӈ нёләт ёвләс йис өхләл әвәлт па ԛыкәӈа ӱвәс:

– Нємулты ал кєтма ёмәӈ тӓхийән! Ал кєтма! Нємулты пурайән!



Лужайка

Люська проснулась рано. Тихонечко прошла по коридору мимо кухни, где мама готовила завтрак, и направилась к речке.

Утро было солнечным, и только мокрая трава да лужи на дороге напоминали о ночной грозе. На берегу никого не было. Она немного поплавала и заметила, что держаться на воде стало легче. Тело уже слушалось её.

С утра было прохладно. Люська замёрзла и быстро побежала по дороге в гору, но не домой, а завернула к своему любимому месту в деревне. Это была спортивная площадка. На ней каждый вечер сражались в волейбол рыбозаводская и колхозная команды. Наигравшись, парни «крутили солнце» на турнике – кто сделает больше оборотов. Другие подтягивались на руках. В общем, было много разных развлечений на спортивных снарядах. Дети стайкой стояли в стороне, наблюдали или подавали мяч.

В этот ранний час там никого не было, и она направилась в своё укромное местечко. Между площадкой и небольшим болотцем лежала лужайка, усыпанная жёлтыми цветами на высоких ножках-стебельках. Вот и сейчас, как показалось Люське, цветы радостно встретили её. Они уже проснулись и раскрылись. Люська села между ними на траву,

стараясь не помять. Вдыхала чистый ароматный воздух, грелась на солнышке, любовалась бабочками, перелетающими с цветка на цветок. Слушала птиц. И вдруг сделала для себя ОТКРЫТИЕ, что всё это – ЖИВОЕ, такое же, как она сама. И от этого ей стало очень радостно.

По улице шли люди, и единство с лужайкой сразу пропало.

– Ну, пока. Я побежала, а завтра опять рано приду, – прошептала девочка, прощаясь.

Ваншэӈ хӑр лотэн

(шурышкарский диалект)

Люська алэӈ нӧх верлэс. Аӈкэл лэтӧт кавэрман хот йитэн сыящлэс. Люська шитама ким этэс па ёхан питэра керлэс.

Алэӈ хӑтлэн хӑтлые, йиӈкэн ванши па юшэн улты йиӈк лотэт элты ныса, муй ӑтэлэн похэл мӑнэс. Намэн нэмхоят ӑт ныса. Люська еша певлэс па моштэс, йиӈкэн кӑтласты кеншэк питэс. Элэл лӯвэл хӯлэнтты щи питэс.

Алэӈ сахӑт холна ёлэх ус. Люська потса па лӯв сора юш хӯват нӧхлы хухэлмэс, туп мӑнта ёхи мӑнты нумэс тӑйэс, лӯв мосты тӑхайэла кэрлас. Щит спортивной площадка ус. Щи тӑхайэн кашэӈ етэн волейбола рыбозаводской па колхозной командайэт ётсэт. Ётты етшэман, лыв турник мӧхты лариман ешащсэт. Муйпа ёшн нӧх ниншамтысэт. Ар юнтӧт вэрсэт щи спортивной снарядэн. Айшак няврэмэт похла лойсэт лыв юпийэн вантман, тух пӧрайэн мяч кӑтэлман лывэл ущкийсэл.

Тӑм алэӈ щита ӈэмхӧят ӑт ус, па Люська лӯв ханя тӑхаяла мӑнэс. Щи ваншэӈ хӑр лотые аня лыптэтэн лӑп энэмман ус. Люська ил опсэс лыптэт кутэн, лыптэт мӑтты ки лӯвэл шияляман охлэлэн ёвэлты питсэт. Люська сыстам лал шӧв лалтэс, хӑтэл ещалт хошмэлтэс, лапэта хӯват умщэлтэс. Щищки щипщэты сый хӯлэнтэс па и мӧхты лӯвэла нӧмэс ёхтэс, муй тӑм иса лылэӈ, ищи лӯв хорпэл лылэӈ. Щит нумэсман, лӯвэла щэӈк амтэӈа йис.

Вош хӯлы хӯват хӧятэт мӑнты питсэт.

– Па ям улаты. Ма хухэлмэсэм, хӑлэвэт ищиты алэӈ тый ёхэтлэм, – шитама лӯв ястэс.

Йиӈк лотые

(берёзовский диалект (тегинский говор))

Алӕӈ Лющка нӧх навӕрмӕс, äӈкӕлпа кухни мӧхты мäнӕмӕс па юханыел пӕла хухӕлмӕс.

Хäтлӕӈ алӕӈ вус, туп йиӈки тӧрӕн па йиӈки лотӕт юш хӧща ат пäлӕӈ похӕм олӕӈӕн ай пайӕтлӕт. Намӕн нӕмхӧят äнтум. Лӱв еша вущилӕс па нумса ёхтӕс: лӱв яма вущилӕты питӕс.

Алӕӈ камӕн ёлӕх. Лющка еша потса па пäста рӕп ӧх пäтыя хухлӕс. Ёхи äнт мäнӕс, мосты тäхӕл пӕлы карӕмӕс. Щит ёнтты хäр вус. Щäта кашӕӈ етӕн хӱл савот па кулхос пухӕт ёнтсӕт волейбол ёнтӕн. Щи юпийӕн турник хӧща хäтӕл иты лäрисӕт, хӧй ар пӱш лäрӕмӕл. Па ёх ёшӕн нӧхлы талӕсыйӕлӕт. Ай няврӕмӕт елӕншӕк лолилӕсӕт, вантсӕт муй па мячик мийлӕсӕт.

Тäм алӕӈ тäта нӕмхӧят äнтум. Лӱв хäни тäхӕла мäнӕс. Ёнтты хäрпа ай нёрӕм кӱтӕн йиӈк лотые вул. Щи лотые кäт пӕлӕкӕн äня щорхайӕт энӕммӕл. Лющка нӧмӕсӕн äня щорхайӕт яма вантсӕт лӱв пӕлала. Щорхайӕт нӧх вӕрлӕмӕл па пӕлки питмӕл. Лющка лыв хонӈӕла тӧрӕн кӱта омсӕс, лый ям эплӕл ёхтӕс па хäтӕл ёшӕн хошмӕлтыйӕс. Лыпӕнтайӕт пӕлы вантыйӕс, тухлӕӈвойӕт луйты сый хулӕнтӕс. Щäлта нумӕсӕн ёхӕтса: лый хӧлыева – ЛЫЛӈӕТ, ищи лӱв хӧраспӕл. Лющка шӕӈк амтӕс.

Камӕн хäннӕхуйӕт яӈхты питсӕт. Йиӈки лотые пила пӧтӕр сащ вушӕс.

– Я-а-а, па ям вула. Я щи хухӕлмӕсӕм, хäлӕвӕт па ёхӕтлӕм, – вӧшийӕс лӱв па ям вулӕм вӕрман.

Мӕх пäй

(ваховский диалект)

Люська йӕлӕ нуқ верхäлӕс. Тӕлӕкнäм литӕ қат лат пӧӈлох мӕнӕс, қот äӈкил литот вервäл пäни йохӕн'па мӕнӕс.

Äläӈ сӱӈк кӕлäхäн, мäрäм мӕрам пам пäни йäӈк латӕт лӧкнӕ, мяти йӧхӕн чухы вӕлхас. Йохӕн'қанӕӈнӕ қоипӕ äнтӕм. Лӧх чымлали отьлилӕс пäни лӧхäтӕястӕ, йäӈкнӕ йäмä отäқатӕс. Элäл лӧхä öхлäкäтäсь.

Йәлә әлә̆ҥ ёхлийәки. Люська патсы, пестәх ԁöксәхы ҷывпа нухпа кәсәс. Мәрәм әнтә ёхпа, ԛәрәнә ԁәԛатал тәхыяпа. Тют спортивный площадка вәлхал. Тю тәхынә кәҷә̆ҥ иттән рыбзаводский пәни колхозный командат волейбол йә̆ԛавәлт. Йә̆ԛатыл пырнә ԛуйт турникнә сихивәлт – ԛои әркипә сихимпәл. Перхәт ос кötнә нуԛ тәлә̆хсилә̆вәлт. Тю тәхынә әрки тим-том йә̆ԛатә пәни спортивный снарядәт вәлхал. Ньә̆ниԛыит пәйнәти илән лаԁхалт, лöхәтәяхалт пәни йәркә лә̆хә ҷöҷвәлт.

Йöхән әлә̆ҥ тю тәхынә ԛоипә әнтәм, пәни лöх мәнәс мәҷ йә̆ԛатал тәхыяпа – тю йә̆ԛатал тәхынә пәни ҷӯн'ԁат кötнә мәх пәй, төт энәмпәлт сӯккә̆ҥ этят. Люськая кәлә̆сь, тют этянә ньә̆ԁәԛмын ԛуньтәхтәстә. Лә̆х ким верхәлсәт пәни кöԁәккә йә̆сәт. Люська пам охтыя тёԁәккә ымләс, әнтә төхы мян'итилә. Эвәстә сахԁәк ԁилвәснә лә̆лвәл, сӯҥкнә ԛон'хәлтәхәлмын амәсвәл, ԁәваньтит ԛовәԁьтәхәлвәл. Пӯтькәлит сöй ԛолә̆нтәвәл.

Йә̆ртәкә тәхпил питәс, воронт ԁиԁә̆ҥәки, лöх кötәхтәл ити. Тютаты лöх ҷәкә ньә̆ԁԛәс.

Кömән ях йә̆лилә̆кәтәсәт.

– Тя, йә̆м улә̆м! Мә нöрәхтәлә̆м, ԛөлтәх ос йәлә йöлә̆м, – лöх ԁәвхәс.

Музгарка

Зайдя в дом, Люська прошла на кухню. Отец и мама завтракали. На столе стояла большая тарелка с отварной рыбой, уха была налита по-хантыйски – в кружки, зелёный лук со сметаной, белый пышный хлеб, молоко в крынке и варёная картошка.

Отец, улыбаясь, спросил:

– Что так рано встала?

– Купаться ходила, – ответила Люська, устраиваясь за столом.

Мама всплеснула руками:

– Алексей, скажи ей, чтоб одна не купалась – как бы чего не вышло!

Отец весело посмотрел на дочь и шутливо сказал:

– Только далеко не заплывай.

Та приняла всё всерьёз, кивнула головой в ответ: «Ага». И стала, не отрываясь, пить вкусное густое молоко.

А отец продолжал разговор с матерью.

– Ну, что решила? Меняем, пока Никита Степанович согласен, или как? Ты же знаешь, нет больше такой умной лайки в деревне. Да что в деревне – по всему Ваху. Она и щенков своих охоте обучает. В тайге без такой собаки никак нельзя.

– Ладно, бери, – сказала мама с обидой.

Отец радостно подмигнул Люське.

– Ты не серчай, Прасковья, она тебе не одну швейную машинку заработает.

После завтрака Люська пристала к отцу:

– Папа, какую собаку?

– Ты что, дочь, не знаешь лучшую собаку в деревне?

– Музгарка, – выдохнула Люська.

Её сердце радостно забилось – Музгарка шла на белку, соболя, боровую дичь, медведя и лося. Поэтому щенки её очень ценились, и не каждый охотник мог их заполучить, а уж о самой и мечтать нечего было.

– Так бы не отдал, – продолжал отец, – да глуховата стала, стареет, а у него молодые собаки есть от Музгарки. Продавать нельзя – обидится и не приживётся, а на обмен, да если ещё заговорное слово скажет – тогда можно.

– А когда пойдём-то? – спросила Люська.

– Да вот сейчас и пойдём забирать, пока он не передумал.

По тихой деревенской улице шли двое – коренастый, невысокого роста мужчина со швейной машинкой в руках и маленькая девочка, которая держалась рукой за карман отцовских брюк. Старый охотник стоял возле своего дома, курил трубку. На голове был повязан ситцевый платок, а на плечи накинута сетка, пропитанная дёгтем, чтобы мошка не кусала. Увидев ранних гостей, улыбнулся.

– Пэтья-выла, – поздоровался по-хантыйски.

– Здравствуй, Никита Степанович, – ответил ему отец.

Тот, кивнув головой, зашёл в ограду. Вскоре он вывел на верёвке Музгарку и сказал:

– Ну, иди. Он теперь твой хозяин, не обижайся. С ним теперь на охоту пойдёшь, – подал верёвку.

– А заговорное слово? – спросил Алексей.

– Сказал уже, – взял машинку из рук отца и пошёл в дом.

Возвращались они той же дорогой, но уже втроём: мужчина вёл на верёвке чёрно-белую небольшого роста лайку со смешным, скрученным баранкой хвостом, а в другой руке держал ладонь дочери, – и лица их светились радостью.

Привязали Музгарку у крыльца на длинную верёвку, чтобы собака могла в жару уйти в тень. Отец поставил в чашке воды и принёс еду.

– На, покорми. Пусть к тебе привыкает, – сказал он и ушёл на работу.

Государственная библиотека Югры КО

– 0218204 –

Музгарка лежала, положив морду на вытянутые передние лапы, смотрела грустными глазами. Люське очень хотелось с ней подружиться. Подошла, погладила по голове, приговаривая разные ласковые слова. Та смотрела на неё умными глазами и пыталась понять, что хочет эта девчонка и почему она здесь.

На другой день собака немного поела. С привязи её пока не отпускали, хотя все собаки в деревне жили на воле. Прошла неделя. Музгарка жила в конуре на огороде и уже регулярно ела свой корм.

В деревне об этом обмене все говорили с удивлением: как дорого Алексей заплатил за Музгарку. Маленькая Люська не могла знать, что тогда, в пятидесятые годы, швейная машинка была для семьи целым состоянием.

Девочка и собака понравились друг другу и много времени проводили вместе.

Однажды, гуляя по улице, Люська встретила Вальку. Она была вредной, за что ей часто доставалось от девчонок.

«Ну, всё, жди неприятностей», – подумала Люська.

И только хотела быстро прошмыгнуть мимо, как та тоненьким голоском спросила:

– Чё, Музгарка-то живёт у вас?

– Ага, – буркнула Люська.

– Как же, выкуси, – не стерпела Валька по своей обыкновенной вредности. – Я её только что видела у Сороминых.

Сердце Люськи ёкнуло: ушла!

Не обращая больше внимания на Вальку, побежала к дому Никиты Степановича. Собаку увидела издали – Музгарка играла со своими выросшими щенками.

– Музгарка, Музгарка! – покликала Люська.

Та подбежала, виляя хвостом. За ней – щенки, которые стали приставать и ласкаться. Поиграв с собаками, Люська позвала Музгарку за собой. Та не сразу, а немного погодя прибежала и улеглась в конуру. Люська принесла большую миску супа и тарелочку со сметаной, Музгарка съела всё.

– Вот и хорошо, – сказала Люська, гладя собаку. – Ты только от нас не уходи, а я тебя сметаной буду кормить.

Время летело незаметно. Вот уже и кедровые шишки стали поспевать – орехи налились молочком. Это было одно из любимых лакомств ребятни из таёжной деревни, и все, кто умел лазать по деревьям, занима-

лись их сбором. Молочные шишки зарывали в горячую золу или варили над огнём в ведре с водой, после чего смола не пачкала руки, а орехи становились особенно вкусными.

Вот и Люська отправилась на край деревни, в ближайший лесок за шишками. Вдруг она увидела Музгарку в окружении щенков. Люська, прячась за деревьями, стала наблюдать, как та лапами вырыла нору под пнём, а затем, по очереди беря щенков зубами за шкирку, подталкивала к норе и заставляла совать туда мордочку. Один щенок не хотел, упирался и скулил. Тогда мать стала легонько покусывать его за задние лапки, и упрямцу ничего не оставалось, как подчиниться.

«Значит, правду говорили, что Музгарка своих щенков учит», – подумала Люська. Музгарка побежала вглубь леса продолжать собачьи уроки охотничьей выучки и воспитания щенков. Люська осталась – зачем мешать?

С тех пор, когда Музгарка исчезала из дома на весь день, Люська знала, где она, и не волновалась. Каждый раз к вечеру возвращалась собака в дом Алексея, признав его своим. А осенью она ушла с новым хозяином в тайгу на промысел.

Музгарка амп

(казымский диалект)

Юхи ԥуԥмаԥ ӧпийӓн Лющка кухняя мӓнӓс. Ащеԥ па ӓԥкӓԥ ԥӓвман омӓссаԥӓн. Пӓсанӓн кавӓртӓм хуԥы вӧн ан вӧс, хошӓм йиԥк хӓнты щирӓн пунӓм кӯрӓшкая, вусты лӯк турӓн няр мис вуй пиԥа, нуви ԥєпӓт нянь, єсӓм йиԥк сухта пӯтӓн па кавӓртӓм кӓртӧпка.

Ащеԥ нӯх муԥӓԥӓн иньщмӓс:

– Муя аԥӓԥ нух киԥсӓн?

– Пӓвӓԥты ӯԥхсӓм, – Лющка лупӓс, пӓсан хонԥа ԥӓщӓтыйӓԥман.

– Алексей, ԥӯвӓԥ лупа, аԥ пӓвԥӓс ԥӧԥӓԥ – муԥты вєра аԥ питӓс!

Ащеԥ амтӓԥ вєншӓн эвӓԥ пӓԥа аԥкӓртӓс па лупӓс:

– Хӯва нык аԥ вӧщиԥа.

Лющка ащеԥ ӯма хӧԥӓнтӓс, ухӓԥ нюхтыйӓс: «Аха» па єпԥӓԥ єсӓм йиԥкӓԥ яньшты питӓс.

Ащел äңкєм пила елды путәртты питәс.

– Я, муй нумәс вєрсән? Пєләтлємән, Äстепан Микита кашащты мäр, муй хуты? Нäң вөлән, щимәщ нумсәң амп көртән äнтөм, я муй көртән, Вах юхан хущи äнтөм.

– Латно, вўе, – äңкєм хөрәмман лупәс.

Ащєм амәтман Лющкая сєм рäпщәмтәс.

– Нäң ал дыкаща, Парсковья, щи ампэн и ёнтәсты машина тын хөн рөпитәл.

Дәвмәл ўпийән Лющка ащел хущи ювәртыйәл:

– Аща, муйсäр амп?

– Нäң муй äнт вөлән мєт ям амп көтәв хущи?

– Музгарка амп, – Лющка ел далмәс.

Дўв сäмәл амтәңа лємпиты питәс. Музгарка амп даңки, нюхәс, лўкәт, мойпәр па кўрәң вой яма кущәл. Щирән көтювлал ёхән ишәксайәт, кашәң вәлпәс хуята дыв хөн мäсыйәт, Музгаркайәл – щит нөмәсты äнт вєрәтсән.

– Äл дөлән äнт мäслэ, – ащел елды путәртәс, – хөлты вєрәл атма йис, пирщємәды, дўв айлат ампәт Музгаркайәл эвәлт тäйәл. Тыныты äнт рäхәл – хөрәмәл, пәләтты, па мулты ясәң лупәл, – щирән рäхәл.

– Хөн мäнлємән? – Лющка иньщәсәс.

Ин щи мäнлємән па вўлємән, па нумәсән юхәтты вөнты.

Шитам вош хулы хўват кät хуят шөшсаңән – арал хө кäрщат, нюхэң-дўвәң ики, ёнтәсты мащина ёшән тäйәс, па ай эвие, ащел єлсай щєпа ёшәл катәлман.

Пирәщ вәлпәс ики хотәл пўңәлән долёс, хоңса таләс. Ухлэла äл сух ухшам йирмал, дäңкэра пунмал питы тёктён пушәлтәм холәп вошәм, нямалтән ал пурса. Аләң килэм хуят шувалємал кємән нях мулэңа йис.

– Пэтя (вўща) вөла, – вўща вєрәс.

– Вўща, Äстепан Микита, – ащел юхлы лупәс.

Ухәл нюхтыйәс, ощәл дыпия луңәс. Еша вөс Музгарка кэл тыйән ким ванәлтәс па лупәс:

– Я, мäна. Ин дўв нäң көщаен, нумсэн ал шөкащәл. Дўв пилэла интäм вәлпәслэты яңхлэты.

Кэлэл мäслэ.

– Мўлэм ясңэн па? – Алексей иньщәсәс.

– Лупсєм, – машинкайәл вўс ащєм ёш эвәлт па хотәл пэлы шөшмәс.

Юхлы йисәт ищи өшәл хўват, төп хөләм: ики хуят кәл тыйән нуви-питы ампәл пила, и ёшәлән эвәл катләс. Вєншлән амәтән хөтләсңән.

Музгарка лєпәң пўңла йирсы хўв кәла, рўвәң пурайән лөләң хәтәллы тәхия ат уләс. Ащємән йиңкәң анән омәсса па лєтутән төсы.

– Та, лаптэ. Нәңэна ат вөнәл, – лўв лупәс па рөпатая мәнәс.

Музгарка уләс, елды таләм ёшңәл өхтыя ухәл пунман. Люцка пэлы шумаля вантәс. Люцка шєңк лўв пилэла лөхсамтыйәлты ләңхас. Вана хәтәс, ухәл эвәлт вощхисәлэ, йм ясңәт лупман. Ампәл лўв пэлэла вантәс нумсәң сємңәлән, нөмәсыйәлман, амуй эвие лупты вущийәл па муя лўв тәта.

Па хәтла йис, ампәл еша лєс. Кәләл эвәлт нух әнт вўлы, па ампәт кўш кєпи вольняя көртән вөсәт. Лапәт пәрәс. Музгарка амп хотәлән вөс, лєтутлал йма лєс.

Көртәң ёх тәм пєлтәпсы оләңән путәртсәт, муя па вөн тын Алексей сухәптәс Музгаркайәл пәта. Люцка ай эвие әнт вөслэ, ёнтәсты машина тын – щит семья тәлаң ол кєм вөлты вух.

Эвие па ампие йха мөстәсңән па ар хәтәл илёпән вөсңән.

Илатән камән Люцка Валька пила вөйтантәс. Лўв вөр эви вөс па па эвәтән лыкән єтса.

– Я, щи, атәм щир лавла, – Люцка нөмәсәл.

Люцка вутщийәс пәсты хөхәлмәты, ин эвийән тәта иньщмәсы:

– Муй, Музгарка нын хущана вөл?

– Аха, – Люцка лумийәмәс.

– Вәт и әнтө, – әнт вєрәтәс Валька, вөрәң эви. – Ма ин щи вантсєм Сороминәт хущи.

Сәмәл лоньщәмсы: хунтас.

Валька пэлы әнт вантман, Әстепан Микита хот пэлы хөхәлмәс. Ампәл хўвәлта шўваләслэ – Музгарка вөна ўвәм пушәхлал пила юнтәс.

– Музгарка, Музгарка! – Люцка увтәс.

Ампәл лўв ўпэлән хөхәлмәс, шойтыел ёвәлман – пушәхлал лўв хущала супэлтыйәлсәт. Амплал пила Музгарка еша юнтәс, Люцка вохсәлэ ампәл пәнән. Ин утәл мухты хөн, еша юнтәс па юхтәс, хотәла уләс. Люцка вөн ан хошәм йиңкән төслэ па ай тарелка няр мис вуйән – Музгарка хулыева лєслэ.

– Вәт па йм, – Люцка лупәс ампәл, пэла вантман. – Нәң төп мўң эвәлтэва юхи ал мәна, ма нәңэн няр мис вуйән лапэтты питлєм.

Сыс сора мӑнӑс. Нохрӑт пуншты питсӑт – нохӑр сӗмлӑл ӗсӑм йиӈк лӑлӑн хӳвлӑсыйӑт. Щит мӗт мосты ӗплӑӈ вӧнт лӗтут кӧртӑӈ нявремӑт кӳтӑн. Хуй хошӑс кӑрӑщ ӳха хӧӈхты, хулыева щимӑщ нохӑр ӑкӑтсӑт. Вӑльщи пуншӑм нохӑр ӑкӑтсӑт па каврӑм хойма лӧмсӑл муй па йиӈки вӗтрайӑн кавӑртсӑл. Щи ӳпийӑн ӧӈх ёша ӑнт хӑнӑс, нохӑр сӗмлӑл мӗт ӗплӑӈа йилӑт.

Лющка ищи кӧрт пӳӈла мӑнӑс, ванӑн вӧлты нохӑр ӳх пая нохӑр ӑкӑтты. Шӑӈкап щӳвалӑслӑ Музгарка пушӑхлӑл пила. Лющка ӳхӑт сая хӑнёмӑман вантӑс, хутыса ампӑл хирӑс ӧӈх аӈкӑл илпийӑн, щӑлта ух сухлӑл эвӑлт тӧхӑмман пушӑхлӑл ӧӈха нӧхӑлтӑс. И пушхиел ӑнт лӑӈхас – пуньхемӑс па ниӈхрӑс. Ӑӈкӑлӑн юлта кӳрлӑл пурты питсыйӑт, пушхӑл вӧнӑлты щи питӑс.

«Йна, лупла, Музгарка пушӑхлӑл вӧнӑлтӑл», – Лющка нӧмӑсӑс. Музгарка вӧт пӑлы хӧхлӑс – пушӑхлӑл вӧнӑлтӑты вӑлпӑс вӗра. Лющка лӑлӑм тӑхӑлӑн хӑщӑс – муя турастыйӑлты?

Щи вӳш эвӑлт Лющка вӧллӑ, ампӑл юлӑн ки ӑнтӧм, хута лӳв йӈхӑл. Музгарка кашӑӈ етӑн Алексей хота юхтыйӑл, щит лӳв хотӑла щи йис.

Сӳсӑн йилӑп кӧшайӑл пила Музгарка вӧнта вӑлпӑса мӑнӑс.

Музгарка

(сургутский диалект)

Люська йӑқу дӑҥ, дитӑ қот лӧқинам мӑн. Аҥкиҳӑл-ачиҳӑл дивмин умӑсҳӑн. Пӑсан ӧхтынӑ ӑнӑл қули анӑҳ умӑс, қоҷӑм йӑҥк кукуранӑҳа пӑнмин, қӑнтӑҳ соҳит, нӑви нянь, мӑсйӑҥк, нык мӑлҥилӑм кӑртопка.

Ачилнӑ пырипи:

– Чӑкӑ алӑҥ мӳват килӑн?

– Пӑвӑлта йӑҥқилӑм, – Люська ястӑҳ панӑ пӑсана ымӑл.

Аҥки ястӑҳ:

– Алексей, яста, лӳв ал пӑвлӑл-йӑҥка пар мӑнӑл.

Ачи ӑвилнам ӑҥкрӑмтӑҳ панӑ ньӑҳмин ястӑҳ:

– Қӧққӑнам ал ньӑрҳа.

Ӑвилнӑ чи кӧлӑт чыпҳӑ вӑйлал панӑ ястӑҳ «я-я», тьыт пырнӑ мӑсйӑҥк еньчча раҥипӑҳ.

Аҥкиҳӑл-ачиҳӑл сарнам ньӑвӑмта раҥипҳӑн:

– Я вӑлӑ чу амп?

– Ӳртӑл пӑ Никита Степанович. Нӳҥ вӑлӑ вулӑ, чиминт йӑм амп ӧс пуҳӑлнӑ ӑнтӑм.

– Ӑнтӑ тӧппӑ пуҳӑлнӑ, Вӑҳнӑ ӑчӑ.

– Чу амп мӧқлал войӑҳ кӑнҷҷа ӧнӑлтӑл. Илӑн чуминт амплӑҳ вӑлтӑ ким ӑнтӑм.

– Я, вӑе, – аҥки ястӑҳ.

Ачи ньӑлӑқ, Люськаҳа сӑм қӧньӑрӑмтӑҳ.

– Музгарка! – Люська ястӑҳ. Люська ньӑлӑқ. Лаҥки, ньӧҳӑс, лӳк, сӑйлӑй, ӧвӑр войӑҳ Музгарка кӑнҷҷӑ вӑр тӑял. Чи амп мӧқлал йӑмат чи йӑм мӧқӑт вӧлӑт, каҷӑҥ қуя йӑмнам ӑнтӑ мӑлат. Никита Степанович лӑҳат тӑҳӑ мӑтаҳӑ ӑнтӑ лӑҥқал – лӳв импӑл пырӑсҳӑ йӑҳ, панӑ мӧқлал қӧлха айӑт. Мӑта соҳит пилӑҳтӑта я қӧты йӑҳ.

– Я қунтӑ мӑнли? – Люська пырипӑҳ.

– Ит мӑнли, пӑрҳи ӑнтӑ нӧмӑқсӑл қунтӑ.

Кат йоққӑн пуҳӑл қӧвит сӧҷлӑҳӑн: ики йонтӑқсӑтӑ машинканат панӑ ай ӑвӑли, ачил кӧта катӑлмин.

Кемӑн қутӑл қучӑҥнӑ пырӑс ики канса талмин льольӑл. Уҳӑл суминтаҳат пӑнмин, ай войҳӑтнӑ ӑнтӑ пӧртал пӑтан.

Йоққӑн ӧяҳтӑмал латнӑ ястӑҳ:

– Пӑча вӧлиттӑн, – қӑнтӑҳ соҳит ястӑҳ.

– Пӑча, Никита Степанович! – Люська ачи ястӑҳ.

Чу ики ворҳӑта лӑҥ, пӑрҳи йӧвӑт, амп ҷӧнҷӑҳ тӧйнӑ ванӑлтӑл, Музгарка нӑмпи.

– Я, мәна. Чи қө нӱӈ уртэ. Ти ампнат вәлэ войәҳ кәнҷҷа мәнлән.

Панә амп мөқдаднат Люськаҳа мәйдад. Йонтәқсәтә машинка ампәт мәвәд мәйи. Никита Степанович пиләхтәм өтәд йәқәнам тувтәҳ.

Люська ачиднат пәрҳинам ампәтнат сөҷдәҳән.

Музгарка қөв ҷөнҷәҳа ыдә йӱри, қәны қәтдәтнә қәтәд сая мәнтад пәтан. Люська ачи амп анәҳ йәӈкат пәнтәҳ панә ястәҳ:

– Люська, дитөтат диптыда. Дӱвә нӱӈаты өнәдәт, – чи көдәтнат ачи ропитдәта мән.

Музгарка ыдә әдинт, уҳәд көтҳәда пәнтәҳ, әдәмәта нөмәқсәмин, Люськанам уньми.

Па қәтәд ҷымәд див. Идә әнтә әсди. Па ампәт әйнам пуҳәднә мәвәд вөдәт.

Әй дапәт мән. Музгарка дӱвнам дид, дӱвнам қутәднә вәдәд.

Пуҳәднә әйнам йоҳ чи идты ньәвмәт: Алексей амп тынәӈкә пиләхтәтәҳ. Иҷәк амп мөқәт вәй.

Люська панә Музгарка ньәмрәҳ қәтәд мәрә әйқа йәнтәккән. Әй датнә Люська кемән қөвәтдәтад соҳит Валькаҳа пәд. Чу әви еӈкәрҳәтә вәр төй.

Панпә Люська пырипәҳ:

– Музгарка нәӈ қутыннә вәдәд?

– Мәӈ қутувнә, – Люська ньәвәм.

– Ад йәмнам дуд рӱвта, – Валька ястәҳ. – Дӱв вәдә Никита Степанович қотнә. Мәвәд пит.

Люська қәнчәкинт, йәқәнам пәткаҳдәмин нӱрәхтәҳ. Мәвәд Музгарка мөқдаднат йәнтҳад. Люськанә амп ванҳә вуҳи. Амп ньәлҷидтәҳ-мосәлтәтәҳ. Люська йәқә доҳәтдәҳ панә дитөт ампа тув.

Амп дид, өс Люська дӱват ньәлҷидәд панә ястәд:

– Қөккәнам нӱӈ ад мәна. Ма нӱӈат йәмҳә дапәтдәм.

Сыс вөд. Ноҳрәт пөнҷәт, невремәт ноҳәр сәмат йәмат дәӈкдәт. Па йоҳ юҳа қуӈәтдәт, па йоҳ әктантәдәт. Чу ноҳрәт нык вәрдат, най пара ыдә лоттәлат. Пөнҷҷид датнә әпдәӈкә йәдәт. Люська әчә ноҳәр аныта мән. Вөнт уйнә дӱв Музгарка мөқдаднат өйәхтәҳ. Люська төвнам әдә дәйәд. Музгарка вөӈк қынәд, мөқдад әчә, дӱв мәҳ әпсинтәд – мөқдад әчә, дӱв даӈки қуӈтәм юҳ мәҳәдты кирәҳдәд – мөқдад әчә. «Йоҳ ҷопәӈка ястәдәт, Музгарка мөқдад өнәдтәд», – Люська нөмәқсәта йәҳ.

Люська төд иднам мән. Дӱвә амп мөқдад өнәдтәд. Чит пырнә Люська импәд әнтә кәнҷәксәтәҳ. Па датнә Музгарка ньәмрәҳ қәтәд мәрә әнтәм. Люська нөмәқсәд: «Өс мөқдад өнәдтәд».

Сӱҳәснә Музгарка йәдәп өртәднат войәҳ кәнҷҷа мән. Өс мөқдад йәм войәҳ кәнҷҷә ампҳә йәҳәт.

Ящерка

Люська всегда просыпалась рано. Она любила это утреннее время, когда все звуки громче, а деревня пробуждается не торопясь. Над каждым двором струится столбик дыма от железной печки, на которой варят утреннюю уху. И жизнь начинается заново, без суеты и спешки.

В одно такое летнее утро Люська шла по тротуару вдоль улицы, грея озябшие от росы босые ноги о пропитанные солнцем доски, и чуть было не споткнулась о большого чёрного кота, сидевшего у неё на пути. Кот что-то трогал лапкой, как бы играя, но с опаской.

Любопытная девчонка, конечно же, не могла пройти мимо. Отогнав кота, она увидела ящерку, перевёрнутую на спинку. Ящерица лежала неподвижно, выставив ярко-жёлтый животик и раскрыв рот с торчавшими мелкими частыми зубками, похожими на щучьи. Люська подумала: «Раз не шевелится – значит, мёртвая».

И, пожалев её, решила похоронить. Взяв в руки щепочки, девочка стала перекладывать ящерицу на листик подорожника. Но как только ящерка перевернулась на бочок, она тут же закрыла рот и быстро встала на лапки. Её серенькая спинка сливалась по цвету с досками тротуара.

– Ах ты, моя хорошая, ожила. Сейчас я тебя в лес отнесу, а то на тебя здесь наступят и раздавят, – хлопоча, приговаривала Люська.

Ящерица затихла, как бы прислушиваясь, и поняв, что ей уже ничего не угрожает, юркнула под доски. Довольная своим поступком, девчонка побежала домой поделиться впечатлениями с отцом. Рассказав всё подробно, Люська тут же спросила:

– Папа, она что, в обморок упала от страха?

– Нет, дочь, – притворилась мёртвой, а сама момента ждала, чтобы убежать. И ужи так делают. Все думают – мёртвый, выбросят его в траву или кусты, а он быстренько, раз-раз, и уползёт. Хитрые они – от смерти спасаются. А ты молодец, вовремя её от кошачьих лап освободила. Без нужды да раньше времени никому умирать неохота, – добавил отец, как бы задумываясь о чём-то своём.

Под впечатлением от произошедшего у девчонки разыгралась фантазия. Может, это вовсе и не ящерку она спасла, а хозяйку Белой горы, что неподалёку от деревни находится, как в той сказке, что ей мама недавно прочитала про Хозяйку Медной горы, которая превращалась в ящерицу. Она чувствовала себя счастливой, ещё не понимая почему. А счастье Люськино было оттого, что она впервые спасла чью-то жизнь, пусть даже маленькой желтопузенькой ящерки.

Мамина инспекция

Сегодня день не задался, Люське делать было совершенно нечего, а скучать она не привыкла. В поисках занятия зашла в больницу, там всегда было что-то интересное.

В ожидальной комнате стоял стол, на котором лежало много разных медицинских брошюр с картинками. На стенах висели плакаты. Один очень нравился Люське. На нём был нарисован чум, внутри которого за столиком сидел хант, похожий на Никиту Степановича, и пил чай. А внизу подпись: «Содержи жилище в чистоте!». Миновав эту комнату, она заглянула в другую, где мама вела приём больных. Там тоже никого не было. В перевязочной она укладывала медицинский металлический чемоданчик, который очень смешно назывался, – бикс.

– Мама, ты куда, на вызов?

– Нет, сегодня день обхода, и я иду на молоканку.

Раз в месяц фельдшер обходила деревенские предприятия с инспекцией на предмет гигиены и охраны здоровья.

– Возьми меня с собой.

– Нет, дочь, ты мешать будешь.

– Не буду, мама.

– Сказала – не возьму.

– Ну, тогда я сама за тобой пойду, – произнесла Люська твёрдо и вышла.

На молоканку летом, после утренней и вечерней дойки, молоко сдавали в большом количестве. Там и масло сбивали. А как это всё делается, Люське очень хотелось посмотреть. Ну нет, такого интересного мероприятия она ни за что не пропустит.

Люська медленно шла по улице, дожидаясь маму. Та её догнала и сказала на ходу:

– Всё-таки увязалась. Ну и настырная. Ладно уже, иди, только не мамкай и не мешай. Поняла?

– Поняла, – ответила девочка, радостно улыбаясь.

А когда Люська улыбалась, на её загорелых щёчках появлялись ямочки. Глазки, похожие на спелую черёмуху, блестели. Озорное, усыпанное веснушками личико обрамляли распущенные по плечам золотистые волосы. В такие минуты отказать ей было невозможно. Она вся лучилась радостью и задором. Подождав, когда мама войдёт в дверь, Люська прошмыгнула следом.

Внутри пахло молоком, сывороткой. Посредине стоял большой блестящий сепаратор. На нём перерабатывали молоко. Из одного рожка вытекали сливки, которые потом превращались в сметану, а из другого обрат – обезжиренное молоко. Всё сверкало чистотой. Мама беседовала с заведующей. Увидев вошедшую девочку, та, улыбаясь, сказала:

– А вот и Люся к нам пришла.

Явно стараясь раздобрить строгую фельдшерицу, которая требовала чистоты и всё проверяла. Люська это поняла, потому что одну её сюда никогда бы не пустили, и нахмурилась. Мама посмотрела на неё строго, но ничего не сказала, продолжая делать замечания.

– Липучку от мух чаще меняйте. Зайдите в больницу, я побольше дам.

Люська, помня данное обещание, бочком вышла на улицу.

Вскоре появилась строгая мама в сопровождении молоканщицы. Люське нравилось, как встречали её мать – с уважением, а некоторые и со страхом – как бы чего не написала.

Закончив проверку, мама вернулась в больницу. А Люська помчалась на другой конец деревни к Томке – рассказать, что видела, да попеть песни. Девчонки, сидя на берегу и любуясь на реку, орали во весь голос жалостливые песни, услышанные от взрослых: «Маруся отравилася, в больницу увезли».

Но пели они редко, когда уже совсем было нечем заняться. А сегодня был как раз такой день.

Аңкэл арталэты вэр

(шурышкарский диалект)

Ям хӑтэл тӑмхӑтэл ӑт питэс. Люська иса ӑт уйтэс муй вэрты, щиты омэсты лӯв ӑт веритэс. Вэр кӑншман, лӯв пульницая лӧңэс, щита иса мӧлты умэщ вэр ус.

Лавэлты хот йитэн пӑсан лойэс, лӯв элтэла ар нэпэк олэс. Хот питэрэн плакатэт эхэтман усэт. И плакат Люська иса умэщ вантман тӑйсэлы. Щи хорэн пӑсан олэңэн и хӑнты ики шай омэсман омсэс. Хӧр илпийэн хӑншман ус: «Хотэн сыстама таи!». Вутэн улты хот йита мӑнман, Люська лыпия ӑңкэрмэс. Щита ищи нэмхӧят ӑнтум ус. Аңкэл шияльэслы пульница хот йитэн, лӯв еңтай хӧшапа леккар пӧрмэсэт пӧнэс. Щи хӧшап ӧщхуль нэм тайэс – бикс.

– Ома, нӑң хӧлта, вохсайэн?

– Ӑнта, тӑмхӑтэл хот хӯват яңхты мосэл, ма мис йиңк шавиты тӑхая яңхлэм.

Тылящ хӯват и пӯш леккар рупата хотэт хӯват яңхэс, сыстам нӧх вантылыйэс.

– Мӑнэм пӑтэн уи.

– Ӑнта, эвие, нӑң тӧрастыты питлэн.

– Ома, ӑнт питлэм.

– Ма ястәсәм – ӓт уләм.

– Щиты ки, ма ма сӓхат нӓӊ юпәнән мӓнләм, – Люська такан ястәс па ким этәс.

Лӱӊән, мис шавиты хота, аләӊ сӓхат па етән ар мис йиӊк тутлиса. Щита мис йиӊк элты мис вой вәрса.

Люська тӓмәщ вәр ӓт па вантыйәс, щишән шәӊк лӓӊхаса вантты, хӧты мис вӧй вәрла. Люська айәлта вош хӱлы хӱват шушәс, ӓӊкәл лавәлман. Аӊкийән ёлта ёхәтса па ястәса:

– Ищипа щи мӓнсән. Муй па нӓӊ урайәӊ. Па мӓнләмән, туп мӓнәм ал воха, па ал тӧрастыя. Ям?

– Ям! – Люська ёхлы ястәс, амәтмәман. Хун Люська амтәтлыйәс, вәнш пӱӊләлән вәнш лохтәт этлиләсәт, сәмлал люм рих хӧрпи кущты щи пайтәсләт. Ӧх сӧхлал хӓтәл новийән хутләлты питләт. Щи пӧрайән лӱвәла ювра ясәӊ ястәты кум ӓнт ус. Лӱв иса нӧви тӱт иты хутләс.

Аӊкәл юпийән лӱв ёхи лӧӊәс.

Лыпийән мис йиӊк эпәл лойәс. Хот йит кӱтәпән ун вӧлиты сепаратор лойәс. Сепараторән мис йиӊк ларитса. И лот элты щел мис вӧй щорийәс, па лот хӱват талты мис йиӊк этәс. Хотән сыстам ал волийәс. Аӊкәл рупитты нэ пилән пӧтәрман лойәс. Рупитты нэ Люська шияләмән, нӓхман ястәс: «Люся нэш ёхтәс!». Аӊкәл щит хӱл ӧтман, эвәл пэла такан вантәмәс, туп нэмӧлты ӓнт ястәс. Люська ӧша пайтсәлы, муй уча лӱв тый нэмӧлты пӧрайән ӓнт эсәлса лулән, щишән сэм пӱӊлал вана талсәлы.

– Сэри кӓтәлты кэләт ван кэша тӓхәрлыйәлты. Пульницая ёхтаты, ма аршәк нынана мӓләм.

Люська сора кэша ким этәс.

Ешаул аӊкәл па ким этәс. Люськая умәщ вантты ус, хӧты аӊкәл хӧятәтән мосман тӓйса.

Аӊкәл пульницая мӓнас. Люська па Томка пилнәӊәл хӧща навәрман мӓнәс, сора кэша пӧтәртты, муй вантәс па арәт ариты. Эвиләӊкәӊән ёхан питәрән омәсман па ёхан йиӊк пэла вантман такан арәт ӱвсәӊән: «Маруся мӧлты атәм лэс, па кӓшаӊа йис, лӱв пульницая туса!».

Туп щимәщ арәт лыв тух пӧрайән арисәт, хун иса ар ӓнтум ус, тӓмхӓтәл шӧма тӓмәщ хӓтәл щи ус.

Черёмуха

Незаметно подошёл август. В лесу поспели ягоды. Грибная пора в самом разгаре. У Люськи было полно дел. Она бегала в лес. Приносила домой полный туесок маслят и красноголовиков. Других грибов она пока ещё не знала, а эти ей показал отец и добавил:

– Бери, дочь, только такие, не ошибёшься – они съедобные, а другие потом научишься отличать.

Вечером, когда сёстры лежали в постели и Люська уже засыпала, Галина доверила ей секрет, что завтра старшие девчонки идут по черёмуху, она уже поспела. А из младших решили взять Люську, потому что она умеет хорошо лазать по деревьям и не боится высоты. Это сообщение Люську очень обрадовало. Старшие девчонки держались особняком и играли в другие игры, а младших не брали, чтоб не мешали. А Люська с Томкой однажды подглядели за ними. Как те, привязав тесёмками к пяткам пустые деревянные юрки от ниток, учились ходить на «каблуках» и красили губы помадой, которую утащили в бане у местной портнихи – эвакуированной ленинградки.

После этого младшие при каждом удобном случае стращали их: «А вот рас-

скажем, как вы губы красили», – и те быстро шли на уступки, потому что за такие вольности их ждало суровое наказание от матерей.

Люська засыпала счастливая. Её берут с собой старшие, а это значит, что признали за свою. Где-то к обеду девчонки собрались возле Люськиного дома, стоявшего посредине деревни. У всех с собой были берестяные туески и набирки. Их обычно носили на длинной верёвке и надевали через голову. Набирка висела на груди, и можно было брать ягоду обеими руками.

– Ну чё, девки, куда пойдём? – спросила Нинка. – За ручей или рыбозаводскую баню? Там и комара меньше – с реки дует, и ягода крупней.

С ней все согласились. Она была старшая и пользовалась авторитетом.

Девчонки пёстрой стайкой побежали в сторону рыбозавода. Люська едва за ними поспевала.

– Галька, Галька, – дёргая сестру за подол платья, спросила, – ты маме сказала?

– Нет, отстань.

– А отцу?

– Да говорю тебе, нет.

– Ругать будут.

– Если б сказала, не отпустили бы одних. А так черёмухи наберём, мама пирогов напечёт.

Довод был веский, и Люська замолчала. Путь оказался неблизким. Они шли до излучины Ваха по вязкому илу. Там, на высоком месте, называемом гривой, стояла черёмуховая роща. Войдя в неё, девчонки увидели, что все деревья были увешаны гроздьями чёрной спелой черёмухи. Каждый занял себе облюбованное дерево и начали брать. Нижние ветки обобрали быстро, а лучшая ягода всегда растёт на верхушках. Девчата стали звать Люську наклонить ветки. Люська, ловкая как обезьянка, забиралась на тонкое дерево или хорошую ветку и повисала. Перебирая руками, достигала того места, где ветка под тяжестью её тела сгибалась. Люська разжимала пальцы и прыгала. Если было высоко, девчонки её поддерживали и снимали.

Увлечённая крупными ягодами, Люська не заметила, что ветка тонковата, и только повисла на ней, как раздался треск. Она полетела вниз, держа ветку в руках. Было невысоко, да и ветка попалась развесистая, поэтому приземлилась относительно мягко. Раздался дружный смех. Нинка кричала, хохоча:

– На парашюте Люська приземлилась! Ха-ха-ха!

И Люська, опомнившись от испуга, заливисто засмеялась. Потом, уже осмелев, она из озорства так же прыгнула ещё несколько раз.

В черёмуховой роще стоял полумрак. Солнце почти не пробивалось через густую крону деревьев, и сборщицы ягод не заметили, как приблизилась гроза. Гром прогремел неожиданно. Они все собрались под густым деревом, чтобы укрыться от дождя.

– Скоро пройдет. Вон, как льет, – сказала Нинка. – Да и ягоды уже некуда брать, набирки полные. Переждём и домой пойдём.

Девчонки болтали, не обращая внимания на раскаты грома:

– Грунька, а когда твоя мама из черёмухи лепёшек наделает, дашь? Они у ней самые вкусные в деревне.

Люська проглотила слюну. Черёмуховые лепёшки – такое объедение! Их делали из толчёной черёмухи, затем сушили в печке, заготавливали на всю зиму. Это было лакомство. Маленькими кусочками клали в рот, как конфетку. Девчонки заговорили о еде – все уже давно проголодались.

А Грунька стояла, слушала, кивала головой.

– Я знаю, почему лепёшки вкуснее. Мама по-старинному делает, на рыбьем жире, который в жирварке топится. А ваши матери на постном масле, вот, – подытожила Грунька, как взрослая.

Дождь кончился, девчонки мокрые, но довольные, пошли домой.

Было уже часов шесть вечера – никто и не заметил, как время пролетело. Миновали баню, возле которой толпился народ. Вдруг Люська увидела идущего навстречу отца. Дёрнула за руку сестру. Они остановились, а подружки с пониманием побежали дальше. Вид у отца был грозный. Кожаная фуражка, которую он всегда носил, была надвинута на самые глаза.

– Где были? Мы везде обыскались. Гроза такая страшная была.

– По черёмуху ходили, – тихо сказала Галина.

– Идите домой. Приду из бани, ремня получите, – коротко сказал отец и пошёл.

Под мышкой у него был берёзовый веник и авоська с бельём. Девчонки приуныли и побрели к дому.

– Бить будет, – сказала Галина.

– Будет, да ещё как, – подтвердила Люська.

Помолчав, сказала:

– Я придумала. Давай подушки привяжем, платьем сверху прикроем. Папа ничего не заметит, а когда начнёт «ремня давать», нам не будет больно.

Придя домой, поставили туески с черёмухой на лавку в кухне, быстро поели молока с хлебом, густо намазанным сметаной. Ужина дожидаться не стали, пошли в свою комнату. Переоделись в сухую одежду и приступили к осуществлению задуманного.

– Галь, а Галь, так мне подушка во всю спину и до пяток достаёт.

– Ничего, зато будет не больно, – ответила сестра, привязывая верёвкой на Люськиной спине подушку.

Затем помогла ей залезть на кровать. Накрывая одеялом, сказала:

– Притворись, что спишь. Папа придёт, а мы спим. Вот он нас ругать и не будет.

Согревшись под одеялом, девчонки заснули настоящим сном.

Вскоре пришёл отец. Удивился необычной тишине в доме и забеспокоился: «Шибко тихо что-то, и девчонок нигде нет. Спрятались или убежали... Ведь и постращал-то только для порядка, чтоб слушались, а то тайга рядом, далеко уйдут, заблудятся – маленькие ещё», – думал Алексей, направляясь к детской комнате. Приоткрыл дверь. И перед ним предстала картина – на кроватях возвышались две «горы». Он неслышно подошёл к кровати младшей, приподнял одеяло и увидел...

Из-под большой подушки, привязанной к спине, торчала макушка и раскинутые ручки и ножки. Ни дать, ни взять – черепашка. Он видел их во время войны в зоопарке в Австрии, когда освобождал Вену. Смех начал душить его. Откинув одеяло старшей, увидел то же самое. Дивясь хитрости озорниц, развязал и вытащил подушки. Дети спали так крепко, что даже не почувствовали.

– Притомились, родные, – прошептал отец. Вышел, тихонько прикрыв за собой дверь.

А утром сестёр разбудил ароматный запах пирожков с черёмухой.

Люм юх

(шурышкарский диалект)

Айәлта торән хойты пӧра ёхтәс. Утән рих пӧшәс. Тӧлхәт акәтты мәт ям пӧра. Люська ар вәр тайәс. Ӆӯв унта хухәтлийәс. Унт әлты

тӑлӑҥ воньщӑп ёхи тус, иса ӳрты ӧхпи тӧлхӑт. Ащийӑн лӳв айӑлтӑса, муйсыр тӧлхӑт ӑкӑтты, щишӑн па хӧрпи тӧлхӑт лӳв ӑт ӑктӑс.

– Эвие, туп тӑмӑщ тӧлхӑт ӑкта, лывӑл кавӑртты па лӑты рӑхӑл, уна йилӑн, па тӧлхӑт мӧштӑты уйталлӑн, щи пӧрайӑн туп ӑкта.

Етӑн, хун Люська опӑл пилӑн ил ӧлсӑтӑн, па Люська олӑман ёхӑтты питса, опӑл лӳвӑла хӑня пӧтӑр ястӑс, муй хӑлӑвӑт ун эвӑт люм рих ӑкӑтты сонтӑмӑсӑт, люм рих ӑма пӧшӑс. Люська пӑтӑн уты кашащсӑт, лӳв шӑҥк ӑма ӳха нӧх каратыйӑл па пӑлат ӑлты ал па пӑлӑл. Щи ханя ясӑҥ ӑлты Люська нӧх амӑтмӑс. Ун эвӑт иса ӑтӑлт ёнтсӑт, па айшӑк няврӑм пӑтӑн уты лывӑла шук ус. Ипӳш Люська Томка пилӑн лыв юпӑлӑн хӑняйӑн вантман ӑҥхсӑҥӑн. Ун эвӑт тал ӳх сохӑм кӳр илпия ӑрман, утӑлтысӑт щиты ӑҥхты, па хӧлна тӧрӑплал ӳрты нёрӑпӑн нӑрсӑлал. Щи нёрӑп пӑвӑлты хотӑн сӧх ёнтты и нӑ ӑлты лолӑмсӑт. Щи сӧх ёнтты нӑҥӑн Ленинград вош ӑлты ляль пӧрайӑн тый туса, щишӑн лӳв айӑлса – эвакуированный нӑ.

Люська Томка пилӑн ван кутӑн ун эвӑт пӑлтаптӑсӑт: «Мӳҥ иса ястӑлӳв, хӧты нын тӧрӑплӑн нӑрсӑлӑн!», – эвӑт мӧхты шитама йилӑт па вӑрсӑт щиты, хӧты ай эвӑт пӧтӑртсӑт. Аҥкӑлӑн вӑритсайӑт щӑҥк такан лявӑттыйӑлты.

Люська ӧяҥа олӑс. Лӳв ун эвӑтӑн пӑтӑн ула, щишӑн лӳв ищи лыв ловӑт, лыв хорпӑл. Хӑтӑл кӳтӑп кӑмӑн эвӑт ӑктӑщсӑт Люська хот пӳҥӑлӑн, лӳв хотӑл курт кӳтӑпӑн лойӑс. Хол ёшӑн воньщӑп па тӧнты хӧшапӑт тайсӑт. Воньщӑп хӳв кӑл хӳват сапӑл шуппи эхӑтсӑт, щишӑн рих кӑт ёшӑн воньщты рӑхӑс.

– Па муй, эвӑт, хӧлта мӑнлӳв? – Нинка иньщмийӑс. – Сойӑм па пӑлка муй па пӑвӑлты хот шанша? Щата пӑлҥа шимӑлшӑк, ёхан ӑлты овӑл па рих уншӑк.

Иса хӧл кашащсӑт. Лӳв уншӑк ус па эвӑт лӳвӑл хӳлатсӑт.

Эвӑт каркама шушмӑсӑт пӑвӑлты хот пӑла. Люська туп-туп лыв ӳпӑлӑн утщийӑс.

– Галька, Галька, – опӑл ернас пон сӑхат сухтӑман, лӳв иньщмийӑс, – нӑҥ аҥкӑмӑна ястӑсӑн?

– Ӑнта, рома ула.

– Ащия?

– Ӑнта, пӧтӑртлӑм нӑҥӑна, ӑнта.

– Лявӑтты питлаймӑн.

– Ястӑсӑм ки, ӑт эсӑлсаймӑн лулӑн уча. Ин люм рих ӑкӑтлӑмӑн, аҥкӑв пӑл нянь вӑрӑл.

Люська щи ясңәт хўлләман, рома йис.

Юшәл хўв ус. Ҙыв вӧщләх кутән Вах кәрәтты тӑха унты шушсәт. Щӑта, кӑрәщ вўрән, люм ӯхәт похла энәмсәт. Вўра ёхәтман, эвәт шияләсәт пошәм ун люм рихәт, ҙыв нўвәт элты ҙавәрта ил ҙойсәт. Кашәң эви ҙўв кәшәла ӯх кӑншәс па рих вощты щи питсәт. Илта энәмты нўвәт сора кәша талсайәт. Туп мәт эплән, мәт пошәм рих патады мәт нўвән энәмәл. Эвәт Люська вохты щи питсәт. Люська обезьянка вой хӧрпи иты имӧхты ващ ӯха муй па так нўва нӧх хуңхәмәл, нўв олән унты ёшән туп кӑтләсман мӑнәл, щӑлта эвәтән ҙўв ил талла нўвәл пилән. Щиты рих па елды ӑкәтлӑт. Рих пәла вантман, Люська ӑнт па шияләс, муй ҙўв кӑтләсәм нўвәл шәңк ващие, имӧлты хәриты сый щащмәс па Люська ил щи ҙӑрәмәс. Ӑнта шәңк кӑрәщ ӯх улмал, па нўвәл ҙәпәт ус, щишән Люська ҙәпта ил питәс. Хӧл няхты питсәт. Нинка ун турән няхман, увалтәс:

– Парашют пилән Люська ил ҙатәс! Ха-ха-ха!

Люська пакнәл мӑнман, па няхты питәс. Щӑлта, мулӑма ӯвман, кӑт-хулӑм пўш па ищиты ил навәрмәс.

Люм ӯх вўрән пӑтламашәк ус. Хӑтәл ёшәт кўл нўвәт мӧхты ҙыпия ӑт вәритсәт питты. Рих воньщты нәңәт ӑнт па шияләсәт, муй похәл вана ёхтәс. Похәл сый роман сыящлӑс, ертты питәс. Эвәт ипохла кўл ӯх илпийән ӑктәщсәт.

– Ешаул щи ерт нӧх ӧлыйәл. Муй хӧрпи такан щошийәл, – Нинка ястәс. – Па воньщәм рих нәмӧлты тӑхая пӧнты ӑнт рӑхәл. Воньщәплўв тәкәнсәт. Ертәв етшәл па ёхи щи мӑнлўв.

Эвәт мӧлтаса пӧтәртсәт, похәл сый пәла ӑнт па вантман:

– Грунька, нӑң аңкэн хун люм рих элты тўтәң нянӑт вәрәл, муңэва мӑлән ай тӑхтые? Ҙўв куртэвэн мэт эплэң нянь палэл.

Люська ўнлэл пӧлшәңән ёхәтса. Люм рих элты тўтәң нянӑт – мэт ям ҙәтӧт! Люм рих рава нэрсайэт, ҙант пилэн ҙылэтса, щӑлта кур ҙыпийэн сорэлтэса, хўв тӑл кэша ҙэщэтса. Щит мэт эплэң ҙэтӧт ус. Ай пўлыеңэн уңла пӧнлан, мампащ иты. Эвэт ҙэтӧт олэңэн пӧтэртты щи питсэт – иса хол самлал вохты щи питсэт.

Грунька елэңшэк ҙойман, хулэнтэс, муй эвэт пӧтэрлэт, па охэлэн ёвлэс:

– Ма уйэтлэм, муя аңкэм хӧща вэрэм няньлал эплэңшэк. Аңкэм кӑтра щирэн вэрэл, хўл вой пилэн. Нын аңкилэн ҙапка войэн вэрлэт. Щиты, – ястэс Грунька, ун ими иты.

Ертэты етшэс, пӧшэм эвэт амтэтдыман ёхи мӓнсэт.

Етна пэдая хут щос кэма йис – нэмхӧят ӓнт па шиядэс, хӧты ар щос мӓнэс. Пэвэдты хот пӯңэдэн мӓнман, Люська ещадт йиты ащед шиядэс. Опэд ёш хӯват сухтэсды. Дын шушты нӧх водысэтсаңэн, пид нэңдад па ӧша пайэтман ед хухэдмэсэт. Ащи вэншэд шэнк тарэм ус. Фуражкайэд иса сэм унты хӓтэтдӭман ус.

– Хӧта усңэн? Ар тӓхайэн нынан кӓншман яңхсӯв. Муй хӧрпи так мӓриты сый ус!

– Люм рих ӓкэтты яңхсӯв, – айэдта Галина ястэс.

– Мӓнатэн ёхи. Пэвэдты хот эдты ёхэтдэм, ӓнтэптэты кэдэн мӧшатдэтэн, – щиты ащи ястэс па ед мӓнэс.

Хуңэн пӓтыйэн веник катдэс па авоська сыстам сӧх пидэн.

Эвэңэдэн пӓдман ёхи щи мӓнсэңэн.

– Сэңкты щи питдэды, – Галина ястэс.

– Питдэды щи, – Люська ястэс.

Еша удман, ястэс:

– Нумэс вэрсэм. Путушкайэт эда ярдэмэн, эдты ернасэн даңкдэмэн. Ащев ёхэтэд, ӓнтэп кэдэн сэңкты питдаймэн, мӯнэв кӓшэңа ӓнт па питэд.

Ёхи ёхэтман, воньщэпдад пӓсана омэссэдад, сора кэша мис йинк нянь пидэн иньщемэсэт. Етэн дэты давэдты ӓнт питсэңэн, дын ӧдты хот йитэда мӓнсэңэн. Сорэм сӧха думэтдисңэн па нумса пӧнэм вэрдад вэрты щи питсэңэн.

– Галь, Галь, путушка мӓнэма кӯр пӓтыдам унты ёхэтэд.

– Ям щи, щишэн кӓшэңа ӓт питэд, – ӧпэд дӯвэда ястэс, кэдэн путушка дӯвэда шӓнша ярман. Кроватя нӧх ӧдты дӯвэд нётэс. Щӓдта даңкты сох дӯв эдтэд даңкман, ястэс:

– Дэпэдтыйда, муй ӧддэн. Ащев ёхэтэд, мӯң ӧддӯв. Мӯнэв дявэдтэты ӓнт питдэды.

Даңкты сӧх идпийэн хошмэдман, эвиеңэн яна ид вӧйэмсайңэн.

Ешауԯ ащед ёхи ёхтэс. Ёхи доңман, шиядэс, хӧты хотэн шитам.

– Муй хӧрпи шитам, эвэңэдам па хӧта? А муй хӓнятсаңэн муйпа хӧдта хухэдсэңэн?..

Еша пӓдтапсэдам дынан, хӯдэнтты кэша. Шик унт ванэн, ед мӓндэт па хӧдта пэда сонтэмэдэт, айңэн хӧдна, – нумэсэс Алексей. Няврэм хот йита вана ёхэтман, овэд пэдки пӯншсэды. Муй щита шиядэс? Кровать эдты кӓт пайңэн ӧдсэңэн. Даңкты сӧх дӯв айэдта нӧх адэмсэды па шиядэс...

Ун путушка илпи-элты öх пöтлаӈ туп ныса па лакки ювэлтэм ёшкӳр. Черепашка вой хöрпи хöр. Зоопаркэн тäмэщ вой лӳв вантэс, ляль пöрайэн, хун Австрия мӳвэн Вена вош нöх этэлтэс. Няхэн щи ёхэтса. Ун эвэл öлты лот элты па лаӈкты сöхэл нöх услы, ищи щимэщ вэр шиялэс. Айэлта путушкайлал нöх ярсэлы па нöх услы. Эвэӈэлал щиты такан öлсэӈэн, муй па нэмöлты äнт па хулсэӈэн.

– Щи кэм мэтсэӈэн, эвэӈэлам, – ащел шитама ястэс.

Овэл айэлта лäп пэнтсэлы па ким этэс.

Алэн сäхат эвэӈэн эплэӈ люм рих нянь эпэл элты нöх вэрлэсӈэн.

Люм

(берёзовский диалект (тегинский говор))

Тöрэн сортты пöрая йис. Воньщэмöтэт пöншты питсэт. Тöлэх воньщты мэт пöра. Лющка ар вэр тäйэл. Лӳв вунта хухэтлэл, вощпэл тэлыева арсäр вӳрты охэп тöлэх. Пасäр тöлэх лӳв äнт äкэтэл, ащелэн ястэс:

– Тäмэщ тöлэхэт туп äкта, äнт пэвэрлэн – тäмэт лэты рäхэл. Па öтэт ёхэт öша вэрлэлан.

Етэн ил öлмэв артэн Галина öпэл хäния ястэс, хöты лый, вуншэк öтэт, люм воньщты мäнлэт. Люм пöншэс. Ай öтлал элты туп Лющка пäнэн вӳлэт. Лӳв яма йöх хӳват хуӈхийэлты хошэл па кäрэщ пäлат элты äнт пäлэл. Тäм ай Лющкая шэӈк мустэс. Вун эвэт атэлташэк вусэт, ай öтэт äнт кэтэмсэт, турас ал вэрсы лэлэӈ. Лющка Томкайэл пила илатэн вантсэлэн, хöты вун эвэт сухэм ёвэртты йöх пöталэт йирсэт кӳр ётлаӈа вунэлтыйэлсэт ющэӈ кӳр пäтэтэн шушилэты па тöрэплал пэвэлхотэн ёнтэсты ими элты лолмэм олэпэн нёсэтты.

Щи йöпийэн ай öтэт кашэӈ пöрайэн вун эвэт пакнэптэслал:

– Ястэллэв, хöты нын тöрэплэн нюсэтлэтэн, – ин эвэт лый пилэла кашащлэт.

Лющка ям нумэсэн ил щи вöйэмса-хäлэвэт вун эвэтэн пäнэн вӳла. Хäтэлкӳтэп лэты елпийэн эвэт Лющкаен хот пӳӈэлэн äктэщсэт. Кашэӈ хуят воньщэт пäнэн. Воньщэплал кэл тäйсэт, сапла эхэтман, щирэн кät ёшэн воньщэмöт äкэтты рäхэл.

– Я, эвэт хöлта мäнлӳв? – Нинка иньщмэс. – Сойэм тöм пэлка муйпа рыпсавот пэвэлхот тöм пэлка. Щäта шимэл пэлӈа, йиӈк элты вот пöл, воньщэмöт щäта вуншэк.

Хӧлыева лӱв пилӓла кашащсӓт. Эвӓт щивӓлт пӓла хухӓлмӓсӓт, Лющка туп лыв ӧпӓлӓн аламийӓл.

– Галька, Галька, – ӧпӓл ернас ил тӑхӓл ӓлты сухтыйӓлман иньщӓсӓл, – нӑӊ ӑӊкӓна ястӓсӓн?

– Ӓнту, ал супӓлтыла.

– Ащена па?

– Щи ястлӓм, ӓнту.

– Лявӓтыйӓлты питлӓӊӓн.

– Ястӓсӓм ки, ӓнт эсӓлсаӧв атӓлт. Тӑмиты люм ӑкӓтлӱв, ӑӊкӓмӓн люм пила нянь вӓрӓл.

Ӧпӓл ӑма ястӓс, Лющка хусла щи питӓс.

Мӑнты тӑхӓл ӑмшӓк хӱв вулмал. Лый Вах юхан муви унты вӧщлӓх хӱват шушсӓт. Щӑта кӑрӓщ тӑхийӓн, вӱрам хӧща люм вӱр ӧх энмӓс. Вӱра ёхӓтмӓлӓн эвӓт шувалӓсӓт, люм ӧхӓт иса питы люм мӱрпӓтӓн лӑп сӧпӓлтӓм. Кашӓӊ эви пирийӓс лӱв ӧхӓл па воньщты щи питсӓт. Ил пӓлӓк нӱвлал пӑсты воньщсӓл. Мӓт ӑм воньщӓмӧт нӱм пӓлӓк нӱвӓтӓн, тыйлал хӧщи энӓмӓл. Эвӓт Лющка вохты питсӓт нӱвӓт ил ваӊкӓрты. Лющка ващ нӱва нух вӱратӓмӓс па илды лойӓмӓс. Ёшӊӓлалӓн и тӑхи ӓлты па тӑхия катӓлман ёхтӓщи тӑхия, хӧта нӱв лӱв ӧвӓтӓлӓн ил мӓнлӓс. Лющка ёшӊӓлӓсӓлпа ил навӓрмӓл. Кӑрӓщ ки, эвилалӓн катӓлды па ил вӧхӓлтӓлы. Люмлал пӓлы вантман Лющка ващ нӱва кӱншӓмӓс, па ил эхтӓсӓмӓмалартӓн нӱвӓл варщӓмтӓс. Лӱв илды пӓлы щи тусы нӱвӓл ёша катӓлман. Шӓӊк карӓщ ӓнту вус, па катӓлты нӱвӓлар нӱвӓӊ вус. Щирӓн илпитӓс кӓна. Эвӓт няххатсӓт. Нинка няхман ӱвӓс:

– Парашютӓн Лющка ил эслӓщӓс! Ха-ха-ха!

Лющка пакнӓпсӓл мӑнӓм ӧпийӓн ищи няхты питӓс. Щи ӧпийӓн, ӑма питмал ӧпийӓн, кӑт-хулӓм пӱш па навӓрмийӓс.

Люм ӧх вӱрӓн патлам вус. Хӑтӓл ӓнт па щи вӱша ёхтыйлӓс шик лыптӓт кӱта, ин эвӓт ӓнт па мутшӓсӓл, хӧтыса пӑлӓӊ этмӓс. Пӑлӓӊтӱт шаӊкап вӱщемӓс. Хӧлыева шик ӧх илпия ӑктӓщсӓт ӓлты хӧлт хӑнемӓты пӑтыя.

– Ешайӓн вӧлыйӓл. Щи мӧрта щошийӓл? – Нинка ястӓс.

Пащи тӧхӓлпи воньщӓплӱв тӓкӓтсӓт. Еша омӓслӱв па ёхи мӑнлӱв. Эвиет пӧтрӓмӓсӓт, пӑлӓӊ мӑриты тӑхи пӓлы вӓрӓл хун вул.

– Куриня, ӑӊкӓн люмӓӊ нянь вӓрӓл па мӱӊӓв мӑлӓн? Лӱв вӓрты няньлал мӓт эплӓӊӓт.

Лющка лӱщ йиӈкәлән рӓхнәптылӘс. Люмәӈ нянь – щи хурасәп ләтӧт! Лый рава шукатәм люм әлты вәрла, щӓлта кур лыпийән сорәлла, тӓл кәша сопасләлы. Щит мәт эпләӈ ләтӧт. Ай пулыетән ӱӈла пӧнла, мав иты. Эвиләӈкәт ләтӧт олӘӈән пӧтәртсәт – сӓмлал хӱвән вохты питсайәт.

Куриня лойәс, хуләнтәс, ӧхәл нёхтылӘс.

– Ма вуйтлэм, муя люмәӈ нянәт эплӘӈәт. Äӈкэм йис щирән пал, хӱл вӧйән, кэв пӱт пӓтыйән. Нын äӈкилән щел вӧйән, – Куриня ястәс, вух хӧят иты.

Ерт ертты нӧх вӧлыйәс. Эвэт мәт йиӈки васы кӱйәт, амәтман, ёхлы мӓнсәт.

Хут кэм щоса йис, äнт па мутшәсәл. Пэвәлхот мухты мӓнсәт, хӧта ар мир вус. Имӧлтыйән Лющка шувалӘслэ: ащел ещалт йил, ӧпэл ёш пэлӘк әлты сухтәслэ. Лын щив лойәмсәӈән, луйәӈлал елды хухәлмәсәт. Ащел лык хурасәп. Эӈәнтäхты милӘл сэмәла хäтәлтәмал.

– Хӧта вустән? Мӱӈ кäншман нӧх сухәнтсӱв. Щи лӧват пäлӘӈ мäрийәс.

– Люм воньщты яӈхсәмән, – айәлтыева Галика ястәс.

– Ёхи мäнатән. Пэвәлхот әлты ёхәтлэм, антәп кәлән мäллам, – ащан ястәс па щи мäнәс.

Хуӈән пäтыйән лӱв сӱмәт кураща па хир сухие сыстам лумәтсухәл пила тäйәс.

Эвэӈән шумаля йисӈән па ёхлы пэлы щи мäнсәӈән.

– Щи сәӈклыймән, – Галина ястәс.

– Сәӈклыймән, па вєра, – Лющка ел тышэмәс.

Еша машьяя вус па ястәс:

– Ма нӧмәс вэрсэм, путәшка йирламән, әлты ернас лумәтлэмән. Ащем ӧша äнт вэрлӘлэ, сәӈкты питлӘлэ, кäши äнту.

Ёхи ёхәман ӱпийән люмәӈ лыпилән ловащ ухтыя омсәлсәлән, нянь эсэм йиӈк пила яньщсәӈән. Етән ләтӧт лавәлты äнт питсәӈән, лын хот йитәна мäнсәтән. Сорэм сӧх лумәтсәтән па ащан ёхәтты пӧра вунты лэщатыйәлты питсәӈән.

– Галя, Галя, па хӧты путушка иса шаншэм лӧваттыя па ютлаӈэм вунты йирлэмән.

– Щиты щи, кäшэн äнт хуллэн, – ӧпэлястәс, путушкакәлән Лющка шäша йирман. Щӓлта нурия хуӈхты нётәс. Лаӈкәпән пӧнсәлэ па ястәс:

– Вэрэса мӧлты ӧллэн. Ащен ёхәтәл, мин ӧллэмән. Щирән лявәлтәты äнт питлӘлэ.

Лаңкәп илпийн хошәмсыйңән па ил щи вöйәмсыйәңән.

Еша вус ащел ёхтәс. Хотән иса шиитам, ястәс:

– Сыйлы мöлты хот, эвәңәлам нәмхöта äнтумңән. Хунтасңән, мосәң хäнемәсңән... Еша пакнәптәслам, ат хулəнтсәңән лулəң. Вунт лепən, хÿва мäнлəңən, вушлəңən – хöлна айңən, – Алексей нумәсәс, эвәңәл хот йита мäнман. Ов пÿншәс. Лÿв нöрийən кäт «рэп» шувалəс. Хуслыева ай эвəл нöри хöщи ломәсәспа муй шувалəс...

Вун шäнша йирəм путушка илпи элты öх пöталы па ёшңən-кÿрңən öллəңən. Шäңкап черепаха öлəл. Лÿв щимəщ черепашка вантəс лаль пöрайən Австрия зоопарк хöщи, Вена вош вунəлмəлən. Нях щи мурта ёхəтса. Вун эвəл лаңкəп нöх алмəс, и щиты. Ват хошлəңən! Ин путушкайңən кəлəт нöх эңхəс, нöх вÿслэ. Пöшəхңəл така вöйəмтəңən, щирən äнт па хулсəлңən.

– Мəтсаңən, тёпəңəлам, – ащел вöшийəс. Ким этəс, ов хуслыева лäп пəнтəс.

Алəң эвəңən нöх вəрлəсңən люмəң нянь эпəлəлты.

Йом

(ваховский диалект)

Әдҗә вәрь ики йөс. Воронтнә улт йәмәх пән'җасәт. Әхсәҗ җәхитә ләт. Люськанә әрьки верь. Лөх воронтнә кәсиләвәл. Тәләл әхсәҗы туис ёхпа тувәл. Әпыл лөхә пәмиләм әхсәҗҗ мәрәм җәхивәл, перәх әхсәҗ әнтә төҥәмтахән.

– Вәилә, өхи, мәрәм ти әхсәҗҗ, перәх әхсәҗҗ пырнә төҥәмтәллан.

Иттән, җунтә әнисәхән вәләнә әлалхән, Люська кимтәкә вәялы. Галина лөхә әй көл атҗал, җөлтәх әдҗә ньәҥәлит йома мәнвәлт, йом йәмәх йәс. Әй ньәҥәлитөх ос Люська вәвәлт, мәти лөх онлыхән юхох нуҗ йәлилтә, охәр тәхыёх әнтә пәлмәхән. Тю көлөх Люська җәҗә ньәдҗәс. Әдҗә ньәҥәлит ләхтил йәҥҗавәлт, өкөм ньәҥәлит әнтә вәвәлт.

Әйләнә Люська пәни Томка ләхә лыләх лөхәтәялхән. Томыт, йөрвәнә көр датпәтәя тәләх сухмы юхпуд йөрмин, тохдәна онәлтәхәлвәлт җохәлылта пәни пәләмләл помадатә сехәлил, лаләммын тумыл от янтә ниҥөх.

Тю пырнә өкөм ньәҥәликәннә мәҗех ләхә пәлмәлтәхән: «Миннә эрәхлилли, мөхусәхы нәҥ пәләм сехәтәлтәх», – пәни томынә линт ләхтилә вәли, мәти әҥкилә-лнә ләхә дөхәткәлтәвәлт.

Люська вәявәл. Лөхә әдҗә ньәҥәлинә вәвәлт. Җотл ёрнә ньәҥәлит Люська җат пөҥәлнә нюла җәхисәт. Әйнәм ләх килт вәсәт.

– Уды, ньәҥәлит, җөләпа мөнлөх? – Нинканә пырымсы. – Ихәлпа? Ос рыбзаводский пөхәлтә җат мөхәлнә? Тю тәхынә көйҥипә җытәдь – ёхн'ох вутлахән, ултпә әдҗә семпәвәкия.

Ньәҥәлит пестәх рыбзавод мөхәлпә кәссәт. Люська җөкин ләх җөн'җәтәлнә мәнвәл.

– Галька, а Галька, – әнил ернәс пуньхох тәлиләмин пырылтә, – нөҥән әҥкимә атҗасы?

– Әнтә.

– Әпыма ос?

– Мә нөҥә атләм, әнтә.

– Минт дөхәткәлтәвәлт.

– Мәннә атәмнә төҥ, мәҥәт әтилнөх әнтә әсәлхәсил. Тити ос, йом җәхилөх, улән нянь тәрлөх.

Люська пәни әйләх – көлләх питәс.

Җох мәнсәт. Тя иланә охәр тәхынә җохта йом энәмпәл. Төх йөмин, ньәҥәлинә вулы, юхәнә җм әрки йәмәх йәмә йом. Кәҗәҥ җәсы лөхтилә мустәм юх кәсәс, пәни йом ваньтәҗәтәсәт. Няхәлт юхәт пестәх җәхислә́л, ос йәм ул мәҗәх номән энәмпәл.

Öхинӓ Люська вахсы нөхәт ыл мин'әхтәтәлӓ. Люська, виԁԁӓ обезьянка, вӓньть юха нуқ мәнвәл, ыләпа нӱхтәлтә. Көтнӓ илӓпӓ мәнмин, тюмынт тәхыя йөвәл, мәли тәхынә нөх лөх лихәртәлөх мин'хәлвәл. Пӓни Люська ыл восқәлвәл. Қунтә охәрәқы, ньӓԋалинӓ лөхӓ кәтәлмин ыл вәвәлт. Әԁԁӓ ул ԛӓхимин, Люськане әнтӓ вуи, нөх вӓньтӓки. Мәрәм төт тя лайхәмәс, нөх төхы мурхәләс. Люська ыләпа көрәхвәл, нөх кәтәлмин. Мәтӓйӓм няхәлт вәләс, нөх пә әԁԁӓ вәләс, тютаты нямәкӓ мәхӓ көрхәс. Ньӓԋалит ԁысқәқәтәсәт. Нинка, ԁысәхмын, тьәԁилӓвәл:

– Люська, парашютна ылымләс! Ха-ха-ха!

Пӓни Люська қӓньтӓқынтәм тәхыйох пеккитәс, әтити ԁысқәқәтәс.

Пырнӓ лөх выйнам ос юхох ыл восқәләс.

Йомәт энӓмтӓ тәхынӓ ԛымлали ԁӓпӓкӓки. Сӱԋк ԛымлали кәлтӓхӓн. Тюта ул ваньтӓ ниԋӓнӓ әнтӓ вуи, мөхусәхы ԛухы нуқ йөхихӓн. Ԛухы йәртӓкӓ тьәԁәхтәс, ԁәвтәмәс. Лӓх әйнӓм қутлуя ыл лоԋәт.

– Ван'н'ә қөлавәл, – атәс Нинка. – Улпә қөл ԛӓхилөх, киллөх тәлӓлӓкия. Лӓхӓллөх пӓни ёхпа мәнлөх.

Ԛухы мәнтөх, ньӓԋалит төԁәхвәлт:

– Грунька, қунтә әԋкин йомох улӓԋ нянь вервӓл, мәвӓн? Лөх қәрәнӓ ԛӓкӓ эвӓстӓх лӓхӓ вервӓл.

Люська ԁыньтӓл нелӓхтӓсь. Йомӓԋ улӓԋ нянь – ԛӓкӓ эвӓстӓ от! Лөхӓ вервӓлт сөԋтәм йомох, пырнӓ көрнӓ пӓнӓлтӓлил пӓни тӓлхӓ верлил. Өкөм тәхтана лула пәнлын, виԁԁӓ кӓнветка. Ньӓԋалит литот нәмлахтәмыла – әйнӓм литӓ йәсәт.

Грунька ос лальвәл, қолӓнтӓлтӓ пӓни ухәлна рөхисӓлвӓл:

– Мӓннӓ төԋөмты, мөхулӓ улӓԋ нянялит эвӓстӓкия. Әԋкимнӓ илновәт сәхы верли, қул война. Нӓԋ әԋкилиннӓ ос теԁӓх война, – атәс Грунька, виԁԁӓ әйсӓх қәсы.

Ԁәвәть қөлас, ньӓԋалит моратӓ, ньӓԁәқмын ёхпа мӓнвӓлт.

Итнӓх йәс, қут тяс. Пөхӓлтӓ қат пөԋлох мӓнсөх, тю тәхынӓ ӓрки ях. Йәртӓкӓ Люська әпыл вус, лөх ԁин ёрпа қохәлвәл. Ӓнил көт рөхимсәтӓ. Лин луԁәмтәсқӓн, өхит ос илӓпӓ нөрәхтәсәт. Әпытӓн пәхмихӓн. Мәԛәх әлтӓл мӱ ԁӓли семхӓлӓ ыл әсәлтӓ.

– Қо вәлсәтӓн? Мӓԋ тим-том мөхӓлнӓ қӓн'ԛилсөх. Тилэр ԛухы вәләс.

– Йома йӓлилсөх, – тӓԁӓкнӓм Галина атәс.

– Ёхпа мӓнитӓн. Пөхӓлтӓ қатох йөԋӓм, әнтәвнӓ нинт сөԋӓлӓм, – атәс әпытӓн пӓни мӓнӓс.

Көн'ԋил қаса сөхмәт веник тәхрахтыхӓн пӓни оты қырәх.

Ньӓԋӓликӓн тӓԁӓкнӓм ёхпа мӓнлӓхӓн.

– Мин велӓкәтәвӓл, – атәс Галина.

– Велӓкәтәвӓл, ос мөхусәхы, – атәс Люська.

Пырнӓ атәс:

– Әсмә қырәх минтимәнә йөрләмән, ернәснә ыл тохәрлымән. Әпымнә әнтә вулы, қунтә әнтәвнә минт сөҥәкәтәвәл, әнтә кәҷәхәлләмән.

Ёқ йөмин, қиллин йомна ԍитә қат ԍата амәсәхән, пестәх нянь мес йәҥкнә лискән.

Линтин қат ԍатпа мәнсәхән. Пәнтәм от нуқ әнсәхән. Пәни илән төԍәхмын тәхы нәмлахтәскән, тюссәхы көткәкәтәскән.

– Галь, а Галь, әсмә қырәх мә ҷөн'ҷәм қөхатәқы пәни ԍатпәтә моҷәқы.

– Тиссәхы әнтә кәҷәхәллуйән, – атәс әнил, Люська ҷәнҷә әсмә қырәх кәхән'н'а йөрсәтә. Пырнә лөхә пилтәс вәлә охтыя қаҥәта. Люҥквәнә ыл пенсәтә, атәс:

– Вый вәрә, виԍԍә нөҥ воюйән. Әпым йөвәл, мин ос воюймән. Лөхән пәни минт әнтә ԍөхәткәлтәвәл.

Ԍүҥквуйнә қон'қәммын, ньәҥәликән ыл воюйхән.

Вән'н'ә әпытән йөс. Қатнә төԍәкәки.

– Қм төԍәкәки, ньәҥәликән пә әнтәмәкән. Ыл ләҥасқән мәтә нөрәхтәскән... Мә выйна ԍинә ти көл атқасәм, қоләнтәхсылтына. Лөхәнтә воронт вән'нәки, қохқәпа мәнләхән, қөла мәнләхән – өкөмәкихән қөла, – номәхсыләвәл Аԍәвси, ньәҥәликән қат ԍатпа мәнмин. Охпы көԍәқә версәтә. Пәни вултә: вәлә охтынә қохта кә «ҷывхән». Лөх төԍәкнәм қохләс әй өхил вәләяпа, ԍүҥквә нуқ пун'сәтә пәни вувәл... Ҷөн'ҷә йөрәм әԍԍә әсмә қырәх уйох кәлтәхән мәрәм ох лырәҥ пәни көтәликән, ос көрәликән. Виԍԍә черепашка. Лөхән ԍәԍ, лӛтнә вухалы зоопаркнә, Австриянә. Қм ԍысәхтә йәхәл. Әԍԍә өхил ԍүҥквә нуқ вәмәлнә, әтиминт тәхы вус. Әсмә қырәхқән әрәх йөрсәхәл пәни төхы вәскәл. Ниҥкән қм серәх вояхқән, әнтә қолсәтән.

– Вөхԍин қөласқән, – тыхтәс әпытән, күм лүхтәс, төԍәкнәм охпы ыл тохәрмын.

Әлӛҥ ос әнисәхән эвәстә йомәҥ улӛҥ нянь эвлөх нуқ верхәлсәхән.

Дядя Вася

Наступил тот унылый период, когда до зимы недалеко, а осень ещё не закончилась. Снег, выпавший на незамёрзшую землю, таял, превращая дорогу в няшу. Наступила распутица. Ни лодкой, ни лошадью нельзя проехать. Таёжная деревня на этот период была оторвана и от соседних селений, и от районного центра. Единственная связь – это рация на почте да радио.

Почти всё мужское население Люськиной деревеньки находилось в тайге на охоте, или, как говорили здесь, на осенёвке.

Люська с подружками гуляла по улице. Ноги от долгой беготни по снегу промокли, и девчонки немножко замёрзли, но расставаться не хотелось. Старшие сёстры, Галка с Нинкой, учились в школе, а сидеть каждому в своём доме было скучно.

Томка предложила:

– Айда к нам. По дороге к маме в пекарню зайдём.

Люська согласилась. Тётя Маша работала пекарем, а для своих ребятишек на домашней сметане пекла крендельки. Томка, Любка и Люська, набегавшись, любили вместе попить чай с молоком и с этими крендельками. Вкусно!

Чтобы сократить расстояние, да и просто ещё по летней привычке, пошли через лесок по краю берега. Река уже встала, хрупкий лёд покрыло белым, только что выпавшим снегом, и только на середине темнела полынья, которая не замерзала до самых крепких морозов.

Вдруг Люська увидела на той стороне человека. На его голове вместо шапки четко выделялась белая повязка. Он замахал руками и закричал:

– Э-э-э-й! Перевезите! Перевезите!

Девчонки остановились. Стали прислушиваться, а мужчина всё кричал и махал руками. Подружки забеспокоились, их отцы тоже находились в тайге на промысле. И в это время никто не возвращался. Значит, что-то случилось нехорошее.

– Голос как у вашего отца. Я побегу в колхозную контору скажу, а вы к матери, пусть она людей позовёт, – распорядилась Люська.

Девчонки быстро побежали за помощью.

Влетев в контору, Люська громко сказала:

– Скорее! Там дядька просит перевезти, и голова у него белым замотана.

Все, кто был, засуетились и побежали к реке. Мужики постелили на лёд длинные жерди и, страхуя друг друга, толкая впереди облас, добрались до полыньи и переправились на ту сторону.

Люська не ошиблась. Когда лодка подъехала ближе, все узнали Василия Поликарповича – отца Любки и Томки. На полотенце, обвязанном вокруг головы, проступали кровавые пятна. Бледность лица подчеркивала рыжая борода.

– Скорее за врачихой бегите. Меня медведь «поломал». Уж сутки, как на ногах.

Его телогрейка была изорвана в клочья. Один рукав оторван, вата торчала изо всех дырок. Пошатываясь и придерживая руку у груди, дядя Вася пошёл домой. Люська со всех ног кинулась за матерью в больницу. Избушка, в которой временно проживала большая семья дяди Васи, пока строился новый дом, не могла вместить набежавших сочувствующих односельчан.

Перед врачихой все расступились, и Люська тихонько прошла вслед за мамой.

Посредине избы на табуретке сидел дядя Вася и рассказывал:

– Я его давно выследил, а он, видать, меня. Ну, подкараулил и выскочил неожиданно, когда я утром из палатки выходил. Я за дерево раз, спрятался, ружья с собой нет. А он меня лапами из-за дерева и достал. Смотрит, как человек. У меня кровь течёт, глаза застилает, ничё не вижу. Вот я его ножом вслепую – раз, раз. Слышу, рухнул. Бросил всё. Полотенцем перемотал голову и – ходу домой, пока сила ещё есть.

Все притихли, слушая, курили.

При виде врачихи дядя Вася замолк. Она строго сказала:

– Всем выйти. Останьтесь двое мужчин и принесите водки, но лучше спирта.

Тётя Маша подала в кастрюле горячей воды. Качая головой, тихо сказала:

– Ох, и рисковый ты мужик, Поликарпыч, – так она всегда уважительно называла мужа.

А он, подмигнув ей, ответил:

– Ничё, Маша. Живы будем, не помрём.

Мама, размочив присохшее кровавое полотенце, осторожно его сняла.

Общий вздох вырвался у присутствующих при виде снятой кожи с головы дяди Васи.

– Тихо всем! – крикнула мама. – Спирт принесли?

– Да.

– Быстро сюда. Налейте полный стакан и дайте ему выпить.

Дядя Вася выпил, долго отдыхивался и втягивал воздух.

– Ну как, можно приступать, обезболился?

– Давай, Маркеловна.

Обработав рану, врачиха аккуратно наложила лоскут кожи на место. Быстро обстригла кудрявый чуб – гордость дяди Васи – и стала шить.

– Ой, Маркеловна, погоди. Терпежу нет. Дай ещё спиртику, – не то в шутку, не то всерьёз попросил он.

Ему налили чуть-чуть. Залпом выпив, скомандовал:

– Давай!

Пока врачиха возилась с раненым, двое мужчин придерживали его за спину, чтоб не упал. Плечо тоже было повреждено, а на груди остались глубокие полосы от когтей медведя. Закончив бинтовать израненные места, она сказала:

– Теперь покормите его глухариным супом и пусть отдыхает. А как проснётся, сразу меня позовите, я укол поставлю и осмотрю как следует.

Дядя Вася выжил. Сильный организм взял верх. И ещё раз его «ломал» медведь, но удачливый охотник победил и в этой схватке. Василий Поликарпович ушёл из жизни только спустя двадцать лет. Причиной стали те же травмы от схваток с медведями. Но это было потом, а сейчас деревенские мужики удивлялись везению дяди Васи, и каждый про себя прикидывал – а как бы он поступил, доведись ему так повстречаться с хозяином тайги.

Ващка ики

(казымский диалект)

Тӑл сӯса йиты питәс: хулна тӑл ӑнтө, сӯс хулна ӑнта хулас. Хошәм мӯва питәм лоньщ лулал, ӧшәт мӯвәл пила ӑха рӯвәтсыйәт. Щимәщ пурая йис, хопән мӑнты щирән ӑнтө, ловән мӑнты щирән ӑнтө. Вөнтән вөлты көртәң ӧх тӑм пурайән лӗпән вөлты көртәта ӑнт юхәтләт, район воша ӑнт юхәтләт. Почтайән төп ратюва па карткәл рөпитәл.

Икәт Лющкаен көрт эвәлт хулыева вөнтыты мӑнсәт.

Лющка лөйәңлал пила камән шөшиләсәт. Хӯв камән тӯвисыйәлман лоньщәң тӑхәт хӯват кӯр лөмәтсухлал пушсыйәт па эвәт еша потсыйәт, па ара мӑнты кашәл ӑнтөм вөс. Вөншәк упәл Галка Нинайәл пила ӑшколайән вөнәлтыйәс, юлән омәсты мӑрєм вөс.

Томка лупәс:

– Мӯң хущева мӑнлӯв. Мӑнты ӧшэвән ӑңкєм нянь вєрты хота луңәтлӗлӯв.

Лющка кашащәс. Маша имәл нянь вєрты нєңа рөпитәс, нявреємлал пӑты няр мис вуй пила рӯвтәм калащ няниет паләс. Томка, Любка па Лющка навәрман ӑңхтәл ӯпийән амәтман єсәм йиңкәң шай яньщсәт калащ няниет пила. Єпләң!!!

Пӑнтәл вана вєрман па лӯңән ӑңхәм щирәлән вөнт пайие шөпи мӑнсәт юхан хонәң хӯват. Юхан лӑп потты питсы, өхәл еңк вәльщи питәм нуви лоньщән питсы, төп кӯтләпән питы сөңийән йиңк лӗмпийәс. Щи лот вөн ищкәт вөнты лӑп ӑнт потыйәлды.

Шӑңкап Лющка па пәләкән хӑннєхө шуваләс. Ухәл мил ӯкана нуви сухән йирман. Ин ики ӗш ӗвәлты питәс па ӯвтәс:

– З-ә-ә-й! Мәнәт вүншәлтаты! Вүншәлтаты!

Эвәт щив лольсәт. Хөләнтыйәлты питсәт, ин ики иса ўвәс па ёш ёвләс. Эвиет пакәнсәт, ащилал ищи вөнтән вөсәт вәлпәслләман. Тәм пурайән нөмулты хуят юхи әнт юхтыйәләс. Щирән, мулты атәм вөр тывәс.

– Нәң ащен түр сый хурасәп. Ма колхос конторая хөхәләм па луплэм, нын әңкэн хущи мәнаты, ёх ат вохәл, – щиты Лющка лупәс.

Эвәт пәты нётәпсы вохты хөхәлсәт.

Конторая луңәмәмал пурайән Лющка сыйәңа ўвтәс:

– Сорашәк! Тута икиләңки тәм пәлка вүншәлтәты партәл, лўв ухәл нуви сухән йирман.

Хуй тәта вөс, сонтәмәсәт па нык хөхәлмәсәт. Икәт еңк өхтыя нырәт пунсәт, кўтәл-кўтәл лавәлман па ай хопәл вортман, сөңи вөнты юхәтсәт па па пәлка вўншсәт.

Лющка әнт пәврәс. Хоп вана юхәмалән уша вөрсәл Поликарп Ващка, щит Любка ра Томка ащи, вөлмал. Вөнш моңхты сухәл мухты кәлы лотәт пушмәл. Вөншәл нувия вантәсәл вўрты тўшлал кўтән.

– Сора хөхлаты тохтәр вохты. Ма мойпәрән «шукатсыйәм». Тәлаң ат-хәтәл кўр тыйән.

Пўпайкайәл ара мәншәман вөс. И лытәл хулт маншәм, вата пуллал төп ёвләсләт вўслал эвәлт. Нойтәтлләман па ёшәл мәвла нёрәтман,

Ващка ики юхи мӑнӘс. Лющка пөдницая, ӑңкӘд хущи хөхӘдмӘс. Ай хотыед, хута дыв вөсӘт йидӘп хотӘд омӘстӘд вөнты, ар хуятӘн юхӘтса.

ТохтӘр едпийӘн худыева кӑтна хӑтӘмӘсӘт, Лющка ӑңкӘд ӧпийӘн айӘдтыева вӱты мӑнӘс.

Хот кӱтдӘпӘн вөдас өхтыйӘн Ващка ики омсӘс па путӘртӘс:

– Ма дӱв пӑнтӘда хӱвӘн питсӘм, а дӱв, адпа, ма пӑнтӘма. ДавдӘсмад па тыв єтмӘс палатка эвӘдт ким єтмємӘн. Ма ӧх сая навӘрмӘсӘм, хӑнӑмӘсӘм, пушкан пӑнӘн ӑнт тӑйдӘм. Дӱв катӘдты утңӘдӘн ӧх сай эвӘдт щи кӱншємӘсыйӘм. Хӑннєхө иты вантӘд. Ма кӑдыйӘн щуридӘм, сємңӘдам лӑп увӘмдӘсыйӘт, нємудты ӑнт кӑд. Ма дӱвӘд кӘшийӘн мӑшья сємӘн – щиты, щиты. Хөддєм, ид щи вахшӘмтӘс. ТӑйӘм утдам вущкӘсдам, вєнш моңхты сухӘн ухєм ювӘртсєм, мухты юхды, ӧр тӑйтєм көмат.

Ёх сыйды омӘссӘт, хөдӘнтман, шар талсӘт.

ТохтӘр шувадӘмад кємӘн Ващка ики путӘртты вудыйӘс. ТохтӘр лупӘс:

– Ким єтатӘн. Кӑт ики хӑщатӘн па вотка тӱватӘн, ӑнтө ӑспирт ӑмшӘк.

Маша ими кастрюля пӱтӘн каврӘм йиңк тӘс. УхӘд нюхтӘман, айӘдтыева лупӘс:

– Я, нӑң пӑдтапды Поликарпыч ики, – щиты дӱв иса пурайӘн икӘд адьщӘсдӘ.

Дӱв, сєм рӑпщӘмман, юхды лупӘс:

– Щиты ат вөд. ДыдӘңа ки вөддӱв, ӑнт хӑддӱв.

Ӑңкєм кӑдӘң вєнш моңхты сух йиңкӘн дустӘсдӘ, айӘдтыева нух вӱсдӘ.

Худыева ед єңӘдӘмӘсӘт Ващка ух сухӘд шувадӘмӘд кємӘн.

– Хөсда вөдаты! – ӑңкєм ӱвтӘс. – Ӑспирт тӘсты?

– ТӘсӱв.

– Сора тыв миядӘн! Ӑстакан тӘдыева пунадӘн и па дыпия яньщты миядӘн.

Ващка ики яньщӘс, хӱв дадтӘс па дыд шив талӘс.

– Я, хуты, вєрты рӑхӘд, кӑшиды єд нюхӘн питӘс?

– Тавай, Маркеловна.

МөшӘд дюхӘтмад ӧпийӘн, єд сухӘд ищи тӑхӘда пунсӘдӘ. Щӑдта шӑкдӘң өпӘтдад нух дуртсӘдӘ – Ващка ики ӧр, – па лӑп ёнтты питсӘдӘ.

– Ӓ-на-на, Маркеловна, руна. Вєрәтты щирєм әнтө. Әспирт па мия, – амуй няхман, амуй шопәт иньщәсәс ԛӯв.

Ԛӯв ай тӓхтыйән пунсы. Имухты хуԛ яньщємәслә па лупәс:

– Тавай!

Тохтәр мөшԛаԛ пиԛа көлємәс, кӓт икийән шӓншәԛ әвәԛт катәԛса, иԛ аԛ питәс. Ԛӓңкрәԛ ищи мөшмәԛтәм, мәвԛәԛән хӓщмәԛ шәԛьмәт ԛӯв сәврєпәԛ әвәԛт. Мөшԛаԛ ԛәщәтмаԛ ӯпийән, тохтәр лупәс:

– Интӓм ԛапԛаԛән лӯк хошәм йиңкән па ат рӯтьщәԛ. Нух вєрԛәтаԛ ӯпийән мӓнәт вохаԛән, ма уколән вєрԛєм па ӓмәс нух вантԛєм.

Ващка ӓма йис. Таксар хуят сора ӓмтыйәԛ. Ипӯш па пухиеԛән шукатыйәԛсы, ԛӯв ищи лутԛәс. Хөс муԛтас оԛ ӯпийән Василий вуньщала йис. Щи мөшԛаԛ, аԛпа, ищи щив щи питсәт. Щит, вантә, ӧхәт вөс. Интум көртәң икәт амәтман вантсәт Ващкаеԛ пәԛы па нөмәссәт, хутысаты ԛыв ԛөԛәң нєрисәт, пӯпи пухиеԛ пиԛа вөнтән ки вөйтантсәт.

Воровайка

Стоял сильный мороз. Люська сидела дома, на улицу идти не хотелось – холодно. Она быстро нашла себе занятие – открыла сундук и стала примерять мамины вещи. Прохаживаясь перед зеркалом, мечтала, что когда вырастет, будет носить эти туфли на высоких каблуках и эти платья, которые сейчас ей были ещё велики.

Вдруг из вороха одежды выпал чёрный бархатный кисет. На нём с обеих сторон был вышит крест крупным белым бисером. Раньше он висел на стене в спальне, и мама им очень дорожила. Люську же привлекал только бисер. Однажды, тихонечко срезав с одного уголка креста, для «бусиков» кукле, повернула его обрезанной стороной к стене. Чтобы не было видно. Но когда мама это обнаружила, то очень рассердилась.

– Люська, зачем так сделала? Это же мне на память от бабушки Марфы. Он старинный и вышитый оленьей жилкой, а ты всё испортила.

С тех пор Люська кисета не видела, мама его спрятала.

Девочка взяла кисет и внутри увидела деньги. Она вспомнила, как мама вчера говорила отцу, что ей зарплату из района почтой прислали. Значит, это и есть ЗАРПЛАТА. Люська поиграла деньгами в магазин и затем сложила их обратно. Но в голове засело, что можно пойти в магазин не понарошку, а по-настоящему, и купить шоколадные конфеты. Они были дорогие и привлекали своей обёрткой. Очень хотелось иметь такой фантик. Люська просила у мамы купить, и та обещала, как получит зарплату. Но мама была на работе, а зарплата лежала дома. Сложив вещи обратно в сундук, Люська стала собираться на улицу, чтобы не думать про эту ЗАРПЛАТУ, а дождаться маму и пойти с ней за покупками. Но на улице ноги сами привели её в магазин.

Продавец Михаил Петрович спросил:

– Тебе чего?

– Да так, поглядеть.

– Ну, ну, посмотри, погрейся.

На прилавках было всего полно, как казалось маленькой Люське. Лежал и красивый цветной крепдешин, который мама мечтала купить себе на платье. Но говорила, что очень дорого, аж сто пятьдесят рублей за метр.

Девочка подошла к витрине с конфетами. Японка на конфете улыбалась из-за веера и как бы просила купить. Люська не выдержала и побежала домой. Вытащила из кисета три рубля и снова в магазин.

Она отличалась своей нетерпеливостью и решительностью – что задумала, то обязательно сделает не откладывая. Сколько из-за этого страдала! Но характер всегда брал верх, и с этим родители ничего не могли поделать.

Протянув деньги продавцу, быстро сказала:

– Одну конфету с японкой.

– Они называются «Чио-Чио-Сан», – подсказал Петрович.

Дома Люська развернула конфету, разгладила фантик и, любуясь им, потихоньку откусывала. Было очень вкусно, и она не заметила, как конфеты не стало.

– Гальке не оставила, – спохватилась Люська. – А, пойду куплю ещё одну. Деньги же остались.

Подавая сдачу обратно продавцу, она старательно выговорила:

– На все «Чио-Чио-Сан».

– Кто тебе деньги дал?

– Мама, – не задумываясь, ответила девчонка.

– Ну, подожди здесь, а я сейчас, – сказал он и вышел.

А Люська опять с удовольствием стала разглядывать витрину.

Через некоторое время он вернулся, взвесил конфеты и добавил ещё полконфетки. Люська обрадовалась – и Гальке, и ей хватит. И только она повернулась к двери, как та открылась, а на пороге появилась взволнованная мама.

– Ты что это надумала, дочь, зачем деньги взяла без спроса, как воровайка?

Мамины слова ударили по лицу, как пощёчина.

– А я это сразу понял, когда она с трёшкой в магазин пришла. Не могли вы ей дать таких крупных денег. Вот за вами и сбегал.

Девчонка не знала, что делать. Первая мысль – бежать. Но дверь загораживала мама, а из-за прилавка вышел Петрович.

Люська заметалась по магазину, и когда мать немного отодвинулась в сторону, выскочила в дверь.

Она не чувствовала мороза, щёки горели, в ушах звучало «воровайка, воровайка»...

Ей было стыдно. Так папа называл несмышлённых щенков, которые таскали куропаток с нарт, и воробьёв, клевавших овёс из кормушки лошади. Добежав до дома, остановилась:

«Куда идти? А уйду из дома, буду жить в интернате».

Идя по зимнику в сторону Ларьяка, каялась:

«И зачем я эти деньги взяла, не дождавшись мамы? Вот теперь всё пропало. Дальше неизвестно что».

Она заплакала, слёзы замерзали на ресницах. Люська их смахивала и продолжала реветь.

К ней подбежал щенок, стал ласкаться, лизать Люське лицо. Она сразу успокоилась. Он один, верный друг Соболько, не бросил её. Щенок сначала играл, забегал вперёд, но потом стал отставать, останавливаться, скулил, как бы звал Люську обратно в деревню. Но та упорно шла вперёд, и он снова её догонял. Начало смеркаться. Зимний день недолог. Три часа – и уже темно.

Высокие кедры стояли по краям дороги как стена, отбрасывая тень. Люське стало страшно.

«Вот замёрзну тут и умру назло. Пусть они все обо мне плачут».

Ей стало жалко себя, и Люська опять заревела, думая об отце: «Папа будет искать, волноваться, а если я ему всё расскажу? Он поймёт, поймёт!»

Она развернулась и быстро побежала назад в деревню по узкой тёмной дороге.

Верный Соболько радостно бежал впереди. Уже совсем стемнело.

Замёрзшая путешественница подошла к крыльцу, но войти в избу не решилась. Стыдно.

«Заночую в стоге сена, возле сарайки с коровами, там тепло. А утром, когда все будут на работе, зайду. Возьму хлеба на дорогу, оденусь потеплей и снова уйду».

Люська залезла в сено, а Соболько покружился вокруг стога и тоже лёг. Потеплело, пошёл снег. Люська засыпала в своей «норе», прижавшись к собаке. Её разбудили громкие голоса.

– Да вот она, спит.

Тут же отцовские руки подхватили её. Прижимая Люську к себе, он только повторял:

– Дочка, доченька моя. Нашлась. А мы уж и не знали, что делать. Всю деревню обыскали. Да по Соболько поняли, что он около тебя сидит.

У девчонки камень с души спал, и она прошептала в ответ:

– Я не воровайка, мама обещала...

Люську раздели, напоили горячим молоком, растёрли водкой и положили в кровать. А ей казалось, что всё это во сне – и магазин, и дорога в лесу. Веки её смыкались, она погружалась в сон.

За перегородкой отец говорил маме:

– В колхозе, после отчётного собрания, получу на трудодни тысячу рублей – счетовод сказал. Вот будет тебе на платье из крепдешина, а Люське с Галкой на конфеты. А то ведь правда, давно мы им не покупали. А смотри, мать, Люська конфету-то не съела, сестре оставила, молодец. Ругать я её не буду. Она сама всё поняла, раз из дома от стыда бежать надумала. И ты не ругай, а то снова убежит.

После того случая Люська никогда больше дома ничего без спроса не брала, а тем более в гостях или на улице.

Ԛолмахайка

(казымский диалект)

Шэӈк ищки камэн вөс. Лющка юлэн омсэс, ким єтты кашэԛ äнтө вөс. Ԛӯв вєртут вөйтэс, вөн ԛараща пэлки пуншэс па äӈкэԛ сухэт ԛөмтыйэԛты питэс. Вєнш вантвух пэԛы вантман нөмэсэс, вөна йиԛ, äӈкэԛ кäрэща тыйэп туплет, тäм ёрнас па сухэт тäйты питэԛ. Щи ёрнасэт ин хуԛна ԛӯвэԛ вөнэт.

Имуԛтыйэн сухэт кӯт эвэԛт рäкнэс питы пӯн нюмэш шар хир. Щи хирие кäт пэлэк нуви сäкэн пөхэԛман пєрна пос вөс. Сырэтэн щи хир ԛойиэс äӈкєм уԛты хот йитэн, павэрт хот пӯӈэԛэн, äӈкєм щи хирие мосман тäйсэԛэ. Лющка өмэщԛэслэ төп сäк сємԛаԛ. Иԛатэн ԛӯв шитама пєрна пос и сӯӈиеԛ эвэԛт ԛуртэс сäк куклайэԛа ёнтты пäты. Щäԛта эвтэм пэлкэԛ ԛӯв хот питэр пэԛы карємäслэ. Аԛ кäԛэс ԛөԛэӈ. Щи вєр äӈкєм шуваԛэмаԛ пурайэн шєӈк ԛыкащэс.

– Лющка, муя щиты вєрсэн? Тäм, малы, єӈкөрэп хирие Марпа аӈкаӈкэн эвэԛт, тäм шєӈк йис пурмэс, вӯԛы ԛонэн ёнтман, нäӈ вӯсэн па шäкэԛсэн.

Щи вӯш эвэԛт Лющка шари хир äнт вантсэԛэ, äӈкэԛэн хуԛт хäнятсы.

Эвие щари хир вӯслэ па ԛыпийэн вух шуваԛэс. Ԛӯв нөмэԛмэслэ, äӈкэԛ муԛхатэԛ ащєма лупэс, район эвэԛт рөпата вухԛаԛ юхэтсэт почта хӯват. Щирэн тäми щи – РӨПАТА ВУХ. Лющка еша юнтэс вухэт пиԛа ԛапкая па и щив пунсэԛэ. Нумсэԛ эвэԛт иса äнт вөшэԛ: ԛапкая йӈхты рäхэԛ юнтты щира хөн, нємасыя па шоколат мав ԛөтты. Мавэт тынӈэт па хурамӈ нєпэкэн японка хур ювэртман. Шєӈк мосэс щимэщ нєпэк пӯлые. Лющка äӈкэԛ эвэԛт вохийэс ԛөтты, ԛӯв ястыйэс ԛөтты рөпата вухԛаԛ юхэтты ӯпийэн. Ин äӈкэԛ рөпатаэн, вухԛаԛ – юлэн. Пурмэсԛаԛ вөн ԛараща шавимаԛ ӯпийэн, Лющка ким мäнты äктэщты питэс щи рөпата вухэт оԛӈэн äнт нөмэстыя, äӈкэԛ ԛавэԛты па ԛӯв пиԛэԛа ԛөтэсты мäнты. Камэн кӯрӈэԛ ԛын сäхтэна ԛапка пэԛы шөшсаӈэн.

Тынєсты хө Пєтэр Мишка иньщэсэԛ:

– Муй мосэԛ?

– Аԛ, вантыйэԛԛэм.

– Вантыда, хошмәлтыда.

Дапкайән муй әнтөм, төдыева пурмәс. Хурамәң ёрмак сух, мәта ут әңкәл ёрнаса дөтты нөмәсәс. Төп лупийәс, шөңк тынәң: сот вәт яң шойәт мөтра пәты.

Эвие мав пүңда хәтәс. Японка мав хущи няхийәс ёвәдсөпәл сайән, мөт мудты дөтты вохсәлә. Люща әнт вөрәтәс па юхи щи хөхдәс, шар хир эвәлт хөләм шойәт вүс па па щи дапкая.

Люща апәрды ювман па так нумәс вүйман – муйсәр нумәс вөрәс, щит ищи па вөрдәлә. Муй арат пүш щитәл эвәлт шөк вантәс. Вөлты вөрәл нух питәл, муй көм әңкәл-ащелән әнт вөнәлтәсы.

Юлән Люща мавәл лосәтсәлә, нөпәкәл ара дәрпитсәлә па өмща вантдәлә, ай көмән мавәл төхмийәлман. Шөңк өплән вөс, па әнт па мутшәслә, хуты мавәл худамал.

– Каляема әнт хәйсәм, – Люща нумәсән юхәтса.

– Мәнләм ит па дөтләм. Вухәт хуты хәщсәт.

Тынөсты хө вухәт мәты питәс, Люща ямсыева нөхмәс:

– Вухдам арат Чио-Чио-Сан.

– Хуйән вохән мäсыйән?

– Äңкємән, – äнт нөмәсман эвие лупәс.

– Я, тäта давдәса, ма юхәтдәм, – лупәс дӯв па ким єтәс.

Люцка па щи умәщдәман пурмәс нурмәт пәды вантты питәс.

Еша вөс тынєты хө юхтәс, мавәт вєскадәс па мав шөп пунәс. Люцка амтәс: Каляйәда па дӯвәда тäрмәд. Төп ов пәды карємәс, ин ов пәлки пуншаньщәс, ов хоп хущи äңкәд єтмәс.

– Нäң муйсäр нумәс вєрсән, эви, муя вухәт вӯсдан иньщәсты такды, долмахайка иты?

Äңкәд ясңәт мєт мудты вєнш пӯңәд хäтщантты вєр иты хойәс.

– Ма мухты нумәсән юхәтсыйәм хөдәм шойәт пида дапкая юхәтмадән. Нын щи дуват вөн вухән мäты äнт вєрәсәтән. Щирән щи нäңән вохты яңхсәм.

Эвие äнт вөсдә, хуты нєриты. Одәң нумәс – хунтаты. Ов äңкємән лäп дольман тäйса, тынысты нурмәд эвәдт тäм пєлка єтәс Петрович.

Люцка дапка хӯват тывәдт-тухәдт вущиты питәс, äңкәд төп йирашәк ов эвәдт хäтәмәс, ким навәрмәс.

Дӯв ищки сащ äнт тäйәс, вєнш пӯңәдңәд тӯтән вӯщидәдңән, пäдән сащәс «долмахайка»...

Дӯвәд едєм вөс. Ащед щиты утшам көтювәт адщәс. Дыв өхәд эвәдт көрапаткайәт па щищкәт аддәсәт. Хотәд вөнты юхтәс, долийәд:

«Худта мäнты? Хунталәм, интернатән вөдты питдәм».

Тäд өш хӯват Ларьяк пәды шөшман нөмәсәс:

«Муя ма вухәт вӯсдам, äңкєм äнт давәдсєм? Вäт интäм хуты вөдты питдәм».

Дӯв холдәпа питәс, сєм йиңкдад сєм пӯндад хущи потсыйәт. Люцка худт вунємәддә па холдәд. Нюхәс ампиед юхтәмтәс дӯв хущеда, Люцка вєнш нюдыты питәс, дӯв еша щи роммәс. Ампәдән äнт хäйсы, дӯв мєт йм дөхәс. Ампиед одңәдән юнтәс, сыри хөхәдмийәд, щäдта юхи хäщты питәс, щив вудыйәс, ниңхрәс, мєт мудты Люцкайәд юхи, көрта вохәс. Эви вөра едды хäтәс, па ампәд па щи юдта төсы.

Етна йиты питәс. Тäд хäтәд хӯв äнтө. Хөдәм щос – камән пäтлам.

Käрәщ нохәр ӯхәт өш пӯңәдән дольсәт, хот питәр иты. Люцка пäдтапән юхәтты питса.

«Тӑта ат потдыйӗм па сурма питдӗм дык тӳвман. Ат холдӗдӗт худыева щи пурайӗн».

Дӳвӗт шаля йис, щӑдта Лющка па щи холдӗпа питӗс, ащед олӗңӗн нӗмӗсман.

«Ащемӗн каншты питдыйӗм, нӗмӗсты питӗд. Ма дӳвӗд путӗртдем, дӳв хӗлдӗдӗ».

Дӳв каремӗс па пӑсты ващ ӧш хӳват хӗхӗдмӗс.

Нюхӗс ампиед дӳв едпӗдӗн хӗхдӗс. Иса пӑтлама йис. Ищкийӗн потӗм йӈхты вер пӗды вӗдты хуят ов хонӈӗда юхтӗс, юхи дуӈты пӑдӗс. Едем.

«Холдӗм турӗн пай хущи, ощ пӳӈӗдӗн мисӗт пида. Адӗӈ дыв мӑнтӗд ӧпийӗн юхи дуӈдӗм. Нянь вӳдӗм, хошма дӗмӗтдӗдӗм па па щи мӑндӗм».

Лющка турӗн кӳта дуӈӗс, Нюхӗс ампиед еша дӑрийӗс турӗн пай кӑт пӗлӗкӗн, ищи удӗс. Мелка йиты питӗс, доньщ питӗд. Лющка ид тӗты питсы дӳв верӗм «ӧӈхӗд» хущи, ампӗд хущи нӗрщӗман. Хуятӗт сыйӗӈа путӗртсӗт, дӳв нух вердӗс.

– Тӑта щи дӳв, уд.

Ащедӗн нух адӗмсы. Дӳвӗда нӗрӗман, ащед ястыйӗс:

– Эвие, эвиём. Вӗйӗтсӗв. Мӳӈ ӑнт вӗсӗв, хуты нериты. Кӗртӗв иса нух вантсӗв. Нюхӗс ампиев щирӗн уша вӗрсӗв, дӳв нӑӈ пӳӈдӗнӗн омӗсӗд.

Эвие нумсӗд йма йис, дӳв вушийӗс юхды:

– Ма долмахайка ӑнтӗ, ӑӈкем ястыйӗс...

Лющка еӈхӗссы, каврӗм есӗм йиӈкӗн яньщӗдтӗсы, воткайӗн нерсы па нурӗда пунсы. Ин дӳв нӗмӗсӗд, щит вӗдӗм – дапка, вӗнт ӧш. Семӈӗд лӑп тӗдыйӗт, па дӳв одӗмӗн щи питса.

Ӑкӗр тум пӗлӗкӗн ащед путӗртӗс:

– Колхосӗн, отчетной мир хот ӧпийӗн трудодни вухдам мӑдыйӗт, щурӗс шойӗт, щӑтовотӗн лупӗс. Питӗд нӑӈӗн ӗрнас сух крепташин эвӗдт, Лющкаен Калкайӗд пида мав дӗтдӗм. Яна, хӳвӗн мин ӑнт дӗтыйӗдсемӗн дынан мавӗн. Вантӗ, ӑӈкия, Лющка мавӗд ӑнт дӗвмад, упӗда хӑймад, ям эви. Дявӗттӗты ӑнт питдем. Дӳв уша вӗрсӗдӗ атӗм вӗрӗд, щирӗн щи хунтас, едемӗд эвӗдт хунтас. Нӑӈ ищи ад дявӗттӗ, щӑха па хунтад.

Тӑм вер ӧпийӗн Лющка немудты па ӑнт вӳйдӗс иньщӗсты такды хотӗн муй па камӗн, муй па мойӗӈ тӑхийӗн.

Зимние приключения

Утром, уходя на работу, отец сказал:

– Сегодня морозец. Да и пора уже – конец октября. Ты, дочь, когда на улицу пойдёшь, оденься потеплей.

За окном уже светило солнце. Люська собралась и пошла погулять. Выйдя из дома, она увидела, что землю подморозило и снег не растаял, а лежал белым покрывалом.

Вдохнула вкусный морозный воздух. И только хотела пойти на горку, как её внимание привлёк большой навесной замок на двери, весь покрытый пушистой изморозью. Его очень хотелось потрогать или лизнуть. И Люська... лизнула.

Язык прилип к замёрзшему металлу. Она так и осталась стоять с разинутым ртом. Как будто собиралась проглотить замок. Ни с места сойти, ни головой повернуть. Помочь некому. Губы мёрзли, язык пекло.

Люське стало жалко себя. Она разозлилась и дёрнула головой. Почувствовала резкую боль и солёный привкус крови во рту. Язык освободился, только белая полоска осталась на замке. Подставив ладони лодочкой, чтобы кровь не капала на пальто, побежала в больницу к маме. Поднялась на крыльцо и стала бить ногами в дверь. Тётя Маша, санитарка, открыла, увидела девчонку с окровавленным ртом и позвала:

– Маркеловна, иди сюда! Твоя опять чего-то натворила.

Пострадавшей быстро оказали первую помощь. Умыли, раздели, выяснили причину. Затем мама развела примочку в стакане и сказала:

– На, опусти язык, только не пей. И сиди здесь.

А сама пошла к больным.

Люська осталась на кухне под присмотром тёти Маши. Боль вскоре прошла. Она закрыла рот, сидела молча, задумчиво глядя в окно на горку и катающихся с неё ребятишек.

Посидела немного и, как только санитарка вышла по делам, оделась, не сказав ничего маме, помчалась домой. Схватила новые алюминиевые санки и на горку. Она всё лето ждала того дня, чтобы испытать их.

Лёгкие санки неслись с горки на большой скорости – аж дух захватывало. Люська мчалась, обгоняя ребят, катающихся на деревянных санях. Веселье, смех разносились по улице. Утренняя беда вскоре забылась.

На следующий день Люська задумала в новые санки запрячь Собольку. Он был сыном любимой Музгарки. Молодой крупный пёс серой масти, больше похожий на волка. Отец сшил для него специальную упряжь и ходил с ним на рыбалку. Соболько послушно тащил гружёные сетями и рыбой маленькие нарты. Дождавшись из школы сестру, Люська попросила её подержать собаку и помочь надеть упряжь.

Когда всё было готово, Люська села на санки. Галька отпустила Собольку, и он понёсся что было духу. Около клуба дорога шла под горку, санки разогнались ещё быстрее. Вдруг из-за поворота вывернула запряжённая в сани лошадь, которой правила калмычка Боярта. Столкновение было неизбежно, но умный пёс резко отвернул в сторону, санки накренились и Люська вывалилась прямо под ноги лошади...

В одно мгновение она увидела над головой заиндевевший лошадиный живот, надвигающиеся на неё полозья саней и просвет между двух ног. В него она и нырнула. Выкатившись на обочину дороги, Люська услышала:

– Тпр-у-у.

Возница пыталась остановить лошадь. От испуга слёзы потекли из глаз бедной женщины.

Галька стояла как вкопанная, с побелевшим лицом, а Люська поднялась и пошла домой, не чувствуя от потрясения ног. Соболько же как ни в чём ни бывало сидел возле дома и с радостью встречал сестёр. Санки валялись рядом.

Родителям они договорились ничего не рассказывать, боясь наказания. Но те всё же узнали.

Боярта пришла просить прощения. Она была из высланных и очень боялась.

– Всё случайно получилось, никто не виноват, – говорила она с волнением. – Приходите к нам в гости чай калмыцкий пить.

– Хорошо, мы с Люськой придём, – сказала мама. После ухода Боярты отец строго сказал:

– На собаке больше не катайтесь, иначе ремня получите. А Люську в детский сад для присмотру отдадим.

Тӑл вєрәт

(казымский диалект)

Алӑң ащєм рөпатая мӑнтал елпийән лупәс:

– Тӑм хӑтәл ищкмшәк. Нӑң, эвие, ким єттән елпийән, хошма лөмәтлӗла.

Камән хӑтәл най лөрийәс. Лющка лөмәтлӗс па ким шөшиләты мӑнәс. Ким єтмалән шувалӗслӗ, мӳв щив потәм, лоньщ ӑнт луламал па нуви лаңкәп иты улӗс.

Лющка ямәс потәм шив лалмәс па рэпа мӑнты вӳтщийәс, па вантлӗлӗ: ов хущи вөн туман иса суйәлтәм. Лющка... нюлємәслӗ.

Нялмәл потәм картыя хӑнәмтәс. Лӳв щиты щи хӑщәс лольты ӱңлӗл пэлки талман. Мєт мулты туман юхи нелємәты вӳтщийәлсәлӗ. Па тӑхия мӑнты щир ӑнтө, ух карємәты щир ӑнтө. Нётты хуят ӑнтөм. Турәплал щив потсыйәт, нялмәл тӳтән вӳщилӗлы.

Лющкая шаль лӳвәл. Лӳв лыкән юхәтса, ухәл рэвємәс. Кӑщәл юхтәмтәс па кӑлы сулаң єпәл ӱңәлән. Нялмәл єсәлса, төп нуви шәльмие туман хущи хӑщәс. Ёш пӑтәл катлӗс ӱңәл пӱңла, лөмәтсухәл лавәлман па пөльницая ӑңкәл хущи щи шөшмәс.

Ов хоңтєпа хөңхәс па ов кӳрән сєңкты питсәлӗ. Маша ими, хот лӗщәтты нєңа вөл, ов пӱншсәлӗ, эвие кӑлӗң ӱңлӗл пила щӳвалӗєлӗ па ӳвтәс:

– Маркеловна, тыв ӧва! Эвэн па щи мулты вєра питмал.

Вєра питәм нє нётса. Люхәтса, сухлал нух єңхсыйәт, уша павәтсәл муй вєра хойәс.

Ӑңкәл мулты сыр йиңк рӳвтәс ӑстакан лыпийән па лупәс:

– Та, нялмэн тыв єслӗ, төп ал яньще па тӑта омса.

Щӑлта лӳв мөшӗң ёхлал хущи мӑнәс. Лющка атәлт хӑщәс кухня хущи Маша имәл пила. Кӑшәл еша вөс вөшәс. Ӱңлӗл лӑп төхәрсәлӗ, сыйлы омсәс, ишни пэлы вантәс рєп пэлы па хуты нявремәт хӑтәтлӗлӗт.

Щиты еша омсәс, төп Маша имәл вєрлал саты ким єтәс, Лющка лөмәтлёмәс па нємулты ӑңкэла ӑнт лупман, юхи хөхлӗс. Йилӗп карты ай өхлӗл кӳншємәс – па рєпа.

Кєн өхлые рєп эвәлт илды пэлы төсы нявремәт киньщи пӑсты. Нявремәт сый па ӳв сащәс камән. Алӑң шөкие хутты хӑщәс.

Па хӑтԥа йис Лющка йиԥәп өхԥа Нюхәс ампәԥ кирты нумәс вєрәс. Нюхәс ампиеԥ – щит Музгарко пухие. Ԥӯв вӯԥы пурты вой хурасәпшәк вөс, ԥуваттәң, хупшат. Ащеԥ ԥӯв пӑтәԥа кирты кәԥәт вєрәс, па ԥӯв пиԥәԥа хӯԥ вәԥты йӈхәс. Нюхәс ампие йма холәпән пунәм ай өхԥые таԥәс. Упәԥ ӑшкола эвәԥт юхәтты ԥавԥәсәс па упәԥ нётты вохәс: ампәԥ па кәԥаԥ катәԥты.

Иса вєрԥаԥ етшәм кємән Лющка өхәԥ өхтыя ԥєԥәс. Калька ампәԥ єсәԥсәԥә, ин амп щи хөхәԥмәс. Кӯԥәп пӯӈәԥән ӧш рєп щира мӑнәԥ, өхәԥ мєт щи төты питса. Имуԥтыйән ӧш кєрԥәты тӑхи эвәԥт єтмәс ԥовәӈ өхәԥ, щӑта Боярта ими омсәс. Йха хойты вєр тӑта щи, төп нумсәӈ Нюхәс ампие шаӈкап йира карємәс, өхәԥ и йирәԥа питәс, Лющка иԥ рӑкнәс ԥов кӯрӈән йиԥпия...

Лющка төп суйәԥтәм ԥов хун шуваԥәс па өхәԥ оԥӑт, кӑт кӯр кӯтән хөԥ – щив щи мӑртәс Лющка. Өш пӯӈԥа ԥӑримаԥ ӯпийән Лющка хөԥсәԥә:

– Тпру-у-у.

Өхәԥ төты нє ԥовәԥ кӯш вуԥыԥәԥԥә. Имилє пакәнмаԥ тӑхийән сєм йиӈкԥаԥ еԥ хуԥятсәт.

Каля упєм пакнәм рӯвәԥән ӑԥ щи ԥоԥь, вєншәԥ иса нувия лотхәммаԥ. Лющка нух ԥоԥәс па юхи пәԥы шөшмәс, кӯр нюхиԥаԥ ӑԥ щи ториԥәт. Нюхәс ампие, мєт

мулты нємулты вєр ӑнт тывӘс, хот пӱңӘлӘн омӘсӘл па щи ӘвиеңӘн хущи щи отєсӘл. Ай өхӘл кєрӘтлӘс лӱв пӱңлӘлӘн.

Ащел-ӑңкӘла, путрємӘсңӘн, нємулты ӑнт лупты, ал лявӘтӘсыйңӘн лӘлӘң. Лын ищи па щи уша вєрсӘлӘн.

Поярта ими юхтӘс нӱрӘл нух вӱты щира. Лӱв, вантӘ, тыв китӘм хуят вӘс па шєңк пӑлӘс.

– Вєр, вантӘ, щиты тывӘс, ин хуй вунавӘт, – лӱв путӘртӘс.

– Юхтылаты мӱң хущева кӑлмӘкӘт шай яньщты.

– Йм, мин ЛющкаёмӘн юхӘтлӘмӘн, – ӑңкєм лупӘс.

Поярта мӑнӘм ӱпийӘн ащєм лупӘс:

– АмпӘн па ал хӑтлятӘн, кӘлӘн сыхилӘлам. Лющка нявр єм садика мӑлӘв, щӑта вантман ат тӑйлы.

ТӘлхин вӘлӘм верь

(ваховский диалект)

ÄlӘң, ропатаяпа мӘнтӑлӧх, ӘпыМ атӘс:

– Тим қотл ӘтӘхӘки. Нӧң, ӧхи, қунтӘ кӱмпӑ мӘнңӑн, қон’ӘқӘ вӘрӘхсӘхлӑ.

КӧмӘн сӱңк кӘлӑхӘн. Люська чӑхихсӘс пӑни кӱмпӑ мӘнӘс. Кӱм лӱхӘмӑлӑ, вултӘ, мӘх элнӘң патсы, чохӘ ӘнтӘ тӧхы лӧлас, мӘх элнӘңнӘ ӘлавӘл.

КойвӘл қӘтқӘлтӘ мӘнтӑ, мӘрӘм сем ирнӑ вустӘ ӘлдӘ тӘман охпынӘ мӧрты соимыхӘн.

ЛӧхӘ чӑкӘ қойвӘл ньӧхалта пӑни нялӘмнӑ ньӘлата. Пӑни ЛюськанӘ... нӑлӘмтӘсы.

Нилмӑл патӘм вӘха лӧңкинтӘс. Лӧх тити кӧлӑк лулна лальвӘл. Видлӑ қойвӘл тӘман нелӑхтӑтӑ. Ухӑн ӘнтӘ кирӘхтӑвӑн, қӧлӘпапӘ ӘнтӘ мӘнвӑн. ҚойнӘпӘ ӘнтӘ пилтӑли. Пӑлмӑл патсы, нилмӑл қорӘхвӘл.

Люська пӑхмӘс пӑни ухӘлна рӑтимӘс.

ЧӑкӘ кӑчӑхӑлси пӑни сӘлнаң вӑрь эвӑл лулнӘ сӑтьвӑл. Нилмӑл тӧхы вӑмӑл пырнӘ, тӘманнӘ нӑхи лӑрь қытӘс. Лахӑлхӑл ихн’ӑлӑ чӧчмин, вӑрь лӧпыла ӑнтӘ пасӘхтала, палницаяпа ӑңкилпӑ мӘнӘс.

Нӧклӑ нуқ қаңтӘс пӑни кӧрхӑлнӑ охпы чоқӘқӑтӘстӘ. СанитарканӘ охпы кӧлӑкӘ версӑтӘ, вултӘ ӧхӑли вӑрӑң лулна ладвӘл пӑни вахсӑтӘ:

– Маркеловна, тӑх йӧхӑ! Нӧң ӧхин ос мӧхули қм верӘс!

Қаньтәҗ ни пестäх төхы лөхытәсыл, төхы верәхсәхәлтәсил. Пырнә әҗкил сухтәв стаканнә верәс päни атәс:

– Тä, нилмән тәх әсԥи, мәрәм äл иԥәхти päни тәт ымса.

Лöхтил ос қаньтәҗ яхпа мәнәс.

Люська ԥитä қат ԥатнә санитаркана қытәс. Кәҷä вän'нä қөлас. Луләл ыл тохәрсәтә, äйләх-кöллäх амәсвәл, ыҷән'вәсöх ньәҗиқыит ҷывох қәтқәлтä тәхы лöхәтәявәл.

Амсәс тиссәхы, ҷöкин санитарка верәллä сәхы мәнәс, Люська верәхсәхлäс päни, мәтäԥипä әҗкилä әнтä атмын, ёхпа нöрәхтäс. Қахрәмтәс йәлäв вәхлы ԥикәр päни – ҷывпа.

Қавәқ вәхлы ԥикәрт пестäх ҷывох қәтқәлвәлт, қәймын тю ньәҗиқыит, мәԥит юхлы ԥикәрнä қәтқәлвәлт. Кöмән ньәҗиқыит ԥысәхтä тәхы сятьвәл. Älәҗ вәләм верь кимтәкä мәԥқахәлсәтä.

Пыр қотл Люська Соболько ликрä йöртä қоимäс. Әпыл äмпä сехä юнтахән päни лöхнä қул велтä йәлилäвäл. Собольканä öкöм ликәр қаләвна päни қулна äйәлтäли тäлԥи.

Онәлтәхәлтä қатох änил лäхәлмин, äмп йöрсәтän. Қунтä әйнäм тәхы верминä, Люська ликрä ымләс. Гальканä Соболько төхы әсәлси, päни лöх қм пестäх нöрәхтäс. Клуб пөҗәлнä ԥöк ҷывох ылäпа вәлвәл, ԥикәр ос пестäх қәтәмпәл. Йәртäкä тәхы қасох ԥикрä йöрәм лох семтäх питäс, ликәрнä калмычка Боярта амәсвәл. Нюла төҗ қонәмтәскән, мәрәм нәмсәҗ äмп перäх педәкпä ёхрәқынтäс, ликрäли пөҗла қомԥәқынтäс päни Люська лöх кöр уя кöрхäс...

Лöхän вулы, ухәл охтынä лох похԥы, лöхäпä қәтқәлтä ликәр пахәԥхän кöтä ԥöкäс. Ԥöк қанҗа кöрмәкинтäс, Люськанä қолсы:

– Тпр-у-у.

Қәньтәқынтәмын, ни семöх сем йäҗк тёрхәқәтäс.

Галька нäхи вänәмнä лаԥьвәл, Люська ос нуқ лаԥäс päни ёхпа мәнäс, кöрхäл вöх әнтä қолмын. Соболько қат пәҗәлнä амәсвәл, виԥԥä мәтäлипä әнтä йäс päни änисäхänпä ньäԥқыләвәл. Ликрäли лöх пөҗәлнä әлавәл.

Әҗқилотқәлына мәтäлипä әнтä эрӛхлиллӛхӛн. Әҗкилотәхлын ос қурнәхәл-халхän.

Боярта йöс төԥәхта. Лöх вәлхал пöхәм қәсы, тюта ҷәкä пәлмихän.

– Милнäм тити йäхäс, қоипä верь тәт әнтä тәявал, – атвәл лöх.

– Мәҗä майәлтä йöхитäх, ҷай йäҗк ԥитä.

– Тя, мöҗ тäм йöлöх, – тыхтäс Люська әҗкил.

Боярта мәнәм пырнä, әпыл пäхäммин тыхтäс:

– Äмнä тими пыр äл йäлилä, ўхä әнтäвнä вәллуйäм. Люська ос ньәҗиқыит қата мәлим.

Калмыцкий чай

Калмыки жили в длинном бараке, специально для них построенном. Он так и назывался – калмыцкий барак. Боярта провела гостей по тёмному коридору. Открыла дверь в комнату. Пахнуло теплом и ароматом. На плите в казане варил чай муж Боярты – Ботма. Он приветливо улыбнулся гостям. От этого его узкие глаза сделались совсем как щёлки.

В комнате всё напоминало привычный калмыцкий быт. Низкий столик посередине. На нём чашки без ручек. На стене висел витой красивый кнут, а рядом кожаный пояс, украшенный серебром, и чёрная круглая шапочка.

Сели за столик на низкие скамеечки. Боярта спросила:

– Кому длинный чай или короткий?

Как это было интересно и необычно. Люське хотелось попробовать того и другого. Боярта, улыбаясь, сказала:

– Давай пиалу, налью.

Люська протянула ча-

шечку. Она разливала чай деревянным черпаком на длинной ручке. Наливая в пиалу, подняла руку выше – струя удлинилась, опустила – уменьшилась. Казалось, что чай ходил за рукой, как привязанный.

– Вот тебе длинный, а вот – короткий, – говорила Боярта, при этом не пролив ни капельки.

Все смеялись, было очень весело. Этот вкусный чай варился с молоком, в него добавляли муку и соль. Боярта раскраснелась. С чёрными косами, распущенными по плечам, в цветном платке, повязанном тюрбанчиком, она выглядела красавицей.

Хозяева стали вспоминать, как они жили в Элисте и как ездили в гости к родителям в степь, какой варили там листовой чай с молоком кобылиц.

Вдруг Боярта погрустнела. А мама спросила:

– Где они, не знаешь?

– Нет.

– Вам что говорят о выезде? Когда разрешат?

– Не знаю. Обещают скоро.

– Поедете?

– Хоть пешком пойду, только б разрешили, – ответила она.

Люську разморило. Она прислонилась к маме и под тихий говор задремала. Ей слышался шелест степной травы в этом загадочном слове «Элиста» и топот табуна кобылиц, бегущих по степи.

Девочка проснулась от прикосновения маминой руки.

– Вставай, дочь. Поздно уже. Засиделись мы с тобой. Спасибо вам за чай, за беседу. Пойдём мы домой, наши уже заждались.

Калмыкам разрешили выезд только через год.

Вся деревня провожала их, все от мала до велика. Горько плакали подруги, обнявшись, положив головы друг дружке на плечи. Это была Галина, Люськина сестра, и калмычка Галина, родившаяся уже в этой сибирской деревне. Её увозили родители на незнакомую родину. Плакали все – уезжавшие и провожавшие.

Путь их домой был неблизким, но радостным. Ведь возвращаться всегда лучше, чем уезжать.

Кӑлмӑкӑт шай

(казымский диалект)

Кӑлмӑкӑт хӳв пӑрак хотӑтӑн вӧсӑт. Щи хотӑт нӗмасыя ԥыв пӑтӑԥа омӑссыйӑт. Ԥыв щит щи алщӑсыйӑт – кӑлмӑк пӑрак. Поярта ими мойӑҥ ёх пӑтлам хот хӳлы хӳват ванӑлтӑслӑ. Хот йита ов пӳншӑс. Хот єпӑл рӳв вєнша хойӑс. Кӧр ԥаҥӑлӑн Потма икӑл шай кавӑртӑс. Ԥӳв нӑх мулӑҥ вєншӑн мойӑр хуятӑт пӑлы ӑҥкӑртӑс. Ԥӳв ващ сємҥӑл иса ващ хӑл иты йисҥӑн.

Хот йитӑн хущи иса кӑлмӑкӑт вӧԥӑпсы хурасӑп. Ай пӑсан хот кӳтӑпӑн. Пӑсан ӧхтыйӑн нӧрԥы шай анӑт. Хот питӑрӑн сӑвӑм хомщи ԥойийӑс, щи пӳҥӑлӑн щєл вухӑн хурамтӑм ӧҥӑнтӑхты антӑп па питы еҥта милые.

Ԥєл пӑсан пӳҥԥа ԥєл ващ вӧԥасӑта омӑссӳв. Поярта иньщӑсӑс:

– Хуй хӳв муй ван шай яньщӑл?

Тӑта ӑм па ущхуԥь! Лющка яньщты вӳтщийӑс тумӑщ па тӑмӑщ шай. Поярта нӑхийӑлман лупӑс:

– Анӑн тыв мие, пунԥєм.

Лющка анӑԥ ниншсӑлӑ. Ԥӳв шай пунӑс хӳв нӑлӑҥ ӧх ӧмпиен. Шайӑԥ анна пунталӑн ёшӑԥ кӑрща аԥӑмԥӑлӑ – шай щуриты вєрӑԥ хӳва йиԥ, иԥ єсӑԥԥӑлӑ – щуриты вєрӑԥ вана йиԥ. Мєт муԥты шай ёшӑԥ ӧпийӑн иԥ йирӑм ут иты ӑҥхӑс.

– Вӑт нӑҥӑн хӳв, вӑт нӑҥӑн ван, – Поярта лупӑс, ԥӳв и шай сємие иԥ ӑнт шошмӑс. Мӳҥ нӑхсӳв, шєҥк ӑм вӧс.

Тӑм єпԥӑҥ кавӑрса єсӑм йиҥк пиԥа, па щив нётса ԥант па суԥ. Поярта вєншӑԥ иса вӳртыя йис. Ԥӳв питы сӑвҥӑԥ ԥӑҥкрӑԥ хӳват иԥ єсӑԥман, хӑншаҥ ухшамиенӑн тюрпан щира йирман, тӑмӑщ хурвсӑԥӑн щи хураспия вантӑсӑԥ.

Кӧща хуятԥӳв путӑртсӑт, хуты ԥывы Элиста вошӑн вӧсӑт, хуты ԥыв ӑҥкиԥал-ащиԥал ӑҥхийӑԥсӑт ӑстепь мӳва. Щӑта ԥыв лыптӑҥ шай кавӑртсӑт ԥов єсӑм йиҥк пиԥа.

Имуԥтыйӑн Поярта шумаԥя ӧвємӑс. Ӑҥкємӑн иньщӑсса:

– Хута ԥыв ин, ӑнт вӧԥӑн?

– Ӑнтӧ.

– Ӧхи мӑнтан оԥӑӳӑн хуты луплӑт?

– Ӑнт вӧԥєм. Ястӑԥӑт сора.

– Мӑнлӑты?

– Кӳрӑн мӑнлӑм, тӧп ат ӗсӑлыйӑм, – лӳв лупӑл.

Лющка хошӑмсы па ил тӧты питсы. Лӳв ӑҫкӑл хущи нӗрщӑс па лыв путӑр сыеллӑн вуйӑмты щи питсы. Лӳв пӑлӑла сащӑл ӑстеп мӳв турӑн шӧлиты сый «Элиста» хурамӑҥ ясӑҥӑн па ӑстеп мӳв хӳват лов хӧхӑлты сый.

Эви нух вӗрлӑс ӑҫкӑл ёш лӳвӑла айӑлтыева хойӑм пурайӑн.

– Нух кила, эвие. Ата йис. Хӳв щи омӑссамӑн. Шаен пӑты пӧмащӑпа, путрӑн пӑты пӧмащӑпа. Юхи мӑнламӑн, ёхлӑмӑн лавлӑслӑт.

Кӑлмӑкӑта юхи мӑнты ӗсӑлсыйӑт тӧп ол мӑнты ӳпийӑн.

Кӧрт тӗл мир юхӑтсӑт лыв мӑнты тӑхӑла ай ёх вӳш эвӑлт вӧн хуятӑт вӧнты. Лӗйӑҥлал холӑсӑт йха ӑпӑлмӑиан, ухлал пунман лӑҥкӑр ӧхтыя. Щит Каля, Лющка упи, па кӑлмӑк Каля, тӑм мӳвӑн сӗма питӑм ут. Лӳв ин тӧлы вӧлы мӳва. Хулыева холлӑсӑт – айӑт па вӧнӑт.

Юхи пӑнтӑл ван ӑнтӧ вӧс, тӧп амтӑҥ. Юхи мӑнты пӑнтӑн иса пурайӑн ям па мӳва мӑнты пӑнтӑн киньщи.

Новый год

Охотничий сезон по первому снегу для Алексея с Музгаркой оказался удачным. Много соболей и рыжих лисиц попалось в его капканы. Более трёхсот белок добыл он в своих угодьях.

В начале декабря деревенские охотники вернулись с промысла домой. Встретившиеся у магазина мужики обстоятельно рассказывали, кто, как и где поохотился. В разговоре с ними Алексей с гордостью добавлял:

– Это всё Музгарка добыла, а я только отстреливал. Особо она соболей мастерица загонять.

Отдохнув недельку дома, отец засобирался ехать сдавать пушнину. Ему очень хотелось устроить настоящий праздник – с ёлкой, свечами и подарками. Такой, какой он провёл в первый послевоенный год в Чехословакии. Конечно, можно было ехать в Ларьяк, в районный центр, но туда сейчас большинство охотников съезжаются. Всем хочется в конце года пушнину сдать и деньги получить. Решил махнуть в нижневартовскую заготовительную контору. Туда и ехать ближе, можно за три дня обернуться. Да и выбор товаров больше, и народу меньше.

Утром рано, когда ещё было темно, запряг лошадь. Поверх одежды накинул собачью доху для тепла. Попрощался с женой, дети ещё спали, и отправился в дорогу.

Останавливался только один раз, в деревне Савкино, покормить коня и попить чаю. Короток зимний день. Темнеет рано. Когда солнце уже село за верхушки кедрача, доехал до места.

Пошёл третий день, как муж уехал. По вечерам Прасковья с дочерьми слушала радио. У них был хороший приёмник «Родина», а не тарелка-репродуктор. «Родина» ловила много станций, поэтому у них часто собирались соседи, слушали радиоспектакли. Люська очень ждала отца. Она сидела тихо и всё время прислушивалась – не скрипят ли полозья саней по снегу. Но первой почуяла хозяина Музгарка. Она залаяла, потом радостно взвизгнула.

– Это папа приехал, – закричала Люська и бросилась к двери.

Отец уже сам открыл её и ввалился в избу вместе с клубами холодного воздуха, весь заиндевевший от мороза.

Дочки повисли на отце с обеих сторон, а он радостно сообщил:

– Сдал всё по первому сорту. А вам подарков навёз. Ну всё, отпускайте, пойду лошадь распрягу да мешок с подарками занесу.

Прасковья быстро накрывала на стол. Управившись наконец-то с лошадью, отец пришёл в избу. Разделся, быстро поел. Девчонки терпеливо ждали, поглядывая на большой мешок.

– Ну, теперь будем подарки смотреть, – сказал отец. – Это, девчата, для вас, – раскинул по столу отрез кремового кружевного гипюра. – Вот, шейте к празднику платья.

Мать спросила:

– А что так много?

– Да забрал всё, что было. А это – Люське.

– Что там, папа?

– Ты, дочь, разверни и посмотри.

Люська развернула свёрток. Там было красное бархатное платье. Мама прикинула на неё:

– В самый раз. Галине почему не купил? – строго спросила она.

– Одно было. Я как соболей сдал, так сразу его и забрал.

Люська даже присмирела, сражённая такой красотой.

– Нравится? – спросил отец.

– Красиво. Спасибо, папа, – ответила она, поцеловав отца.

– Ты примерь, а мы посмотрим.

Мама помогла Люське надеть платье, белые носочки и туфельки

с пуговками. Девочку поставили на стол и заставили пройтись. Бархатное платье переливалось в свете керосиновой лампы. Люська в нём походила на маленькую принцессу.

А папа всё выкладывал и выкладывал на стол подарки. Ей казалось, что она в сказке, а папа – купец. Затем отец, радостно улыбаясь, подал матери деньги:

– Это тебе на хозяйство, мать. Я же говорил, что Музгарка себя окупит с лихвой.

Новый год встречали очень весело. Дома стояла нарядная ёлка, увешанная игрушками, которые привёз отец. Он прикрутил к ветвям проволочкой обычные свечи и зажёг их. Люська с Галькой прыгали от радости и хлопали в ладоши.

Вся семья уселась за праздничный стол, на котором, кроме большого жареного глухаря, холодца и пельменей, стояли невиданные раньше ароматные яблоки, халва, конфеты «Морские камешки», грецкие орехи – всё это были папины подарки. Такое – редкость в этой маленькой деревеньке, затерянной в тайге.

Музгарка лежала рядом и за всеми наблюдала. Вдруг она залаяла на ёлку. Алексей шикнул на неё и... почувствовал запах горящей хвои. Свеча накренилась и подожгла ёлку. Отец быстро сорвал с кровати покрывало и накинул на ёлку, потушив огонь. Но это не испортило праздника. Наоборот, Гальке с Люськой стало ещё веселее.

Из радиоприёмника зазвучал бой курантов и торжественный голос сказал:

– С Новым годом! С новым счастьем, товарищи!

Йилдәп ол

(казымский диалект)

Алексей Музгарка ампәл пила вәлпәс ләты вєрәл ай лоньщ питәм пурайән йм вєс. Карт сєсылала ар нюхәс па вўрты вухсар питәс. Хөләм сот мултас ланки вәләс вәлпәс хӑрлалән.

Ван хӑтлӑп тылӑщӑн олӈӑлтӑмӑн вӑлпӑс ёх юхи юхӑтсӑт. Лапка пӳӈӑлӑн икӑт вӑйтантсӑт па вӑлпӑс вӗрлӑл олӑӈӑн путрӗмӑсӑт. Алексей путӑрталӑн ӧрӑӈашӑк нӗтӑмӑл:

– Щит иса Музгарка ампӗмӑн вӑйӑтсыйӑт, ма тӧп пушкан ӗсӑлсӑм. Мӗт ӑма ампӗм нюхӑс ӧӈха вошӑтты хошӑл.

Лапӑт кӗм ащӗм юлӑн рӳтьщӑс па сонтӑмӑс вой сухлӑл мӑты ӑӈхты. Лӳв нӧмӑсӑс вӗрты пуляӈ емӑӈ хӑтӑл ёлка, ӑсвеча па мойлӑпсы пила. Щимӑщ емӑӈхӑтӑл вантӑс лаль пӑрӑм ӳвпи олӑн Чехословакия мӳвӑн. Вӗрӑтӑс мӑнты Ларьяк воша, район вулаӈвош, тӧп ин щив ар хуят ӑктӑщӑл. Кашӑӈ хуят ол пӑрты елпийӑн вой сухлӑл мӑты па вух ёша павӑтты. Нумӑс вӗрӑс нижневартовской пушнина вӳты конторая мӑнты. Щив ваншӑк мӑнты, хӧлӑм хӑтӑл мӑр ӑӈхӗмийӑлты рӑхӑл. Пурмӑс щӑта аршӑк. И тӑхийӑн холты рӑхӑл, щит Савкино кӧрт хущи, ловӗм лапӑтты па шай яньщӑмӑты. Тӑл хӑтӑл ван. Сора пӑтлӑл. Хӑтӑл нохӑр ӳх тыйӑта омсӑм пурайӑн мосты тӑхия щи юхтӑс.

Хӧлмит хӑтла щи йис икӑл мӑнӑм вӳш эвӑлт. Етнӑтӑн эвилӑл пила ратюва хӧлӑнтӑс. Лыв ӑм «Родина» нӗмпи ратюва хушап тӑйсӑт, тарелка хурасӑп ӑнтӧ. «Родинаел» ар станция эвӑлт хӧлӑнтты вӗр тӑйӑс, щирӑн лыв хотӑлӑн ар хуят ӑктӑщийӑс ратюва спектаклӑт хӧлӑнтты. Лющка ащел шӗӈк лавлӑс. Лӳв сыйлы омсӑс па иса хӧлӑнтыйӑс: ӑнт щихрӑмӑл пӑлы ӧхӑл олӑт лоньщ ӧхтыйӑн. Мӗт сырия кӧщайӑл мутшӑслӑ Музгарка амп. Лӳв хуртатӑс, щӑлта амтӑна ниӈхрӑмтӑс.

– Щит ащӗм юхтӑс, – Лющка ӳвтӑс па ов пӑлы хӧхӑлмӑс. Ащел ов пӳншӑс па юхи питӑс ищки шив-пӧсӑӈ пила, иса лӑп суйӑлтӑм.

Эвӑӈӑн ашел сапӑла кӑт пӑлӑк эвӑлт лоёмӑсӈӑн, лӳв лупӑс амӑтман:

– Мӑслам иса первой сорт щира. Нынан мойлӑпсӑт тӧсӑм. Я, щи ӗслалӑн, мӑнлӑм ловӗм хулт лосӑтты па мойлӑпсайӑӈ хирӗм юхи луӈӑллӑм.

Пӑрасковья пӑсанӑл лӑщӑтты питӑс – хӳв пӑнт эвӑлт юхтӑм икӑл лапӑтты. Ловӑл лӑщӑтмал ӳпийӑн ащел юхи луӈӑс. Лӧмӑтсухлал ӗӈхӑс, пӑста лӗс. Эвиеӈӑл лавлӑссӑӈӑн па сӗмлӑн иса хир пӑлы щи тӧллӑн.

– Я, интум мойлӑпсӑт вантты питлӳв, – ащӗм лупӑс. – Тӑми, эвиеӈӑн, нынан, – пӑсан ӧхтыя пунӑс ёрнас тӗл нуви хӑрӗп сух кипюр кружева пила. – Вӑт, емӑӈ хӑтла ёнтӑсты ёрнас.

Ӑӈкӗмӑн иньщӑсла:

– Муя па щи арат?

– Муй арат вөс, хулыева вӱсєм. Тӑми Лющкая.
– Муй щӑта, аща?
– Нӑӈ, эвие, ара лӑрпитэ па вантэ.
Лющка ара лосэтсэлэ мунталы. Щӑта вӱрты бархатной ёрнас. Ӑӈкэлэн лӱвэла арталэсы:
– Мурт. Каляен амуя ӑнт лөтсэн? – ӑӈкємэн такашэк иньщэсса.
– Ит төп вөс. Ма нюхэслам мӑслам, мухты щи вӱсєм.
Лющка иса рома йис щи хурасэл пэла вантман.
– Мөстэс нӑӈэн? – ащємэн иньщэссыэм.
– Хурамэӈ. Пөмащэпа, аща, – лӱв лупэс, ащел мосэлтємэслэ.
– Нӑӈ нух лөмтылэ, мӱӈ вантлэв.
Ӑӈкэлэн нётсы Лющка ёрнас, нуви носка па похлэӈ тӱплет лөмэтты. Эвие пӑсан өхтыя лощэлтэсы па партсы шөшилэты. Бархатной ёрнас ӑл щи вулийэс кӑрсина лампа нувийэн. Лющка щи ёрнасэлэн вөс принцесса хурасэп.
Ащел мойлэпсылал пӑсана щи пунлэлэ, пунлэлэ. Лющка нөмэсэл лӱв моньщ воша юхтэс, ащел щӑта вусхө. Щӑлта ащел нях мулэӈ вєншэн ӑӈкєма вухлал мӑс.
Тӑми нӑӈэн, ӑӈки, хот нӱшалана. Ма лупийэлсэм Музгарка ампэв вух рөпитты сӑмэӈ.
Йилэп ол хӑтлэв шєӈк ям вөс. Юлэн лощэлтэсӱв ащєм тӱвэм ёлка, юнтутэн эхэтсэв. Ащєм нӱвэта ӑсвечайэт карткэлэн ювэртэс, нух вӱщэтсэлэ. Лющка Калька упэл пила амтэтлэман навэрсаӈэн па ёш пӑты сєӈксаӈэн.
Хулыева пӑсана кӑт пэлка омэссӱв. Пӑсанэв тєлыева лєтутэн: ащєм тӱвэм єплэӈ яблокайэт, мавэт, халва, грецкой нохэр сємэт, кавэртэм лӱк нюхи, пельменэт – щит иса ащєм тӱвэм мойлэпсэт. Тӑмэщ вєр вөнт хущи омэсты ай көртэн кашэӈ хӑтэл хөн вөллийэл.
Музгарка ищи тӑта щи отємэс па вантыйэс кашэӈ хуят пэлы. Ащєм ампэл пэлы отэмтэс и... хөл яӈиты єпэл хөлмэс. Ӑсвечев пєлкан питэс па ёлка вӱщємэсы. Ащєм нури эвэлт лаӈкэп сөхтэс па ёлка өхтыя вущкэслэ, тӱтэл лӑп хөрэтсэлэ. Емэӈ хӑтлэв щитэв эвэлт ат ма ӑнт йис. Лющка па Калька амтэтлэман юнтсаӈэн.
Ратюва хӱват курантэт сєӈкэпсы сащты питэс па сыйэӈ кӑрэщ тӱр сый путэртэс:
– Йилэп ол пила! Йилэп уй пила! Йилэп 1955-мит олюхтэс, ешэк лөхсэт!

Медвежата

В апреле, как только начал подтаивать снег, Алексей засобирался на медвежью охоту. А точнее – поднять медведя из берлоги, которую он заприметил ещё осенью, когда охотился на Савкинской речке. Для такого дела нужны верные товарищи, которые в трудную минуту не дрогнут. Ведь всякое бывает при встрече с хозяином тайги. Медведь спросонья и с голодухи злющий.

Под предлогом попить чайку пригласил домой знатных охотников – Василия Михайловича и Никиту Натускина. Тут и предложил им вместе идти на охоту.

Мужики долго пили чай, обговаривали всё до мелочей и дали согласие. Рядом на полу лежала лайка Музгарка, слушая их разговоры и всем своим видом показывая, что здесь она главная и без неё на охоте не обойтись. Вдруг в дверь постучали. Вошёл Пашка, его-то никто не ждал. Семнадцатилетний пацан, прослышав про охоту, не утерпел и пришёл проситься. Решил себя проверить. Мужики подумали и взяли его в компанию. Сами когда-то такими были. Но взяв, строго наказали, чтоб их слушал.

Охотники приготовили всё необходимое: проверили крепкие верёвки, наладили ружья, а патроны зарядили пулями.

Утром рано, молчком, никому ничего не сказав, поехали. Вроде как за сеном. Так повелось, потому что каждая охота на медведя отличается своей непредсказуемостью.

На место охотники приехали быстро. Лошадей оставили на дороге с Пашкой. Не стали его с собой брать, наказали, чтоб ждал их здесь. И втроём, на лыжах, в сопровождении собаки, пошли в лес. По пути вырубили подходящую жердь, чтоб ею медведя в берлоге расталкивать.

Берлогу Алексей отыскал по зарубке на дереве и по отдушине на снегу. Жердями нащупали вход в берлогу и стали ими будить медведя. Он не заставил долго себя ждать, зашевелился, заворчал. Охотники отступили к деревьям, чтобы в случае чего схорониться, и приготовились. Но медведь не выходил. Тогда Алексей решил ещё раз потолкать его жердью. Но не успел он подойти к берлоге, как зверь выскочил со страшным рёвом, встал на задние лапы, как бы защищая вход. Алексей выставил вперёд жердь и закричал:

– Стреляй!

Но выстрела не было. Только сухой щелчок прозвучал за спиной. Осечка. Музгарка кинулась на медведя сзади, спасая хозяина, и стала кусать его, садить на зад, как говорят в Сибири.

Мишка оторопел и стал отмахиваться от собаки. Этого момента Алексею хватило. Сдёрнув с плеча ружьё, он выстрелил почти в упор. Зверь остановился, застыл на мгновенье. Разом раздались два выстрела – это напарники успели перезарядить ружья. Рухнувший медведь лежал неподвижно.

Услышав шорох, Алексей оглянулся и увидел бледного, но решительного Пашку с ножом в руке, стоявшего возле дерева.

– Иди сюда. Грузить будем, – позвал Алексей.

Тот подошёл, глядя с опаской на медведя и не выпуская ножа из рук. Мужики перемигнулись между собой.

– Пашка, а где ружьё? – спросил тихо Никита. – Т-т-ам где-то оставил, на санях.

– А как же ты без него на медведя?

– Так я с ножом, в случае чего.

– А зачем лошадей бросил? Вдруг убегут. Тебе сказали, жди.

– А я это, помочь хотел, а коней привязал к дереву.

– Помочь! – Тут уже Василий Михайлович не выдержал и весь затрясся от смеха.

Мужики долго хохотали, наполняя весельем и удалью весенний лес. Оно и понятно – эти трое уже войну прошли, а он, необстрелянный, первый раз в таком деле.

Насмеявшись, охотники стали разглядывать добычу и поняли, что это медведица и у неё есть медвежонок.

Из берлоги, в подтверждение, послышалось сопение и ворчание.

Алексей надел двойные рукавицы, чтобы медвежонок не прокусил руку, и полез в берлогу. Хотя лезть туда было опасно. Ведь иногда вместе с матерью медведицей залегал и годовалый медвежонок-пестун.

Но возбуждённые удачной охотой мужики уже не думали об опасности. Из берлоги Алексей крикнул:

– Да здесь их двое, кидайте мешок.

Медвежат засунули в мешок, укутали шубой и, загрузив добычу на сани, уже ночью приехали в деревню.

Люська проснулась от какого-то шума и громких голосов, доносившихся из кухни.

«А, так это отец с охоты приехал», – догадалась девчонка и, быстро одевшись, прибежала посмотреть. На полу лежал огромный медведь, вокруг которого, несмотря на поздний час, столпился народ.

Но папы среди них не было. Люська забеспокоилась и вопросительно посмотрела на мать. Та, улыбнувшись, сказала:

– Всё хорошо, иди в дальнюю комнату, там папа тебе подарок из тайги привёз.

Дочерям отец всегда привозил из леса подарки от «зайчика» – кусочек сахара, ягоды, конфетку или просто красивую веточку. И дети всегда были рады этим сюрпризам. Люська забежала в комнату. То, что она увидела, превзошло все её ожидания.

В большой коробке лежали два медвежонка, и отец поил их сгущённым молоком. Они наелись, успокоились и заснули. Медвежата спали, прижавшись друг к другу и чмокая во сне губами. Маленькие, хорошенькие, как игрушечные, размером с меховую рукавицу – «мохнашку».

Шёпотом, боясь разбудить медвежат, отец сказал:

– Вот тебе подарок, ухаживай за ними хорошо, следи и корми вовремя. Ты у них теперь за мать будешь. Поняла?

Люська в ответ кивнула головой и отправилась спать.

На следующий день у Люськи перебывали все деревенские ребятишки. А Люська, гордая за отца, всем разрешала посмотреть на медвежат, добавляя при этом:

– Я у них теперь заместо мамки и молоком из соски их кормлю. А вы побольше сгущённого молока несите, они сладкое любят.

В таёжной деревне, где жила маленькая Люська, медведей добывали часто. И на многих домах с торцевой стороны крыши были прибиты медвежьи шкуры для просушки.

Но такой случай – чтобы сразу два медвежонка, да ещё один с белой отметиной на шее – это редкостная удача.

И, сидя за большим столом, заставленным жареной и варёной медвежатиной, угощая односельчан, отец в который раз рассказывал, как всё было на охоте. И каждый свой рассказ заканчивал одними и теми же словами.

– Это всё Музгарка. Она меня спасла и охоту на удачу повернула.

Детский сад

По настоянию отца, после последних приключений, Люську определили в детский сад. Он был переполнен, и мать с большим трудом уговорила заведующую. Сначала Люська его исправно посещала. Вставала рано и первой стучала в ещё закрытые двери. В этот час там находилась только повариха. Она впускала девчонку – не отправлять же обратно, и та играла деревянной машиной, которую сделал для детей на пилораме финн дядя Сулла. Все хотели ею поиграть и вырывали с рёвом друг у друга, потому что настоящей машины никто в глаза не видел. Но Люська в этом дележе не участвовала. Она успевала наиграться утром до прихода ребятишек.

Возраст посещающих детей был разный – от ясельного до школьного, и все теснились в двух комнатах. Их матери с утра до вечера работали на рыбозаводе или в колхозе. Так что деваться им было некуда, вот и приходилось целый день проводить в четырёх стенах или гулять на площадке вокруг детского сада. Постепенно интерес у Люськи пропал. Игрушек на всех не хватало, а у Люськи дома было много, даже настоящая кукольная кроватка и шифоньерчик с зеркалом. И ещё много книг с цветными картинками. Особенно она любила «Сказки Пушкина», которые ей читала мама перед сном, а здесь сказок никто не читал. Дни проходили однообразно, и вскоре она загрустила – ей не хватало свободы. Целый день проводить в огороженном пространстве. Нет, её вольнолюбивый нрав этого не принимал. Подружки, тоже скучавшие по Люськиным выдумкам и весёлым играм, пришли к садиковской ограде, у которой стояла грустная Люська. Поболтав немного с ними, она решилась нарушить запрет.

На дворе весна, тает снег. Оголились на болотах кочки. Люську зовёт лес. Какой тут садик! Девчонка открыла калитку и вышла за ограду.

В течение недели во время прогулки Люська регулярно сбегала с подружками, а вечером возвращалась домой как будто из садика. Но это скоро открылось. Родителям пожаловалась заведующая. Люське, конечно, как всегда, влетело от отца. На следующий день утром, как обычно, она отправилась в садик, но по пути решила заглянуть на свою лужайку, проверить, сошёл ли снег и можно ли начать играть в лапту. А потому опоздала. Стол был уже накрыт. На завтрак была

манная каша и вкусное печенье, которое испекла повариха. Воспитательница строго встретила Люську:

– Что, явилась? Ну, садись.

Нянечка принесла и поставила перед Люськой стакан чая и два куска чёрного хлеба. Воспитательница назидательно произнесла:

– За то, что опоздала, мы тебя наказываем. Печенье не получишь.

Люська сидела молча, опустив голову, ничего не видя перед собой. Слёзы обиды душили её и катились по щекам и подбородку, капая на стол. Все поели и ушли, Люська оставалась за столом с чаем и хлебом, к которым не притронулась.

– Вставай, освобождай стол, – отрезала воспитательница.

Ну уж это было слишком. Люська молча поднялась, оделась и ушла.

Больше она в детском саду не появилась, и напрасно родители пытались её уговорить. Ещё два дня по утрам выходила из дома, пряталась в лесу на весь день, а вечером возвращалась. А когда отец узнал от ребятишек, как её наказали, он категорично заявил:

– Мы дочь на сохранение отдали, чтобы за ней присматривали, а они ей характер портят. Делать там нечего. Пусть дома сидит. Осенью уже в школу пойдёт. Глядишь, и остепенится.

Ай няврэм хот

(шурышкарский диалект)

Вура йӈхэм вэрэӆ юпийэн ащийэн Люська ай няврэм хота хäншса. Щи хотэн няврэм ар ус, äӈки туп-туп куща нэӈэӆ артаӆэсӆы эвэӆ садика уты. Оӆӈа Люська йма садика йӈхэс. Аӆэӈ нӧх киӆэс, мэт оӆэӈ садика ёхтыӆыийис, ов сэӈкэс. Тäм аӆэӈ щосэн щита туп ӆэтӧт кавэрты ими уӆӆыйэс. Ӆӯв ов пӯшэӆ па эви ӆыпия эсэӆэӆ. Эви ӧх машинкайэн ёнтэс, щи машинка няврэмэт урӈа пиӆорама хӧща Суӆӆа ики вэрэс. Суӆӆа ики Финӆяндия мӯв эӆты тый китса, щишэн финн ики тäм мӯвэн ус па рупитэс. Машинка садикэн няврэмэтэн арэтман тäйса, иса хоӆ ӆäӈхасэт щи машинкайэн ётты, хоӆӆэман ёш эӆты нӧх мэнэмэсэӆ. Йна уӆты ун машина нэмхӧят нэмӧӆты пӧрайэн няврэм

элты ӓнт вантӓс. Люська уча рома омсӓс. Лӱв алӓӊ сӓхат ёхӓтман, щи машинкайӓн ёнтӓс.

Садика ар тӓлпи няврӓмӓт ӓӊхсӓт – эсӓм шӓпты няврӓмӓт унты па школая ӓктӓщты няврӓмӓт унты. Иса хол кӓт хот йитан тӓкнӓптӓсӓт. Аӊкилал алӓӊ сӓхат унты па етна пӧрая йиты унты рыбозаводӓн муйпа колхозӓн рупитсӓт. Няврӓмӓт уча ёлӓн хӓйты ӓт рӓхӓс, щишӓн иса хол тӓлӓӊ хӓтӓл садикӓн ёнтсӓт муйпа камӓн площадкайӓн шушилысӓт. Люська айӓнайӓн мӓрӓма йиты питӓс. Ёнтӧт садикӓн шимӓл ус, ёлӓн Люська хӧща ар ёнӧт ус, акань кроватка, акань шифоньер зеркало пилӓн. Па ар киника хӧрасӓӊ хӧр пилӓн. Мӓт умща тӓйсӓлы Пушкин «Моньщӓт». Щи моньщӓт аӊкийӓн лӱвӓла ӧлты елпийӓн лӱӊӓтса, садикӓн нӓмхӧят лывӓла моньщӓт ӓт лӱӊтӓс. Кашӓӊ хӓтӓл и хӧрпи ус, щишӓн Люська мӓрӓмӓӊа йис. Лӱвӓла ульня улӓпса мосӓс. Пил нӓӊлал па садик пӱшаса ёхтылысӓт па лойсӓт Люська пилӓн пӧтӓртман. Ипӱш, щиты пӧтӓртман лойман, лӱв нӧмӓс вӓрӓс садик элты хонтаты...

Камӓн тови ёхтӓс, лоньщ лӧлас. Мӱв пайӓт питыя ныты питсайӓт. Унт элты Люська шушилӓты вохӓс. Муя мосты садик! Эви пушас ов пӓлки пӱншсӓлы па... ким щи этмӓс.

Неделя хӱват Люська кашӓӊ хӓтӓл пил нӓӊлал пилӓн садик элты хонтатлыйӓс, етӓн ёхи ёхӓтлийӓс мӓтты ки садик элты. Туп щи вӓр ешаул нӧх этӓс. Садик куща нӓ аӊкӓл-ащела полӓщ тус. Люська ащелӓн такан лявӓтса. Па хӓтӓл лӱв ищи садика мӓнӓс, туп юш хӱват нумӓс вӓрӓс лӱв хӓня тӓхайӓла, ваншӓӊ хӓр лота кӓрамтты, вантӓмӓты, лоньщ лолӓс щита муй ӓнтӓм, рӓхӓл муй ӓнта лаптая ёнтты. Щи вӓр вӓрмал кӓмӓн, садика ёхи хӓщӓс.

Няврӓмӓт пӓсан тумпийӓн омӓссӓт, манный каша па печенье лӓсӓт. Няврӓм лавӓлты нӓ так сӓмӓӊ Люська пӓла вантӓмтӓс:

– Муй, ёхӓтсӓн? Пӓсан пунла омса.

Нётты ими Люськая шай тус па питы нянь кӓт пӱлые. Няврӓмӓт лавӓлты нӓ утӓлтӓман ястас:

– Наӊ ёхи хӓщсӓн, мӱӊ нӓӊӓн хишлӱв. Печенья ӓт мущатлӓн.

Люська машьяя омсӓс, охӓл ил эсӓлсӓлы, нӓмӧлты ӓт шиялӓс лӱв елпӓлӓн. Сӓм йиӊклал ил ракӓнсӓт вӓнш пуӊлӓл хӱват, пӓсана посысӓт. Хол лӓсӓт па нӧх лойсӓт, ётты мӓнтсӓт, Люська уча пӓсан пӱӊӓлӓн хӓщӓс.

– Нӧх лоя, пӓсанӓн эслы, – няврӓм лавӓлты нӓ ястӓс.

Щит мэт атэм Люська кэшая ус. Люська мäшьяя нӧх дойэс, думэтдийэс па ким этэс.

Ин пӧра эдты дӯв садика äнт па яӈхидыйэс, нартама аӈкэд-ащед дӯвэд пойэкщасэд. Хӧдна кäт хäтэд кэмэн дӯв мäтты ки садика мäныдыйэс, туп унта кашэӈ хäтэд хäнятман янхэс, етэн ёхи ёхтыдыйс. Хун ащи няврэмэт эдты хӧдас, хӧты эвэд садикэн хишса, дӯв ястэс:

– Эвэм садика тусэм, дудэн юпэдэн яма ат вантсэт, дыв па дявэтман омэсдэт. Ёдэн äт омэсэд. Сусэн школая мäнты пӧра ёхэтэд. Рома йид.

Няврэм сатик

(берёзовский диалект (тегинский говор))

Ащед партэм щирэн Лющка няврэм сатика тутдэты питса. Щäта няврэм ар вус, вӯрайэн äӈкэд куща нэ пойэкщэсдэ дӯв эвэд щий вӯты. Олӈэдэн Лющка яма щий яӈхэс. Адэӈ сырия нӧх кидэд, лäп тухрэм ова щи сэӈкащэд. Щи пӧрайэн щäта вус туп дэтӧт вэрты ими. Ин ими эвие эсэд, ёхды хун китты. Эвие ӧх эдты вэрэм машина пида ёнтэс. Щи машина няврэмэт пäта финн ики Сулла пиллорамма хӧща. Няврэмэт худыева щи машинайэн ёнтты дäӈхасэт, машинайэт нэмхунтты äнт вантсэт. Лющка тäм ортэтсая äнт пидтэпщийэс. Дӯв адэӈ ёнтты алэмэс няврэмэт юхэтты вунты.

Арсäр няврэмэт сатика тутдисыйэт: одвӯш эдты хут-дапэт вунты, туп кäт хот йит тäйсэт. Äӈкидад хӯд савотэн па кулхосэн рэпитсэт адэӈвӯш эдты етэн вунты. Няврэмэт тäдаӈ хатэд сатикэн щи тäйдайэт. Еша вус, Лющка сатика яӈхты кашды питэс. Ёнтӧт сатикэн шимэд, няврэмэта äнт тäрмэд. Ёдэн дӯв ар ёнтӧт тäйэд, пӯдяӈ акань нури äшкапэдпа вэнш вантвӧхэд пида. Щи киньща ар хурамэӈ нэпэк. Мэт сäмэӈа Лющка тäйсэдэ Пушкин «Моньщэт». Äӈкэдэн щи нэпэкэт дӯвэд дӯӈэтсайэт. Сатикэн моньщ äнт па моньщийэдса. Еша вус Лющка шумаля йиты питэс, дӯв сäхтэда вудты мäр тäта äнтум. Тäдаӈ хäтэд шушидэты мосэд ощ дыпийэн. Тäта вудты щирэдиса äнту. Мäрэмэм дуйэӈдад сатик ощ пӯӈда ёхэтдэт па вантдэд Лющка шумаля дойэд пушас пуӈэдэн. Еша пӧтрэмэс дыв пидэда, дӯв нӧмэс вэрэс вӯра вэрты.

Товия йис, доньщ дудас. Нёрәм хөща хөмәс пайәт әлпа питсәт. Лющка вунтән вохда. Муй тӑм сатик! Эвие ощ ов пәлки пӯншәс па пушас кимпия этәс.

Тӑдаӊ дапәт дуйәӊдад пида хунтыйәс сатик әлты, етән ёхтыйәс мәт ищи сатик әлты. Еша вус ӑӊкәда сатик куща ястәс щи оләӊән, Лющка ёлән дявәтәсы. Па хӑтда йис, адәӊ сыри иты сатика мӑнәс, туп нөмәс вәрәс вантты ӑма тӑйты лотыед, өша вәрты, дудас пәды доньщ, рӑхәд пәды лӑптайән ёнтты, щирән ӑнт алэмәс мосты артән ёхәтты.

Дэты пӑсан дәщитәм. Адәӊ дэтыя каша па эпдәӊ дэтөт вәрты ими вәрәм мав нянь. Няврэмәт пида рупитты нэ ястәс:

– Хөты, ёхәтсән? Я, омса.

Лющка шайән кӑт питы нянь пӯлән тусы. Няврэмәт пида рупитты нэ ястәс:

– Ёхи хӑщмэн пӑты, мав нянӧн ӑнт мӑдэв.

Лющка хусдыева омәсәд, өхәд идәсәдман, нэмөдты ӑнт ныда дӯв елпәдән. Сэм йиӊкдад вэнш пӯӊәддад хөдисәт. Няврэмәт дәсәт па пӑсан әлты нөх дойсәт. Лющка атәдт хӑщәс пӑсанән омәсты шайәдпа нянӧд пида.

– Нөх доя, пӑсан мөдсатэ, – няврэмәт пида рупитты нэ ястәс.

Я, щит па вун вэр. Лющка сыйды нөх дойәс, думәтдәс па мӑнәс.

Щи вӯш әлты дӯв сатика ӑнт ёхтыйәс. Нӑртамдыев ащед-ӑӊкәдән пойәкщәсы. Кӑт хӑтәд мӑр адәӊ хот әлты ким этдәс, вунтән хӑтәд хӯват шушидәс, етән ёхи ёхтыдәс. Ащед өша вәрмад ӯпийән ястәс:

– Мӯӊәвәв шавиты щив хӑйийәдсэв, дыв шӑкәдты нөмәс вәрсәт. Хөты вәрты, ёлән ат омәсәд. Сӯсән ӑшколая мӑнәд. Вантдәв, мосәӊ, тӯӊәмдәд.

Неврем қот

(сургутский диалект)

Әй датнә Люська ачи ястәх:

– Люська неврем қота мәди.

Неврем қотнә омәстә-вӑдтә тоҳи әнтэм вөд, төмпия ар неврем төҳнам йӑӊқидәх.

Люська аӈки өҳныӈнат ньӑвмәм пырнә, Люська неврем ӷота вәйи.

Сарпинә Люська мустәмин тӗҳә йӑӈкиләҳ. Йоҳ илпинә ӷӯв йӗвәтӷ, аләӈ-аләӈ, панә атыӷнам машинканат йӑнтҳаӷ. Неврем ӷотнә төппә әй машинка вӗӷ. Мөӷәт йӑнтәҳта питыӷ ӷатнә, Люська тӗвнам ӑӷә ӷәйәӷ – ӷӯв аләӈ мустәмин йӑнтәҳ. Өс машинка пәтан невремәт нюӷа туләмӷәт. Сӯй тарәм. Вәӷә невремәт әй ӷот лөӈинә йӑнтәҳӷәт. Ӷӑтәӷ мӑрә әйнам нюӷа йӑӷсаӷтәӷәт, нюӷа питӷәт.

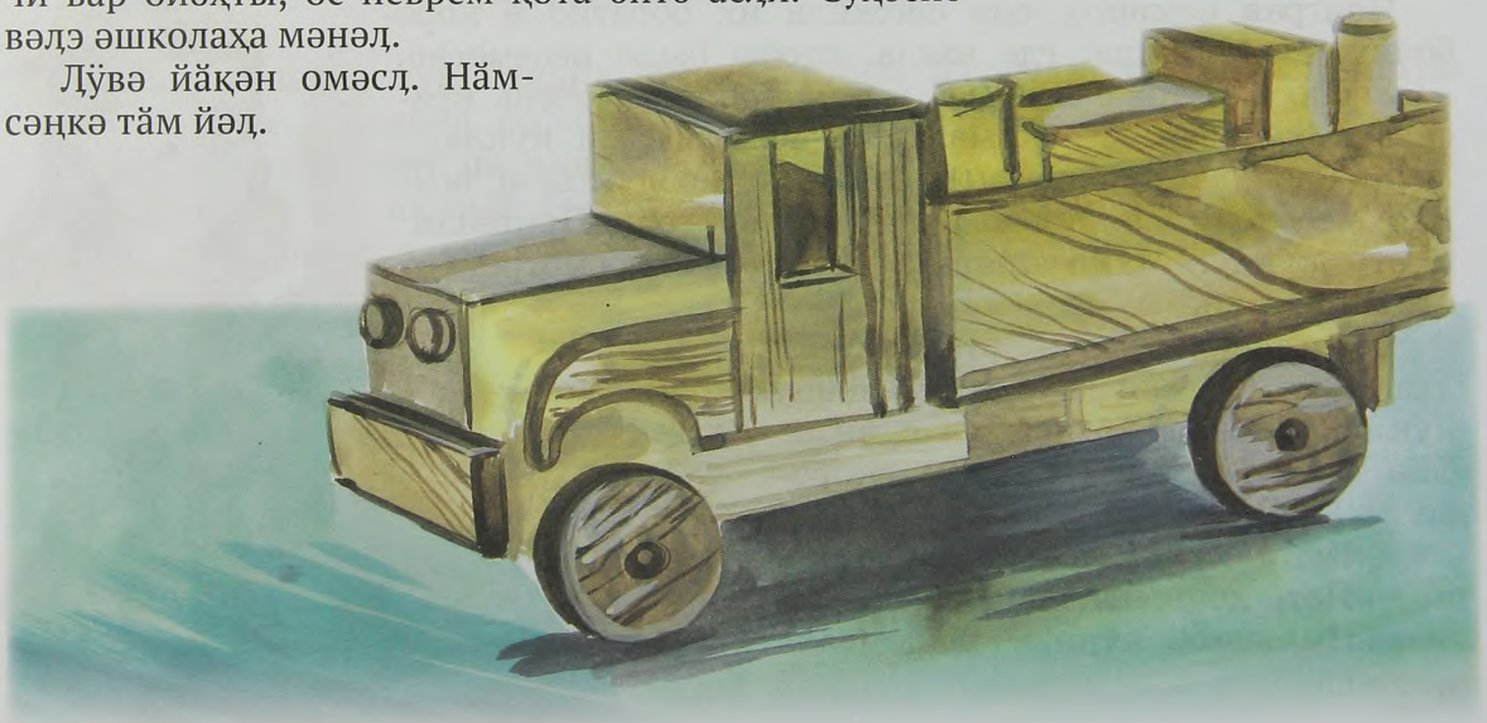
Аӈкиӷаӷ ньӑмрәҳ ӷӑтәӷ мӑрә ропитӷәӷәт. Ӈевремәт төппә иттән нӗӷ вәӷат.

Чи вӑр әй ӷатнә Люськаҳа йӑӷсәӈкә пит. Неврем ӷотнә йӑнтәҳте ӗт ӷымәӷ, өс Люська йӑӷән ар ӗт тӗй. Кәникаҳәт пә йӑӷән тӗй, иттән аӈкиӷнә виӷәпә ӷӗӈәтӷи. Невремәт ӷот илпинә Люська виӷәпә кемән ӷөвәтӷәҳ. Әй ӷатнә чи әви неврем ӷоты ӷӗнт. Кемән чу ӷӑтәӷ утьҳәӷ вӗӷ. Иттән йӑӷә йӗвәт, әӷәмәта неврем ӷоты йӗвәт. Чу ӷӗнттә вӑрәӷ өҳныӈнә ӗяҳты. Панә ачиҳәӷа-аӈкиҳәӷа ясты. Па аӷәӈ өс неврем ӷотнам мән, лэк кӯтнә илә йӑӈтәпәҳ. Ӷөвәтӷәҳ, ӷөвәтӷәҳ, неврем ӷота йӗвәтмаӷа, пыра пит. Йӗвәтмаӷа, невремәт ӷивмин умсәт.

Өҳнәнә нӗӷ ӷевәтәӷты. Панә төппә шаят панә пәҳтә нянят мәйи, пыра питмаӷ пәтан. Люська сӯйӷәҳ умәс, төппә сӑмйәӈкәӷ пәсан ӗвтыя пусәҳ. Чу шай панә нянь пул әнтә пә ӷиккәӷ. Сӯйӷәҳ-кәйӷәҳ Люська нӗӷ ӷюӷь, вӑрәксәҳ панә йӑӷәнам мән. Өс пә неврем ӷота әнтә йӗвтыӷәҳ.

Кат аӷәӈкән ыӷә ӷӑняҳтәмин вӗӷ, төппә иттән йӑӷә йӗвтыӷәҳ. Әйоӈӈәӷнә чи вӑр ӗйәҳты, өс неврем ӷота әнтә әсӷи. Сӯҳәснә вәӷә әшколаҳа мәнәӷ.

Ӷӯвә йӑӷән омәсӷ. Нӑмсәӈкә тӑм йәӷ.



Кукла

Люська дождалась, когда Галька ушла в школу, и приступила к поиску заветной коробочки. В ней сестра прятала своих маленьких куколок.

Детских игрушек, а особенно кукол, в те годы было мало. Поэтому старшие девчонки шили себе маленьких тряпичных куколок. Разрисовывали им лица цветными карандашами, пришивали волосы из шерстяных ниток и одевали в разные платья, которые тоже сами шили из кусочков ткани.

У каждой подружки была своя обклеенная картинками коробочка, в которую их складывали. Вот такую и искала Люська. Она нашлась на дне сундука, стоящего в комнате.

Люська стала брать куклы тайком оттого, что сестра всегда ставила условие: если разрешала ими поиграть, то нужно было выполнить всё, что Гальке наказывала мама. Помыть пол, сделать уборку в доме, почистить снег у крыльца. Даже мама не подозревала, что это работа младшенькой, и хвалила Галину. Люське, конечно, было обидно, но она молчала: иначе нарушался словесный договор с сестрой.

Поиграв немного, она сложила их обратно в коробочку и поставила, где взяла, чтобы было незаметно.

У Люськи тоже имелась в собственности очень красивая, большая, с закрывающимися глазами кукла.

Каждое лето в деревню завозили продукты и всякие необходимые товары на целый год. Привезли и эту куклу. Мама пришла в магазин посмотреть, что привезли.

Деревенские девчонки уже стояли у прилавка и глазели на выставленную куклу. Люська тоже была с ними. Она взяла маму за руку и попросила:

– Купи куклу.

– Нет, дочь, очень дорого.

– Ну, мама, купи! – настаивала девочка.

Диалог между дочерью и матерью продолжался, постепенно переходя в спор.

– Купи. Хочу, – упрямилась Люська.– Хочу, хочу куклу, – требовала она, топая ногами.

Рёв её стоял у всех покупателей в ушах. Продавец не выдержал и сунул куклу девчонке в руки, та в гневе не поняла, что дали, швырнула её на пол. Раздался звук разбитой тарелки. Это фарфоровая нога куклы обломилась по колено, и осколки разлетелись в стороны. Стало тихо, и только слышались всхлипывания настырной Люськи.

Мать молча подняла с пола куклу, взяла за руку заревевшую дочь, наконец понявшую, что она натворила, и вышла из магазина.

С тех пор прошло около двух лет, но безногая кукла оставалась любимой и неповторимой. И каждый раз, когда Люська вспоминала, как кукла досталась ей, жгучий стыд разливался по щекам...

Акань

(шурышкарский диалект)

Люська ԁавԁәс, хун Галька школая мӑнәс па умща хӧшапәԁ кӑншты питсәԁы. Щи хӧшапән ӧпәԁ ай аканьԁаԁ тӑйсәԁы.

Няврэм ёнтӧт, мэт па акань, щи пӧрайән ӑнтум ус. Щишән ун эвэт щӑшкан әԁты ай аканӘт ёнтсәт. Акань вэнш арсыр оԁӘпән нэрсәԁаԁ, ох сӧх кӯԁ сӧхәм әԁты ёнтсәт па арсыр хӧрасәӊ ернас ԁывәԁа ёнтсәт па ԁумәтсәт.

Кашәӊ пиԁнэ ԁӯвәԁ кэша умща вэрәм хошап тӑйәс, хӧԁта аканӘт хӑнятсайԁаԁ. Тӑмәщ хошап Люська щи кӑншәс. Сундук пӑтыйән уйтәс.

Люська хӑняя аканԁӘԁ, уйԁыйәс щи урӊа, муй опәԁ иса пӧтәртәс: аканӘн ётты ки ԁӑӊхаԁайән, вэра щит, муй ӑӊкэм мӑнэма партәԁ. Хотхӑр ԁёхитты, хот сыстама вэрты, ԁоньщ нӧх хирты хот ов пӯннәԁән. Аӊки ӑт па мӧштәс, муй ун эвәԁ рупата ай эвәԁән иса вэрса, па Галина иса ишәксәԁы. Люськая щит шук ус, туп ԁӯв мӑшьяя омсәс: щишән ки мийәм ясӊәԁ ӧпәԁ ёхԁы уԁԁы.

Еша ёнтман, ӆӯв аканӆӘӆ ёхӆы хошапа пӧнсӘӆы па сундук илпия па мӘтшӘсӆы, ӆӆӆӘн опӘӆ нӘмӧӆты ӓт шияӆӘс.

Люська тӓйӘс ун хӧрасӘӊ, сӘмӆаӆ ӆӓп пӘнтӘсты акань...

КашӘӊ ӆӯӊ курт ӆапкая арсыр пӧрмӘс па ӆӘтӧт тутӆиса. Тӓм акань щи пӧрайӘн щи туса. Ӓӊкиӆапкая мӓнӘс вантты муй ӯм пӧрмӘс туса.

Курт эвӘт ӆапкайӘн ӆойсӘт па этӘӆтӘм ун кукӆа ещаӆт ун сӘмӘн вантсӘт. Люська ищи ӆыв пиӆӘӆӘн ус. Ӆӯв ӓӊкӘӆ ёш пӓты Әӆтӆы усӆы па вохты питӘс:

– Акань ӆута.

– Ӓнта, эвие, шӘӊк тынӘӊ.

– Ӆуты, ома, ӆуты! – вохӘс эвӘӆ.

Аӊки эвӘӆ пиӆӘн ешауӆ ӆявӘтты щи кӘрӆӘс.

– Ӆуты. ӅӓӊхаӆайӘм! – вӯра вӘрӘс Люська. – ӅӓӊхаӆайӘм, ӆӓӊхаӆайӘм акань! – вохӘс ӆӯв, кӯр пурӘтман.

ХоӆӆӘпсайӘӆ иса хӧят пӓӆ хӧща ӆойӘс. ТынӘсты хӧят ӓт вӘритӘс па щи акань эви ёша ӆукӘмӘсӆы. Эви ӆыкащман па хоӆӆӘман ӓт па шияӆӘс, муйӘн ёша ӆукӘмӘса, усӆы па щи акань хотхӓра ущкӘмисӆы. Сый сыящӘс, мӧӆты ентаӊ шай ан пӯш иӆ рӓкнӘс. Щит акань кӯрӘӆ ӆакки шӯкаӆӘс. Иса шитама йис, туп Люська шитам хоӆӆӘп сыящӆӘс.

АӊкӘӆ мӓшьяя акань нӧх аӆӘмсӘӆы, хоӆӆӘты эвӘӆ ёш пӓты сӓхат усӆы па ӆапка Әӆтӆы ким этсаӊӘн. Люська вӘӆьщи ӧша пайӘтсӘӆы, муй ӆӯв вӘрӘс.

Щи хӓтӘӆ Әӆтӆы кӓт тӓӆ кӘмӘн мӓнӘс, туп и кӯр акань Люська урӊа мӘт мосӘӊ, мӘт тюпӘӊ ус. КашӘӊ пӯш, хун Люська нумӘӆмийӘс, хӧты ӆӯв акань вохӘс ӆапкайӘн, ун еӆӘман ёхтыӆыса.

Пӓӊи

(сургутский диалект)

Люська мӓрӘ ӆаҳӆантӘҳ, ӊунтӘ Галя ӧпиӆ ӘшколаҳӘ мӘнӘӆ. Ӧпиӆ тӧппӘ пӓнтӘмтӘҳ, ӆув панпӘ йӘӊӘӆ кӘнчча раӊипӘҳ. Ӧпиӆ тӧт пӓӊит ӊевексӘмин тӧй. ЙӓнтӘҳтӘ ӧт чу нӧпӘтнӘ ӊымӘӆ вӧӆ. ӘнӘӆпи ӓвит ӆӘҳнам пӓӊи юнтӘт. Ар ӊӧрас

суҳмәты пӑқита қӑнчи юнтәт. Чу нӗпәтнә каҫӑҥ ӑви ҙӳвнам йәҥәл тӗй, чу йәҥәлнәар пәкәт пӑқи вӗл.

Люська мӳвәли кәнҫ, чут ӗяҳтәҳ. Өпилнә әнтә вутал пәтан, ҙӳв пӑқит ҙылҳә вәйлал. Ченә воҳәнтәл ҫунтә, өпилнә виҫә вӑр вӑрта партли. Ҫот пӑлә ҙьӗвитәта, кемӑн ҙоньч ҫынта. Чут пырнә тӗппә пӑқит йонтта мӑл. Аҥкил нӗмӑҫсӑл, чит Галя каҫӑҥ вӑр вӑрӑл. Панә аҥкинә әнӑл ӑвил килтылӑтӑҳ. Айпи ӑвил ченә ҫычӑл.

Люська сӳйлӑҳ вӑлӑл, тӑм пар өпилнә пӑқият өс әнтә мӑли. Өпил әнтӑм Кеми ҙӳв мустӑмин йӑнтҳал. Чут пырнә пӑқит пӑрҳи пӑнлӑлал.

Люська ҙӳвнам әчә сиккӑҥ пӑқи тӗй. Чу пӑқи аҥкилнә тӗккаҳә ҙӳваты вәйи. Чи вӑрӑта нӗмӑҫсӑталнә, ҙӳваты илӑм.

Әй ҙатнә ҙитӗт лопкаҳа туви, йӑнтӑҳтӑ ӗт әчә. Люська пӑқи ӗйӑҳтӑмал ҙатнә, воҳәнтәта раҥипӑҳ. Чуким йис, иҫӑк пӑркашникнә сорҳа пӑқият ҫӳҫми. Ҙӳвнә, вулӑҳ-ҫӗлӑҳ, илнам йӑвты. Пӑқи кӳрӑл мӗримтӑҳ.

Сӑмҳӑл пунҫмал ҙатнә, чут кимӑн пӑқи вӗл. Өс ҫӗты йӑта, аҥкилнә ченә пӑ чи вәйи, чу пӑқи. Панә лопкаҳи кемӑ кирӑҳлӑккӑн.

Кат олҳӑн чу ҙаты мӑн. Кӳрлӑҳ пӑқи Люськанӑ йемат ҙӑҥқли. Тӗппӑ ҙӳваты йӑмат илӑм.

Заговор зубов

У Люськи заболели зубы. И чего только не применяли: полоскали травами, делали компресс, клали лекарство, – но этих средств хватало ненадолго. Проходили день-два, и зубы опять начинали ныть. Наконец, отцовское сердце не выдержало, и он не то приказывая, не то прося сказал:

– Да вырви ты ей, Прасковья, эти зубы, они же молочные, легко пойдут.

– Я же зубы не рву, да и не дастся она мне, если только привязать к стулу. А так рот не откроет или вовсе укусит.

Отец решительно взял кривые зубные щипцы и со словами: «Ну, тогда я сам, не велика наука» подошёл к Люське.

При виде щипцов её как ветром сдуло.

Выбежав на улицу, в одну минуту девчонка забралась на крышу дома по высокой лестнице и столкнула её. Родители выбежали следом, а Люська уже сидела на заснеженной крыше в одном платье и босиком, победоносно глядя на них сверху.

– Ну вот, вырвал зуб, – сокрушался отец.

– Слазь немедленно, упадёшь, тебе говорят!

– А рвать зуб не будешь?

– Не буду.

– Ну тогда ставь лестницу, слезу.

После этого неудавшегося средства оставалось только одно – идти к Клавдии Васильевне зубы заговаривать.

Тётя Клава лечила травами, заговорами, хотя работала заведующей школьным интернатом.

Люська, преодолев страх перед этим загадочным словом «заговор», собралась и пошла к Лидке. Войдя в избу, поздоровалась и тихонечко, что не походило на Люську, села на лавку возле входной двери. Лидка, видя невесёлую подружку, спросила с сочувствием:

– Что, всё болит?

– Болит, – с грустью ответила та.

– Мама, иди, Люська пришла зубы заговаривать.

Клавдия Васильевна вышла из кухни и сказала:

– Сейчас нельзя. Надо на молодую луну. Как будет новолуние, так и приходи.

– А когда?

– Да теперь уже скоро. Чтобы отличить старую от молодой, проведи мысленно палочку, если получится буква «рэ», значит молодая, а если «рэ» наоборот – значит старая, убывающая. Поняла?

– Поняла.

Для любопытной Люськи это было новостью, она даже забыла про зубы. Весь остаток дня девчонка ждала наступления ночи, чтобы луну посмотреть. И, как только появился тоненький месяц, Люська стала мысленно проводить палочку. Получилось «рэ» наоборот. Она вздохнула огорчённо и приготовилась ждать «ещё немножко», как сказала тётя Клава.

Зародилась новая луна, а Люська точно знала, что новая, она проверила, мысленно проведя палочку, и получилась правильная буква «рэ», прибежала к тёте Клаве.

Та посадила её на стул и стала что-то шептать, а закончив, сказала:

– Приди ко мне ещё два раза – как стемнеет и хорошо будет видно месяц.

Через два дня, закончив «лечение», тётя Клава дала Люське бумажку с записанным на ней заговором.

– Я тебя тоже научу, будешь сама себе зубы заговаривать, а если не запомнишь сразу, то с Лидкой выучишь, она знает. А теперь слушай: Батюшка месяц, сидишь высоко, видишь далеко. Всех видишь, живых и мёртвых, как у покойника зубы не болят, дёсны не ноют, так и у рабы божьей Людмилы зубы не болят, дёсна не ноют. Аминь три раза.

Люську так измучили зубы, что казалось, хуже ничего нет, и даже этот заговор с покойником не казался таким страшным.

Стоя одна на улице и подняв голову к небу, Люська с большой верой, старательно повторяла слова. И ей казалось, что она растворяется в этом звёздном небе, окутанная со всех сторон тёмной ночью.

На какое-то время боль отступила. Не то заговор помог, не то мамины лекарства.

Жалея дочку и гладя её по голове, отец успокаивал:

– Ты, дочь, потерпи. Первым пароходом поедем с тобой в райцентр,

там врач есть, который зубы без боли рвёт. Он тебе больные вырвет, а вырастут снова здоровые.

Заинтересованная поездкой в Ларьяк, о которой она давно мечтала, Люська стала ждать ледохода. А ждать осталось немного – на улице таял снег, и на речке уже проступила наледь. Весна стучалась в ворота.

Пэӈк кӑши дӑп пӧтэртты вэр

(шурышкарский диалект)

Люська пэӈклад кӑшия йисэт. Муй туп ӑт вэрсэт: деккар тӧрэн эдты йинк кавэртсэт, пӧртунэн пӧнсэт, йиӈки сӧх кӑши тӑхая пӧнсэт, нэмӧдты ӧнтас ӑт тус. Кӑт хӑтэд мӑнэс, па пэӈклад кӑшия йиты питдэт. Ащи сам ӑт вэритэс щит пэда вантты, ипӯш ястэс:

– Прасковья, пэӈклад нӧх мӑншадэн, дыв хӧдна няврэм пэӈкэт, кэн питэд мӑнштыя.

– Ма пэӈк мӑнштыя ӑт хошдэм, па хӧдна дӯвэд муй щирэн кӑтэдты, пӑсана муй ярты... Па ӯндэд нӧх ӑт пӯншдэды, муйпа пӧрэмэдды мӑнэм.

Ащед ювра пэӈк талты карты ёш ӯс па ястэс: «Ӑнта ки ма талдэддам, муй хошты мосэд», – па Люська пэда кэрдэс.

Пэӈк талты карты ёш шиядэман, Люська мӧдты вотэн пӧдэтса.

Ким хухэдмэман, эвие ищи кумэт хот доӈда нӧх хуӈхэдмэс кӑрэщ хонтэп хӯват па хонтэпэд ид пӧткэсды. Аӈки-ащед дӯв ӯпэдэн ким хухэдмэман вантдэт, Люська нумэн и ернасэн па няр кӯрэн доньщи тӑхайэн омэсэд па нумэдта ид вантэд.

– Щи, пэӈкэд щи талсэм, – ащи пӧтэртэс.

– Ид ӧхда, ид щи питдэн. Муй наӈэна пӧтэртдӯв?

– Пеӈкэм мэнэмты ӑнт питдэн?

– Ӑт питдэм.

– Щишэн хонтэпэн нӧх доньщтэдты, ид ӧхэддэм.

Щи вэр ӯпийэн хӑщэс туп и вэр: Клавдия Васильевна хӧща мӑнты па пэӈк дӑп пӧтэртты.

Клава ими деккар тӧрӘн ӘмӘдтӘс па шӘпан яснӘт пӧтӘртӘс, хӧдна дӢв утӘдтӘты няврӘм интернатӘн куща нӘӊа рупитӘс.

Люська, палтапӘд ед вӧшитман, айӘдта ӓктӘщӘс па Лидка хӧща мӓнӘс. Хота дӧӊман, уща вӘрӘс па айӘдтая пӓсана омсӘс. Лидка шук пиднэнӘд пӘда вантман, иньщмийӘс:

– Муй, иса кӓши?

– Кӓши, – шумадя дӢв ястӘс.

– Ома, ӱва, Люська ёхтӘс пӘӊкдад пӧтӘртыя. – Лидка ӓӊкӘд вохсӘды.

Клавдия Васильевна кухня Әдты ким этӘс па ястӘс:

– Ин тӓм пӧрайӘн ӓт рӓхӘд шӘпты. Хун энӘмты тыдӘщ питӘд, щи пӧрайӘн ёхта.

– Хун щит питӘд?

– Ин сора. ДудӘн кӓтра тыдӘщ ӘдӘп тыдӘщ Әдты кашащты, нӧмӘсӘн тыдӘщ пӢӊӘдӘн тӢӊ щӢртӘп щӢрӘтты мосӘд. «Р» буква ки тыйӘд, щишӘн нӧви тыдӘщ уд, пӓрта пӘдка «Р» буква ки вантӘд, щит кӓтра тыдӘщ. Оша пӧнсӘн?

– ПӧнсӘм.

Иса муй шиядӘты Люська унты тӓм пӧтӘр ӘМ ай кӘда ус, дӢв пӘӊкдад Әдты иса ёрӘмӘсды. ХӓщӘм хӓтдад Әвие шӘӊк давдӘс, хун пӓтдам ӓта йид па вантты, муйсыр тыдӘщ ӘтӘд. Хун ващ тыдщие ӘтмӘс, Люська щӢртӘп нӧмасӘн щӢрӘтты питӘс и тыдӘщ одӘӊ Әдты па тыдӘщ одӘӊа. Пӓрта пӘдӘк «Р» буква питӘс. ДӢв шумадя дадӘмтӘс па «еша па шимӘдшӘк» давӘдты питӘс, хӧты Клава ими ястӘс.

ӘдӘп тыдӘщ сӘма питӘс, Люська ӘнА уйтӘс, муй ӘдӘп, дӢв па щи нӧмасӘн щӢртӘп щӢртӘс, иса шӧма тӢӊ «Р» буква ӘтӘс. ДӢв Клава ими хӧща хухӘдман мӓнӘс.

ТӧмӘн дӢвӘд пӓсана омӘӘссӘды па мӧдты питӘс шӘпты. ЕтшӘман, ястӘс:

– Ёхта ма хӧщема хӧдна кӓт пӢш, хун пӓтдама йид па тыдӘщ ӘМА ныты питда.

Кӓт хӓтӘд пӢш, ӘМащты щир етшӘман, Клава ими Люськая нӘпӘк мӓс хӓншӘм яснӘт пидӘн.

– Ма нӓӊӘн ищи утӘдтӘдӘм шӘпан яснӘт пӧтӘртты, питдӘн пӘӊк кӓши ӘМӘдты. Нӧх ӓт вӘритдӘн ки утӘдтӘты, Лидка пидӘн утӘддӘн, дӢв уйӘтдӘды. Ин па худӘнта: ТыдӘщ ащие, кӓрщат омӘсдӘн, хӢват

вантлән. Иса хол шияллән, улты өтәт па хәләм отәт, пәрәм хөят пеәклал әт кәшиләт, пәнк нөхилал па әт калиләт, щиты Людмила, Турәм Ащи эви хөща, пәнклал әт кәшитләт па пәнк нөхилал әт калиләт. Аминь – хүләм пүш».

Люська щи кәм пәнклал пилән мушитәс, тәм шәпан ясңәт, хөта пәрәм өт оләңән ясңәт усәт, лүвәл әт па пакнәптәслы.

Уча камән лойман, өхәл турәма нөх алләмман, Люська түна-щира шәпән ясңәт пөтәртәс. Лүвәла кәшитәс, муй лүв хусәң лап лойтәм турәман лакки овәл, пәтлам әтән ёвәртла.

Еша ул, кашәл ел щи мәнәс. Мосәң шәпөң яснәт нётсәт, мосәң аңкәл пөртунәт нётсәт.

Ащи эвәл шалитман, лүвәл өх элты вощхиман, пөтәртәс:

– Еша вәритта. Оләң тутәң хоп ёхтәлән, воша яңхләмән. Щита рупитты пәнк леккар кәши пәнкәт яма ямәлтәл. Атәм пәнкәт нөх мәнәмләлды, ям пәнкәт сора этләт.

Люська ощхуля йис ащел ястәм яснәт элты, лүв шәнк ләнхас Ларьяк воша яңхтыя. Люська еңк мәнты пөра лавәлты питәс, лавәлты еша хәщәс: камән лоньщ сора лолас, ёханән йиңк нөх этәс, тови такан «пушас овия» сәнкас.

Пәнк мүләпсы

(березовский диалект (тегинский говор)

Люща пәнклал кәшитты питсәт. Күш хөты нәрисәт: төрән йиңкән лөвщийлсәл, хошмәлтыйәлсәл, пуртунән пөныйәлсәл. Еша туп роммийәл. Кәтләм хәтәл мәнәл, пәнклал па щи щәриты питләт. Ащел сәм әнт вәритәс, така лөпәс:

– Хөлт мәнмә нәң, Пәрәсковья, щи пәнклал, эсәм шәпәм пәнкәт яма хөпәмәләт.

– Ма пәнк әнт мәнәмләм. Мәнәма хун миянтәл. Мосәң, вулас күра йирты. Үңләл пәлки әнт пүншәл, муй па пөрщантты питәл.

Ащел пәнк талты павәл ёш вүс па эвәла ястәс: «Щирән ма мәнәмләм, муй вун вәр!»

Пэңк талты павәл ёш шувалəмал пӧрайəн ин эви омсəм тäхəл əлты вотəн пӧлəтса.

Ким этмəс, хот лаңла хуңтəп хӱват нӧх наврəс па хуң тэпəл ил нёхтəслə. Äңкəл-ащел ким этмəсңəн, Лющкайəл лоньщəң хот лаңəлəн омсыйəл ернас пӱш па няр кӱрты, лын пəлайəн вантман.

– Я, щи, пэңкəл мэнəмсəм, – ащел ястəс.

– Ил вӧхла, ил рäкəнлəн!

– Пэңкэм мэнəмты äнт питлəн?

– Äнта.

– Щирəн хоңтэпэн лоньщəлтэ, ил вӧхəллəм.

Щи ӧпийəн хӧты вэрты, Клавдия Васильевна хӧщи мäнты па пэңклал мӱлты пäтыя.

Клава имэв тӧрəн йиңкəн, мӱлəпсайəн ямəлтəс, кӱш кэпи интернат кущая.

Лющка пäлтапəл ясəң «мӱлəпса» ел вошитман, Лидкайəл хӧщи мäнəс. Юхи лӧңəс, вӱща вэрəс па айəлтыева омсəс ловащ ухтыя ов пӱңəлəн. Лидка шумаль Лющка шувалəмалəн шалäңа иньщмəслə:

– Муй, иса кäши?

– Кäши, – шумаля ястəс.

– Äңкие, ӧва, Лющка ёхтəс, пэңклал мӱлты.

Клавдия Васильевна ёхтəс па ястəс:

– Ин äнт рäхəл. Энəмты тылəщ пэлы мосəл мэнəмты. Ин äнт рäхəл. Тылəщ тыйты пӧрайəн ёхта.

– Хун ёхəтты?

– Интӧм сора. Ая йиты тылəщ йилəп тылəщ əлты ӧша вэрты мосəл щиты: нӧмсэнэн щӱртəпэн пӧнэ, «р» буква-поски тыйəл, щирəн йилəп. «Р» буква-пос па щира вантəсəл ки, щирəн ая йиты тылəщ. Ӧша вэрсэн?

– Вэрсэм!

Лющкая щит йилəп ай, лӱв пэңклал ёрэмəс. Хäтəл хӱват ата йиты вэрлавлəс тылəщ пэлы вантты пäтыя. Туп ващ тылщие тыйəс, Лющка щӱртэпие пӧнты питəс. «Р» тыйəс па щира. Лӱв елты шэмəс па лавəлты лəщатыйəс.

Йилəп тылəщ тыйəс па Клава имэл хӧщи щи хухəлмəс.

Имэлэн вулас ухты омсэлса па мӧлты вӧшиты питəс. Етшəс па ястəс:

– Па кäт пӱш ма хӧщема ёхтыла пäтлама йиты пӧрайəн па тылщен яма ныты питəл.

Кäт хäтəл мäнəм ӧпийəн Клава ими нэпэк пӱл мäс, хӧта мӱлəпсы хäншман.

Ма ищи вунәлтәләм, нӑӊ па пәӊклан мӳлты питлән. Нумса пӧнты ки ӑнт вәрәтлән, Лидкаен пила вунәлтәлән, лӳв вӳйәтләлә. Интӧм хулӑнта: «Тылӑщ акәм ики, кӑрәщ тӑхийән омәслән, ар тӑхи ныла. Хӧлыева нӑӊэн ныла, лылӑӊ па пӑрәм хӧятәт. Пӑрәм ёх пәӊк па пәӊк нёхи кӑши ӑнт тӑйәл, ищиты Турәм эви Людмила пәӊк па пәӊк нёхи кӑши ӑнт тӑйәл. Аминь. Аминь. Аминь».

Лющка щи мӧрта шук вантәс. Па нәмӧлты мәт атәм вәрӑнтум, па тӑм мӳлӑпсы пӑлтап ӑнт па тӑйәс.

Атәлт камӑн лойман, ӧхӑл нӧхлы шӑшман, Лющка вәра эвәлман мӳлӑпсы ясӊәт ястәс. Лӳв нумәсәс, хусӑӊ турәм пила лылӑс пӑтламат пила.

Ӑм кәм мӑр кӑшӑл вушәс. Мӳлӑпса муй па ӑӊкәм пӧртун нётәс, кӑшӑл шитамәс.

Эвәл шалӑтман, лӳв пәлӑла вантман па ухӑл вощхиман, ащелӑн роммәлсәллә:

– Эвие, еша пӑка. Тӳтӑӊ хопәт ӑӊхты питләт, мӑнлӑмӑн Ларьяк воша, тӧта тохтур вул, лӳв пәӊк кӑшилы мӑншӑл. Лӳв кӑшаӊ пәӊклан нӧх мӑншӑл, йилӑп пәӊкӑн энӑмлайӑн.

Ларьяк воша мӑнты амәтман, Лющка еӊк нопәтты лавәлты питәс. Хӳв лавәлты ӑнт мосӑл: камӑн лоньщ лулаты питәс, юханӑн еӊк питыя йиты питәс, товия вана ёхтәс.

Ледоход

Весна в этом году выдалась ранняя, тёплая. Жители таёжной деревни с нетерпением ожидали ледохода. Прокоптили и просмолили лодки, починили рыболовные снасти. А на рыбозаводе заготовили тару для хранения рыбы. Ночью раздался треск – лёд тронулся. Разбудив Люську, отец весело сказал:

– Вставай, дочь. Ледоход проспишь. Ночью подвижка льда была.

– Ура-а-а, скоро в Ларьяк поедем! – закричала радостно девчонка. Быстро оделась и бегом на речку.

Люська, как заворожённая, смотрела на ледоход. Большие льдины плыли по течению, толкались, цеплялись краями и при этом величаво шумели: «ши-ши-ши». Маленькие льдинки, наскакивая друг на друга, позвякивали: «дзынь-дзынь». И все эти звуки сливались в единую мелодию, создавая весеннюю песню реки Вах, которую хотелось слушать и слушать. А река, как живая, двигалась, извивалась и уходила за поворот, унося на себе потемневший прошлогодний лёд.

Вот к самому краю берега приткнулась большая льдина. Казалось, она на минуточку остановилась передохнуть. Люська быстро запрыгнула на неё, прошлась, дразня мальчишек, стоявших на суше, всем своим видом показывая, что она ничего не боится. Топнув каблуком сапога, отбила кусочек льда, взяла в руки, а он тут же рассыпался на мелкие игольчатые сосульки. По её примеру ребятня тоже принялась откалывать кусочки от льдины. Мальчишки тут же начали ими бросаться, как снежками. Да ещё придумали заталкивать за шиворот всем, кто попадался под руку. Звонкие детские голоса, визг и смех разносились по берегу. Весеннее радостное настроение захватывало всех, кто приходил к реке.

Со вскрытием Ваха однообразная жизнь в деревне оживилась. Началась весновка – большая рыбалка и охота на уток. Но самое волнующее событие с начала навигации было ещё впереди. Это приход первого пассажирского парохода. Его ждали, к его встрече готовились, как к самому большому празднику.

Рыбозавод

На рыбозаводе было три цеха: бондарный – там делали бочки и ящики, разделочный и засольный. Но больше всего привлекал ребятишек ледник. Лёд был нужен для игр и шуток. Засунуть кому-нибудь за шиворот в самую жару или просто охладиться, пососать, как конфетку. Вот за ним-то Люська и пришла. Да и так посмотреть. На рыбозаводе было интересно, и она любила сюда приходить. В засольном цехе стояли большие глубокие деревянные чаны. В них солили рыбу. Один чан оказался пустым, ко дну его спускалась лестница. Люська подошла к краю чана, наклонилась, заглянула вниз. Не утерпела и ухнула: «У-у-у-у-у!». Эхо раздалось громко, на весь цех. В это время зашёл мастер, стуча по полу деревянным костылём – с войны он вернулся без ноги.

– Девки, «врачиха» пришла. Идите все сюда.

Прячась за ящиками, Люська перебежками продвигалась по цеху в надежде остаться незамеченной. Иначе мама отправит домой, а это в Люськины планы не входило.

Но мама уже давно заметила белую дочкину панаму, резко вы-

делявшуюся на фоне тёмной одежды работниц. Подошла, взяла за руку и сказала:

– Пойдём, я тебе крокодила покажу.

– Крокодила, где?

– А вот, смотри...

Мама завела Люську в разделочный цех, там на больших столах ножами разрезали рыбу и готовили её к засолке. А на отдельном столе складывали особо крупную. И среди больших рыбин лежала огромная, действительно похожая на крокодила, щука.

– Вот это да! – произнесла мама.

А мастер подхватил:

– Да и мы удивлены. Знаете, такая не часто встречается. Около двух метров длины! Одна голова чего стоит. И впрямь крокодил. Вся уже мхом обросла. Пришлось рыбакам ей в голову стрелять. Боялись из невода вытаскивать. Вон какие челюсти у неё.

Щука лежала, хищно раскрыв пасть. Люська спряталась за спину матери и выглядывала из-за неё, боясь подойти ближе. А вдруг укусит. В этих цехах в основном работали женщины. Ссыльные калмычки и финки. Они побросали свои ножи и обступили врачиху. Люська со стороны наблюдала, как мама осматривает им руки, затем достаёт из бикса мазь и бинты и перевязывает изъеденные солью с множеством порезов ладони и пальцы.

– Что же вы себя не жалеете? Так и без рук остаться можно, не запускайте, – говорила мама. – Приходите почаще в больницу на перевязки.

Те с озорством наперебой отвечали:

– До свадьбы заживёт.

– Некогда.

– Норму надо выполнять.

– Сами приходите к нам почаще.

Закончив осмотр, мама поманила дочь пальцем и направилась к выходу. И любопытной Люське ничего не оставалось, как нехотя пойти за ней.

Гружёные рыбой неводники подходили один за другим. А женщины, взяв носилки, выходили на рыбозаводской причал перетаскивать в цех рыбу, соль и лёд.

В эти длинные северные дни рыбозавод походил на муравейник. Начиналась путина...

Хӱл сӑвот

(шурышкарский диалект)

Хӱл сӑвот хулӑм цех тӑйӑс: бондарный – щита пущкайӑт па ларащӑт вєрсайӑт, хӱл эвӑтты цех па хӱл сӧлыты цех. Туп няврӑмӑтн мӑт умща еӈк хот тайса. Еӈк пӱлыет ёнтты щира мосмитсӑт – мӧлты няврӑма лӧх лыпия лукӑмӑты, муйпа ал ёхлащтыты рувӑӈ хӑтӑлӑн, рӑхӑл ӱнла ӱты па мампащ иты шӑпты. Тӑмӑщ еӈк пӱлы урӑӈӑн Люська тый щи ёхтӑс, па хӧлна ал щиты ванттыя. Хӱл сӑвотӑн шӑнк ощхуль ус, Люська ван кутӑн тый ёхтылыйӑс. Хӱл сӧлытты тӑхайӑн ун мал ӱх чанӑт лойсӑт. Лыпийӑн хӱл сӧлытса. И чан тал улмал, чан пӑтыя хомтӑп лощӑлтӑман ус. Люська чан питӑра лойӑс, лыпия нюртӑс. Ӑт вӑритӑс па такан сыялщӑс: «У-у-у-у-у!». Этӑр сый такӑӈ сыялщӑс. Щи пӧрайӑн лӑӈкар ху цеха лӧӈӑс, ӱх кӱрӑн такан сӑнкман хотхӑр хӱват, – ляль элты и кӱрлы ёхтӑс.

– Эвӑт, леккар нӑнӑв ёхтӑс. Тый ӱваты.

Люська ларащӑт шашпийӑн ил хӑнемӑман, айӑлта-айӑлта цех хӱват хӑтӑтлыйӑс. Аӈкӑлн шияляла ки, ёхи китла, эвия щимӑщ вӑр иса ӑнт мосӑс.

Туп аӈкӑл хӱвӑн моштӑслы эви нӧви милӑл, милӑл ӑма кӑлӑс рупитты нӑӈӑт питы сӧх элты. Вана ёхтӑс, ёш пӑтӑл сӑхат услы па ястӑс:

– Манлӑмӑн, ма нӑӈӑн крокодил ванӑлтӑлӑм.

– Крокодил, хӧта?

– Тӑм муй, ванта...

Аӈки Люська хӱл эвӑтты цеха туслы. Щита ун пӑсанӑн кӑшийӑн хӱл кӑтна эвӑтса па сӧллытты кӑша лӑщӑтса. Ӑтӑлт пӑсана мӑт ун хӱл пӧнса. Ун хӱлӑт кӱтӑн ӧлӑс ӑна па, крокодил хӧрпи, вӧлаӈ сортые.

– Муй хӧрпи волаӈ хӱл! – ӑӈки ястӑс.

Лӑӈкӑр ху мӧхты ястӑмтӑс:

– Ӑна щи, мӱӈ лӱвӑл умӑщлӱв. Тӑмӑщ хӱл кашӑӈ хӑтӑл хун мощатлӑн. Кӑт мӑтра хӱват! И ӧхӑл муй хӧрпи. Шӧма крокодил. Тӱнкӑн этса. Хӱл вӑлты хӧятӑт пушкан элты ӧхла эсӑлсӑл. Тухӑл элты пӑлсӑт ким талты. Муй хӧрпи ун пӑӈкӑт тӑйӑс.

Сорты ӱнлӑл пӑлки тӑйман ӧлӑс. Люська аӈкӑл шӑнш пӑла хӑнемӑс па айӑлта ӑӈкӑрмийӑс, вана мӑнты пӑлӑс, муйпа порщемӑл.

Тӑм цехӑн имӑт тӑлаӈ тӑлӑн рупитсӑт. Па мӳв ӑлты китӑм калмычкайӑт па финкайӑт. Лый кӑшилал ущкӑсӑл па леккар ими аратсӑл. Люська елта вантӑс, хӧты аӈкӑл ими ёшӑт ямӑлтӑс, бикс ӑлты пӧртунӑт па бинтӑт ёхӑлтӑс па сӧлӑн кӳтӑртӑм ёшӑт лӑп ёвӑртлӑлы.

– Нынан муя ӑт шалитлӑты? Щиты ёшлы хӑщлӑты, – аӈки пӧтӑртӑс лывӑла. – Пульницая ван кутӑн ёхтылыяты.

Имӑт каркама пӧтӑрсӑт:

– Мой пори унты омӑлтӑл.

– Кум ӑнтум.

– Партӑм вӑр вӑрты мосӑл.

– Нӑӈ ван кӳтӑн тый ёхтылыя.

Вантты вӑрӑл етшӑман, аӈки эвӑл вана вохсӑлы па ким этӑс. Иса муй уйӑтты Люськая нӑмӧлты ӑт хӑщӑс аӈкӑл юпийӑн ким мӑнты.

Хӳлӑн тӑкнӑптӑм сӑран хопӑт и юпийӑн уты хойсӑт. Имӑт, носилкайӑт тувман, хӳл сӑвот калтӑна этлӑт, лулӑн цеха хӳл, сӧл па еӈк талты.

Тӑм хӳв овӑс хӑтлӑтӑн хӳл сӑвот хӑшӈа хот хӧрпия ныса. Путина...

Хӳл савот

(берёзовский диалект (тегинский говор))

Хӳл савот хулӑм йит тӑйӑс: пущка па ларащ вӑрты тӑхи, хӳл ваньщты тӑхи па хӳл сӧлӑты тӑхи. Мӑт няврӑмӑта умӑщ тӑхи – щит еӈк хот. Еӈк ёнтты пӑты мосӑс муй па нӑх вӑрты пӑты. Хӧята сапӑл лак лыпия лӳкӑмӑты мӑт шӑӈк пӧрайӑн, муй па ёлха тыйӑлты, шӑпӑмийӑлты, мав иты. Щи пӑты Лющка ин щи ёхтӑс. Па ӑл вантыйӑлты. Хӳл савот умӑщ, щирӑн тый ёхтыйӑлты ям. Хӳл сӧлыты тӑхийӑн вун ӯх чан-анӑт омӑссӑт. Щӑта хӳл сӧлысӑт. И чан-ан тал вулмал, лӳв пӑтӑл пӑлы хоӈтӑп эсӑлман вус. Ӑнт вӑритӑс па ӳвтӑс: «У-у-у-у-у!». Этӑр ара рохсатӑс. Щи артӑн мастер ики щив лӧӈӑс, ӯх кӳрлӑн сӑӈкман – лаль ӑлты кӳрлы ёхтӑс.

– Эвет, «тохтӳр» ёхтӑс. Хулыева тый ӯваты.

Ларащӑт сая хӑнатыйӑлман, Лющка и тӑхи ӑлты па тӑхия хухӑлман хӑтӑс савот хӳват, нумӑсӑл ӑнт мӧтшӑлы. Ӧша ки вӑрлы, ӑӈкӑӈӑн ёхи китлы, туп щи вӑр лӳвӑл ӑнт мосӑс.

Äңкәлән туп хўвән мӧтшәса нӧви милы ел хўват, йма ныла рупитты ёх питы лумтәмәт кўтән. Лющка пўңла ёхтәс, ёш пәлкәл элты катәлсәлә па ястәс:

– Ӱва, ма нäңән крокодил ванәлтәлләм.

– Крокодил, хӧта?

– Тäм, вантэ...

Äңкәлән хўл ваньщты тäхия тусы, щäта вун пäсанәт ухтыйән хўл ваньщсәт па сӧлыты лэщәтсәл. Вун пäсан ухтыя мәт вун хўләт пӧныләсәт. Вун хўләт кўтән вус мәт вун хўлшики, йна крокодил хӧрасәп сорт.

– Тäм щи па! – äңкәл ястәс.

Мастер ики нёхмәс:

– Мўң ищи äнт вантыйәлсўв щимәщ хўл. Тамәщ ӧт иса хун вәлләлы. Кäт кэм мэтра хўват! Ӧхәл муй лампа вун. Йна крокодил хӧрасәп. Тўңкән иса лäп пўнытәм. Ёх пушкан вўша питыйәлсәт. Тӧхәл элты нӧх вäнты пäлсәт. Муй лампи пәңк лўвәт тäйәл.

Ин сортшики ӧләс, ўңләлән ки талман. Лющка äңкәл шäнша хäнемәс, щäлса вантыйәс лўв пәләла, вана мäнты пäләс. Роман тухәмлы.

Тäм хўл ваньщты тäхийән мӧлты кэм тыв китәм финн па кäлмәк имэт рупитсәт. Лый кэшил ал ёвәлсәт па тохтўр кäт пәләк элты сӧпәлсәт. Лющка вантәл, хӧты äңкәллыв ёшлал нӧх вантләллэ, щäлта хӧшап элты вулмащ па хäр сӧх па мащән нэрләллэ па ёвәртләллэ сӧлән хошиты па эвытәм тäхэт ёшлал па лўйлал хӧщи.

– Муя ёшлән äнт шалитләлән? Ёшлы хäщты вэрәтләтән, шавиман ёшлән тäялән, – äңкәл ястәс.

– Ванкўтлы пульницая ёхтылаты, ёшлән нэрты.

Имэт мулмәтлӓман ястыйәллэт:

– Ики мäнтэв вунты йма йилэт.

– Хун ёхтыйәлты.

– Нормаев тäрматты мосәл.

– Нäң ёхтыла мўң хӧщаев ванкўтлышэк.

Äңкәл етшәмал ӱпийән, эвэл лўйән вусэмәслэ па ким этты тäхәл пэла щи карэмәс. Лющкайәл хӧты вэрты кашлы-пушлы лўв ӱпэлән щи мäнэс.

Хўлән лэлтәм вун сäран хопэт и ӱпийән вўты щи катәллэт. Имэт алты ӧтлал вўйман, хўл савот калңа этлэт хўл сӧл еңк алтыя.

Тäм хўв лўң хäләтән хўл савот хäшңа хот хӧрасәп. Вэлпэс пӧра...

Лягушачья икра

Расставшись с мамой у больницы, Люська отправилась по одному неотложному делу. В ближайшем к дому болотце лягушки наметали икру. Его заливало только весной, и вода в нём быстро прогревалась. Лягушки и облюбовали это болотце для вывода своего потомства.

Икра плавала целыми гроздьями. Такие кругленькие, прозрачные икринки с чёрными точечками внутри. Люське очень хотелось поймать эту икру, потрогать и поближе разглядеть. Она стала на кочку, заросшую багульником, и попыталась ловить, но икринки выскальзывали из рук и всё дальше отплывали. Люська всё тянулась и тянулась. Невольно шагнула... и одной ногой оказалась в воде. Так стоять было неудобно, да и всё равно туфелька намокла, и она встала обеими ногами в болото, прямо в белых носочках. Увлечённая ловлей, девочка уже не замечала, что подол любимого платья, вышитого васильками, намок и перепачкался торфяной жижей.

Заветная икра была совсем рядом. Она сначала потрогала её в воде, затем взяла в руку, но та выскользнула. Поняв, что так просто икру не взять, Люська сорвала панамку с головы, зачерпнула икру, как сачком, и понесла домой.

Бережно переложив свой улов в ведро с водой, она спрятала его в кладовку. Потом постирала одежду и развесила её сушить.

Вскоре пришла мама на обед, а заодно и проверить, чем занимается дочь. Увидела висевшие на верёвке тряпки коричневатого цвета, напоминающие дочкину одежду.

– Так, – сказала мама, взяла в руки всегда стоящий у крыльца прутик и, пряча его за спину, зашла в избу.

Люська рисовала, сидя за столом. По выражению маминого лица она поняла, что её сейчас будут бить.

– Что это там висит?

– Где?

– На верёвке во дворе.

– Да это я платье постирала.

– Так где же ты в нём была?

– В болоте.

– В болоте!? В белом платье, белых носочках и белой панамке! Да я всё утро гладила и крахмалила, чтобы ты как человек походила. Перед людьми стыдно: вся в кедровой смоле, подранная, на руках и ногах цыпки. Я от людей чистоты требую, а ты – как поросёнок в луже. Но всё, моё терпение кончилось.

Мама вытащила Люську из-за стола и огрела её прутом. Та взвизгнула и юркнула под кровать. Забилась в самый дальний угол. Это было её убежище. Мама попыталась вытащить Люську, но кровать была с пружинной сеткой, крючки торчали низко и цеплялись за волосы. Она потыкала прутом в сторону Люськи, но это было уже не страшно. Ещё немного пошумела, покричала и ушла на работу. Девчонка вылезла, как только дверь захлопнулась, и посмотрела в окно. Мама шла по улице.

«Значит, уже не вернется», – подумала Люська и от расстройства легла спать.

Про свой секрет она никому не рассказала, даже любимой подружке Лидке. Бегала в кладовку каждый день. Наблюдала. В икринках уже вместо чёрных точек двигались маленькие головастики с хвостиками без лапок.

Прошло несколько дней. Вернувшись как-то домой после прогулки, Люська увидела своё ведро, стоявшее у крыльца. В нём было пусто. Её охватили беспокойство и гнев. Забежав в дом, девочка закричала:

– Где? Куда дели? Я узнать хотела, а вы!

Отец с удивлением спросил:

– Что где?

Мама стала ему объяснять:

– Это чудо притащило из болота лягушачью икру. Я споткнулась сегодня о ведро в кладовке, давно его потеряла, смотрю – а там кишмя кишат головастики. Ну, в болото унесла и вылила. Так что не пропали твои головастики. А в ведре с голоду погибли бы, – сказала она, обращаясь к дочке.

– Так я хотела посмотреть, как лягушки получаются, – кричала Люська с вызовом.

Отец захохотал:

– Так что, мать, может, ферму лягушачью заведём. Я слышал, что есть такие во Франции, там лягушек едят.

– Едят? – переспросила мама. – Не может быть!

– Всё может. Французов же не зря «лягушатниками» звали на фронте. Ну, дочь, иди ко мне, – посадив Люську на колени, прижал её одной рукой к себе. Та сразу успокоилась и доверчиво прильнула к отцу. – Слушай, как лягушки получаются.

Но она и так уже была вся во внимании, и отец начал рассказывать:

– Из икры получаются головастики, но это ты уже видела. Они растут. У них появляются передние лапки, но задних ещё нет.

– А что они едят?

– Личинки комаров, мошек, мух. Ну, в общем, всё, что в болоте водится. Затем у них вырастают задние лапки, но хвост ещё не отпадает. Вот это уже ближе к лягушке. А уже потом, когда хвост отпадёт, значит, выросла настоящая лягушка.

– А они полезные?

– Полезные. Они комаров едят. Ну, иди, побегай, а я съезжу быстренько, сети проверю.

Вечером Люська была на удивление послушной. Перед сном тщательно вымыла ноги и руки горячей водой. Мама намазала их сметаной, чтобы обмякли и зажили цыпки и царапины.

– Мама, мама!

– Что?

– У меня цыпки пикают.

– Как это? Не придумывай.

– Так они же цыпки, а цыплята пикают.

– Ложись в постель, спать пора, выдумщица.

Люська засыпала успокоенная. Теперь она знала, как лягушки получаются.

Навәрнє пөри

(казымский диалект)

Пөлҗн ица пӱҥәлән ӓҥкәл пила кӓтна мӓнмал ӧпийән, Лющка и вєр ләщәтты мӓнәс. Лӗпән вөлты йиҥк лот хущи навәрнєҥәт пөри хөйсәт.

Щи лотэн төп товийэн йиңкэн әмәрлыйәлсы, щирэн йиңкәл сора хошма йил. Навәрнєңәт щи тәхи вана вүсәл пәрилал хөйты, пушәхлал єнмәлты.

Пәрилал тәлаң мүрәпэн йиңк лотэн ховисәт. Лыв щимәщ еңтайәт, кэван лыс хураспэт, питы лотыет лыпийэн тәйлэт. Лющка пори ёша вүты вүтщийәс, катлыйәлты па ямәс вантты. Лүв вальюхэн этэм хумәс өхтыя лолёс па пори катәлты вүтщийәс, порэл ел нёңхләмтәс па елды нопәтсы. Лющка иса щив ниншәс, ниншәс. Па елды сөхмәс... па и күрәл йиңка пөрмәс. Шєңк атэм вөс, туплел пушсы, па лүв кәт күрэн лолёс йиңк лота нуви носкайңәнэн. Навәрнє пөри катәлман эвие әнт мутшәслэ, хуты хурамәң василёк щорхайэн ёнтэм ёрнас ил тәхэл пушсы па турэн нюлайэн хәнса.

Момты пөри щи мурта ванэн вөс. Олңәлэн лүв ёшэн катлыйәлсәлэ йиңк хуща, щәлта ёша вүслэ, төп ин ут ил нёңхләмтәс. Сащэн юхтэм юпийэн Лющка ухэн тәйэм милыел алємәс, пөри амәрмәс, па юхи төты питсәлэ.

Төса катлэм утэл вэтрая пунсәлэ, лєпңа хәнятсәлэ. Сухлал нух пөсәс, сорәлты эхәтсәлэ.

Еша вөс әңкэл упета юхтәс, па нух вантты, муй эвэл вєрэл. Шувалэслэ, хуты кэл хуща мүв хураспа ювэм эвэл тайты хурасэп сухэт лойилэт.

Щиты, – әңкэл лупэс, ёша вүс ов елпийэн иса лойиты варэс юхие, шәнш пєлка хәнятман, хота луңэс.

Лющка хур хәншман пәсан вүтпийэн омсэс. Әңкэл вєнш щирэн мутшаньщэс, ин әңкэлэн сєңкты щи питла.

– Муй щәта лойийэл?

– Хута?

– Кэл хуща камэн.

– Щит ма ёрнасєм пөссэм.

– Хута нәң щи ёрнасэнэн түвисыйәлсэн?

– Нөрэм лотэн.

– Нөрэм лотэн!? Нуви ёрнасэн, нуви носкайэн па нуви милыенэн! Ма тәлаң алэң түтэң утэн морэмлал нух лэщэтсэм па крахмал йиңкэн лустэсєм, нәң лөлэң хәннєхө хурас ат тәйсэн. Елєм хуятэт елпийэн: нохэр юх өңхэн иса ләп өңхащман, сухлан рәнякэт, күрлән, ёшлан кра йисэт. Ма хуятэт сыстама вөлты партлэм, нәң пөрэщ пушэх хурасэп. Я-щи, түрєн өхтыя щи юхэтсэм.

Лющка äңкәлән пäсан вӱтпи эвәлт нык сөхтәсы па ай варәсән варщәмса. Ин ут ниңхрәмтәс па нури илпия луңемәс. Мєт хӱв сӱңа луңәс. Щит лӱв лыләл єтты тäхи. Äңкәлән нык талты вутщийәлса па нурәл пуршинайәт тäйәс. Щи пуршинайәта өпәтлал тäхәрләләт. Äңкәл варсәлән щивәлт еша лӱкәтләслә эвәл пәлы, щит, вантэ, шєңк пäлтап äнтө. Еша увәс, сыящәс па рөпатайәла щи мäнәс. Төп ов пєнтса, эвәл нурәл илпи эвәлт нух вуратәс, ишни пєлы äңкәртыйәс. Äңкәл вош хӱлы хӱват шөшәс.

– Ин юхлы äнт кєрләл? – Лющка нөмәсыйәс па ил уләс.

Лӱв вєрәл олңән нємхуята äнт путәртәс, кӱш кєпи мосты Лидка лөйңиела. Кащәң хäтәл лєпңа луңємийәс. Вантыйәлсәлә. Пөрәт хуща питы лотыет ӧкана ай кӱрлы ухиет шойтыет пила хäтыйәлсәт.

Кäт-хөләм хäтәл пäрәс. Илатән юнтты тäхәл эвәлт юхәтмалән лєпәң пиңәлән ай вэтрайәл шӱваләслә. Иса тал. Лӱв лыкәң юхтәмса. Юхи луңємәмалән эвие ӱвтәс:

– Хута? Хулта төслән? Ма уша вєрты вӱтщийәлсәм, нын па муй вєрсєтән!

Ащелән иньщәсла:

– Муй хута?

Äңкәл лӱвәл лупәл:

– Щит нӧрәм лот эвәлт навәрнє пөри юхи тӱвәм пищ. Ма лєпәңән тäм хäтәл вөтшәм вєтраєма хуща ил ваңкләмсәм, вантлєм – щäта ух шөпиет äл щи нюхаләт. Нӧрәм лота төслам па щив шошәмсәлам.

– Щирән ух шөпиет äнт вөшсәт. Вэтрайән лөләң хäлсәт лєлды, – äңкәл лупәс эвәла.

– Щи мурта вантты лäңхасәм, хуты саты навәрнєңәт тывләт, – Лющка ӱвәс.

Ащел няхты питәс:

– Мосәң, äңкие, навәрнє энмәлты пєрма вєрләмән. Ма хөлләсєм, щимәщ пєрма Франция хуща вөл, щäта ёх навәрнє нюхи лєләт.

– Лєләт? – äңкєм иньщмәс. – Я, ӯна пәлы!

– Муй иса Төрәмән вөл? Äл хөн француз ёх лаль пурайән «навәрнєң щира» альсайәт. Я, эвие ма хущєма ӧва, – шанш уха эвәл омсәлсәлә, и ёш пєлєкән лӱвәла нӧрәтсәлә. Эви мухты роммәс па ащел хуща ухәл пунәс. – Хөлэнта, хутысаты навәрнєңәт тывләт.

Эвәл хөлэнтты питәс, ащел путәртты питәс:

– Пөри эвәлт ух шөпие тывләт, щит нӑӊ вантсэн. Лыв єнәмләт. Щӑлта ёшлал тывләт, кӳрлал хулна ӑнтөмәт.

– Муй лыв лєләт?

– Пєлӊа, нямалт, сырәнта няр войәт, муй па нӗрәм лотыенән. Щӑлта кӳрлал єнәмләт, лыв пөшэл хулна хулт анта питәл. Тӑм щит навәрнє хурасәпшәк. Щӑлты шойтәл хӑщты ӳпийән вәльщи пуляӊ навәрнєӊа йил.

– Лыв мосләт хуята?

– Мосләт. Лыв пєлӊайәт лєләт. Я, мӑна, еша хөхәтля, ма сорашәк яӊхләм, холәплам вантләлам.

Лющка етән щи хурасәп ям эвия вөс. Ултал әлпийән ямәс кӳрӊәл люхәтәс каврәм йиӊкән. Ӑӊкәлән няр мис вуйән нєрсыйәт, няра кӑкәрләм тӑхилал яма ат йисәт.

– Ӑӊка! Ӑӊка!

– Муй?

– Ма няра кӑкәрләм тӑхилам щипщємәләт.

– Хутысаты? Ал вєра путәр.

– Лыв хуты «цыпки», щищкурэк пушхәт щипщємәләт.

– Ула, улты пурая йис.

Лющка нюрая ил щи вуйәмса. Ин лӳв вөллэ, хутысаты навәрнєӊәт тывләт.

Последний шаман

По деревне разнёсся слух: Семён Кыкин с Григорием и Никитой Натускиными добыли медведицу с медвежонком. И по всем правилам устраивают Медвежий праздник. Сам Семён принадлежал к шаманскому роду, когда-то могущественному и многочисленному. Детей с женой Дарьей у них не было, он жил в родной таёжной деревне, занимался рыбалкой и охотой и ничем не отличался от других сельчан, разве что удачливостью да особым уважением со стороны ханты. Люська с подружкой Лидкой сговорились тоже пойти посмотреть на праздник. Они никогда ещё такого не видели. Звук бубна и пение на хантыйском языке разносились над деревней, привлекая и создавая жутковатую таинственность.

Девчонки как-то неуверенно, с опаской подходили к избе.

Протолкнувшись между плотно стоявшими людьми, даже пришлось проползти между чьих-то ног, Люська оказалась впереди всех. В полутёмной избе на столе, в широком деревянном блюде на лапах лежала голова медведицы, покрытая цветным платком. На глаза были положены старинные монеты. Вдоль стены на лавке сидели женщины в национальных платьях, повязанные яркими платками так, что они полностью закрывали им лица. И сколько Люська ни вглядывалась, никого не могла узнать.

На середину комнаты, пританцовывая и играя в бубен, в красивой шапке, расшитой бисером, и берестяной маске, вышел шаман и начал камлать. Зазвучала ритуальная песня.

Люська осмотрела всех находящихся в избе в надежде найти подружек. Наконец увидела Груньку, тоже в платке, но не так глухо завязанном. Подошла и спросила шёпотом:

– Грунька, а чё он поёт?

Та стала старательно нараспев переводить:

– Низвёл медведя – проси прощения. Ведь он предок человека. Он спустился на Землю с неба. Человеком был, братом был. Зачем убивать брата? – и добавила от себя, – вот и извиняются песней и пляской. Чтобы не обижался.

– А сколько праздник будет идти?

– Отец говорил, четыре дня и четыре ночи. Потому что медведица.

– А если медведь, то сколько?

– Тогда пять дней и пять ночей. А потом кости закопают в священном месте.

Люське стало страшновато, и она потихоньку отодвинулась к двери. Там оказалась Лидка.

– Где ты была?

– Да тут стояла с отцом.

– Видела шамана?

– Нет.

– А я видела.

Лидка сразу кинулась смотреть, чтобы не отстать от Люськи, а та осталась ждать её. Рядом стояли деревенские мужики и перешёптывались между собой.

– Слышь, как душу отводит Семён-то.

– А кто ему разрешил?

– А никто. Он председателя Совета не спрашивал, а тот и не запрещал, и не разрешал.

– Так что ли выходит?

– А уполномоченный из райкома приедет, тогда чё?

– Чё, чё. Ты не побежишь докладывать, и я не побегу. И никто не побежит.

Любопытная Люська вслушивалась в разговор, и до её уха долетел тихий голос Лидкиного отца Василия Михайловича.

– Я с Семёном рыбачил в протоке, напротив Шаманской горы. Ну, порыбачили днём, сети на ночь оставили, а сами в палатку легли. Я ночью просыпаюсь, вышел к кустикам. Голову-то поднял, смотрю. А Семён от Шаманской горы через протоку по верху воды идёт... и не тонет. Меня такая жуть взяла. Я в палатку бегом. Притворился, что сплю. Слышу, он зашёл и тоже лёг.

– Вот такая у него сила есть.

– Ну, а чё потом?

– Ни чё. Я виду не подал, что видел. Порыбачили. Помню, много рыбы добыли и домой поехали.

– И ты, Никифор, молчи. Не больно рассказывай, а то беду накличешь.

Став случайной обладательницей тайны, под сильным впечатлением Люська выбежала на улицу. И решила тоже об услышанном никому не рассказывать, боясь кары шамана. Она ещё не забыла своего приключения на Шаманской горе, когда не послушалась наказа старшей сестры.

Через некоторое время Семён со своей женой переехал жить в более глухое селение – Лобчинские юрты.

Больше Люська никогда не видела Медвежьего праздника.

И только спустя годы она поняла, что это был последний настоящий праздник последнего шамана.

Хӑщӗм щӑртӑӈ ики

(казымский диалект)

Кӧртӑв ай кӑлӑн юхӑтсы: Кыкин Щєман па Натускин Микита пӳпи шишамӑл пила вухӑлман. Вӧлтӑв щирӑн пӳпи як вєрты мосӑл. Щєман щӑртӑӈ рӧт пӑлы вӧл. Лӳв Тарья имӑл пила няврем ӑнт тӑйсаӈӑн, вӳт кӧртӑн вӧс вӑлпӑслӑман па ёхлал иты, тӧп вӑлпӑслӑты вєрӑл уяӈ пӑнт тӑйӑс па хӑнты ёхлал лӳв пилӑла ӑма вӧсӑт. Лющка лӧйӈӑл пила ищи пӳпи як хот вантты мӑнты. Лын нємӑлт пурайӑн пӳпи як ӑнт вантыйӑлсаӈӑн. Кӳйӑп сєӈкты сый па хӑнты арӑт сащсӑт кӧрт луваттыйӑн тӧрӑм па лылӑӈ лыл партӑм щирӑн.

Эвӑӈӑн пӑлтап щира пӳпи як хота ванамӑлӈӑн.

Мир кӳтӑн вӳрайӑн вӳратман па илта ваӈкман, Лющка вӳт пєлка юхтӑс. Пӑтламшӑк хотӑн пӑсан ӧхтыйӑн вӧн вӳтӑӈан хущи пӳпи эвие хурамӑӈ ухшам пунман луваттӑлӑн омсӑс. Пӳпие хӧсӈӑн йис карты вухӑн пунман вӧсӈӑн. Хот питӑр пӳӈӑлӑн имӑт омӑссӑт, вӧн ухшам пунмӑл па емӑлман вєншлал лӑп єсӑлман. Лющка кӳш вантӑс-вантӑс, нємхуят ӑнт вєрӑс.

Хот хӑри кӳтпа якманшӑк па кӳйӑп сєӈкман, хурамӑӈ мил па тунты вєнш пунман этӑс щӑртӑӈ ики па кӑйты питӑс. Вӧн арӑт ариты питсайӑт.

Лющка хотӑн вӧлты ёх пӑлы вантыйӑс вӧтаӈ ёх муй па лӧйӑӈлал сємӑн кӑншман. Имултыйӑн Кӳриняйӑл щи шувалӑс. Лӳв ищи ухшам пунмал. Лӳв хущела хӑтӑс па вушиман иньщмӑслӑ:

– Кӳриня, муй олӑӈӑн лӳв арийӑл?

Ин эвие ариты щирашӑк тулмащтӑты питӑс.

– Вухӑлсӑн пӳпие – пойӑкща.

– Лӳв хӑнты хур тӑйӑл. Лӳв Тӧрӑмӑн мӳва єсӑлсы.

– Хӑннєхӧ хур тӑйӑс, мӳӈ апщев вӧс.

– Муя апщи вухӑлтӑты мосӑл?

– Щирӑн щи пойӑкщӑлӑт арлалӑн, яклалӑн. Ал вӳшмащӑс лӑлӑӈ, – лӧйӈӑл путрємӑс.

– Як хот хӳв мӑр вєрла?

– Ащем лупийӑс, нӑл хӑтӑл, нӑл ат. Тӑми пӳпи эвие.

– Пӳпи пухие ки па муй арат?

– Щирэн вэт хӑтэл, вэт ат. Щӑлта хӑщты пурмэс утлал нух шавилайэт.

Люцка пӑлтапэн юхэтса, ов пэлы хӑтты питэс. Щӑта Лидкайэл вэлмал.

– Хута нӑҥ вэсэн?

– Тӑта ащем пила лольсэм.

– Щӑртэҥ хэ вантсэ?

– Ӑнтэ.

– Мавантсєм.

Лидка мухты ванты сонтэмэс, Люцкайэл эвэлт юхи ал хӑщэл, Люцка лавлэсты питэс. Лӱв лёпэлэн кэртэҥ икэт лольсэт па лыв кӱтэлэн вушисэт.

– Хэллэн, хуты сӑм лыпи эвэлт єтты арэт Щєманэн арийэл.

– Хуйэн лӱв щиты ариты єсэлса?

– Нємхуятэн ӑнт єсэлса. Лӱв совет кэща ӑнт иньщсыйэс, кэща хэ ӑнт партыйэс, ӑнт єслыйэс.

– Щит па хутысаты?

– Райком эвэлт уполномоченный юхэтэл па щӑха?

– Хуты, хуты. Нӑҥ щохты ӑнт мӑнлэн, ма ищи ӑнт мӑнлэм. Нємхуят ӑнт мӑнэл.

Люцка хэлэнтэс щи путэр, лӱв пӑлэла питэс Лидка ащи Василий Михайлович тӱр сый.

– Ма Щєман пила вәлпәсләсәм пусәл хущи, Емәң рєп шумая. Хәтләлән вәлпәсләсмән, холәпләмән ат щира хәйсәләмән, мин палаткая улты мәнсәмән. Атлән нух вєрләсәм, ма вєрламән ким єтсәм. Вантлєм, Щєманєм Емәң рєп эвәлт пусәл шөпи йиңк єлты шөшәл... па ил әнт шөйләл. Ма щи мурта пәлтапән юхәтсайәм. Ма хөхәлман палаткаема луңємәсәм, улты ропәх вєрсәм. Хөллєм, лӯв юхи луңәс, ищи ил уләс.

– Вәт щимәщ рӯв лӯв тәйәл.

– Щәлта па муй?

– Нємулты әнтө. Ма вєрәссәм, мәттә нємулты әнт вантсәм. Вәлпәсләсмән. Нөмлєм, ар хӯл вәлсәмән па юхи мәнсәмән.

– Нәң ищи, Микипур, щи оләңән ал путәрта, кәмән шөка хойлән.

Щимәщ ясңәт хөлмал ӯпийән Лющка ким хөхләс. Лӯв ищи нумәс вєрәс, щи оләңән нємхуята әнт путәртты. Лӯв хулна нөмләлә, хуты лӯв Емәң рєпән вєра питыйәс.

Щи ӯпийән Щєман ики имәл пила ел вөлты көрта касләс, нємәл Лобчинские.

Па нємулт пурайән Лющка пӯпи як әнт вантыйәс.

Төп ар ол мәнәм ӯпийән лӯв нумәсән юхәтса, щит хәщәм пӯпи як хәщәм щәртәң ики емәң хәтәл.

Чудо природы

Весной, когда припасы были на исходе, белый хлеб в деревне пекли два раза в неделю и давали по две булки в руки. Но всё равно на всех жителей не хватало. Поэтому ребятишек отправляли очередь караулить. Вот и сегодня они собрались у магазина, который стоял у самого края высокого берега.

Чтобы скоротать время, устраивали игры. Пускали кораблики и строили запруды в ручьях талой воды, стремительно нёсшихся с горы в речку.

Вдруг Люське нестерпимо захотелось подойти к двери магазина. Она подчинилась этому желанию. Не понимая почему, посмотрела на Шаманскую гору, она была отсюда хорошо видна. Взялась за железную скобу и... увидела перед собой жёлто-белую вспышку. Больше она ничего не помнила.

Очнулась Люська в больнице. Мать совала ей под нос нашатырь и шлёпала по щекам.

– Доченька, слышишь меня?

– Слышу.

Она спросила стоявших вокруг подружек:

– Расскажите, как всё было, что вы видели?

Томка затараторила, нажимая на «р» и краснея от важности момента. За картавинку сёстры прозвали её «мороко» – молоко. Да так и прилипло к ней это прозвище.

– Мы играем в р-ручье, смотр-рим, Рюська на гору подняр-рась. Вдруг морния – она упара, а Варька закричара, что Рюську убиро.

Всех в деревне удивило это явление. Ещё снег не весь сошёл, огороды не пахали, откуда было молнии взяться?

Вечером мать жаловалась отцу:

– Все дети, как дети, а наша Люська – чудо природы. Ну почему с другими ничего, а с ней всегда что-то.

– А ты, мать, наверное, забыла, как в погреб слетела, когда Люську в себе носила. Тогда всё обошлось благополучно, если не считать того, что родилась девчонка с вывихнутым пальцем на руке. Вот с тех пор так всё и идёт.

Люська отлежалась в постели и на следующий день как ни в чём не бывало носилась по деревне.

Удар по Люське оказался предупреждением. В тот год лето выдалось грозовым, и беда всё же не обошла деревню – молнией убило молодую финнку Хилму.

Ущмар вєр

(казымский диалект)

Нуви нянь мӱӈ көртэвэн кӑт пӱш ԉапэт вєрэнтса па кӑт пӱлка кашэӈ хуята мийԉэсы. Щирэн нявреєм ԉавэԉты китыйэԉсыйэт. Тӑм хӑтэԉ ищи ԉыв ԉапка пӱӈэԉэн ӑктэщсэт, щи ԉапка кӑрэщ сӑӈхэм ух өхтыйэн омсэс.

Нявреємэт щӑта юнтсэт. Йиӈк хонэӈэн хопиет єсэԉсэт, вар төхэрсэт пӑсты щошиты йиӈк ёртты пӑты.

Имуԉтыйэн Лющка шӑӈкап ԉӑӈхмэтэс ԉапкаов пӱӈԉа хӑтэмэты. Ԉӱв щиты вєрты ԉӑӈхас. Муԉты пӑты ԉӱв Емэӈрєп пэԉы ӑӈкэртэс, тӑԉта ямa кӑԉэс. Ов карты кӑтԉэс па... нуви вӱщԉэм тӱт нянмие шуваԉэс. Щи киньщи нєԉмуԉты ӑнт нөмэԉ.

Пөԉницайэн нух паԉмэс. Ӑӈкэԉ єпсэты утԉӱв нюԉэԉа хойэԉтэԉ па вєнш пӱӈэԉаԉ сєӈкэԉ.

– Эвие, хөԉԉэн мӑнэт?

– Хөԉԉєм.

Лющка кӑт пєԉэкэн ԉоԉьты ԉөйӈԉаԉ иньщмэс.

– Путэртаты, муй нын вантсэты?

Томка эвиепӑсты путэртты питэс, иса вӱртыя хӑтщэман, «р» сый щирэԉ ӑнтө па упиԉаԉэн «мороко» нємэн пунса.

– Мӱӈ сойэм хонэӈэн юнтсӱв, вантԉӱв – Рющка рёп өхтыя вӱратэс. Имуԉтыйэн пӑԉэӈ мӑратэс – ԉӱв иԉ рӑкнэс, Варька ӱвтэс: Рющка щих вэԉса.

Көртэн ёх пакэнсэт. Лоньщев хуԉна хуԉ ӑнт ԉуԉас, ощԉаԉ ӑнта ԉэщэтсэԉаԉ, муй щирэн пӑԉэӈ мӑратэс?

Етэн ӑӈкєм ащема путэртэс:

– Нявреємэт нявреємэт хураспэт, мин Лющкаемэн – ущмарэӈ пищ. Па нявреємэт пиԉа нємуԉты вєр ӑнт тывийэԉ, ԉӱв пиԉэԉа – иса хуԉт пэԉа хойэԉ.

– Нӑӈ аԉпа юрэмэсэн, хуты пөтпольняя рӑкэнсэн Лющкаенэн па щира вөԉмэнэн. Щи пурайэн вєрэв тӱӈэмԉэс, ӑнт ки ԉӱӈэтты, эвиємэн сєма питэс шӱкаԉэм ԉӱй пиԉа. Вӑт щи вӱш эвэԉт тӑм вєрэт щи тывийэԉэт.

Лющка уԉ тӑхэԉэн ямэс уԉэс, па хӑтԉа йис, мєт нємуԉты вєр ӑнт тывийэс, наврэтԉэс көртэв хӱват. Еԉԉы ԉӱв ԉавэԉԉа йиԉэп ущмар вєрэтэн па юнт щирэтэн.

АГАЗИН

Первый пароход

Мама пришла с работы в хорошем настроении и весело сказала:

– Только что на почту по рации сообщили, что пароход вышел из Нижневартовска, а значит, завтра утром будет у нас. И мне медикаменты выслали, – добавила она.

На следующий день с самого раннего утра Люська собрала подружек, и они отправились занимать позицию для обозрения реки на самом высоком месте. А секрет заключался в том, что это место находилось как раз во дворе Томки и Любки. Девичья компания уселась под ёлку, которая росла на самом краю высокого берега. Перед деревней река делала петлю, и, когда пароход проходил по ней, огибая мыс, капитан давал гудок, извещая о своём приходе. Услышав его, жители деревни, побросав работу и домашние дела, бежали на пристань. И в этот раз также. Услышав сигнал, девчонки стали ждать, вглядываясь вдаль и соревнуясь между собой, кто первый увидит. И только пароход показал нос из-за мыса, как они в один голос закричали:

– Пароход! Пароход идёт! – и побежали по улице, неся радостную весть.

– Пароход идёт!

Принаряженные жители вышли на пристань. Каждый ждал этой встречи по-своему. После долгой зимы и распутицы снова возобновлялось сообщение между деревнями, и уже не чувствовались оторванность и отрешённость от «большой земли».

На пристани люди встречались, разговаривали, передавали со знакомыми приветы и посылочки с гостинцами, обменивались новостями. Но в основном приходили просто как на праздник: на людей посмотреть да в буфет сходить. Так уже было принято – в пароходном буфете обязательно что-нибудь покупать. И почти каждый к такому случаю припасал немного денег.

В общем, деревня с нетерпением ждала прихода первого парохода, и чем ближе он подходил, тем больше волновались встречающие. Пароход к пристани шёл быстро, загребая колёсами воду и сверкая на утреннем солнце белизной и необычной чистотой. Он плавно ткнулся носом в берег, подставив к берегу борт, на котором было написано

«Баррикадист». Все дружно прочитали новое название. А ведь раньше ходил «Елизаров». Вот эта была неожиданная новость.

– А капитан кто? – заговорили на берегу. – Старый или новый?

Капитан через рупор отдал команду, пароход пришвартовался, матросы закрепили чалки. И как только установили два трапа, народ повалил на пароход. Его уже было ничем не удержать.

Люська стояла с родителями, смотрела на капитана, сходившего по трапу на берег. Он был под стать новому пароходу: такой же красивый, в белом кителе, но самое главное, что капитан тот же, что и в прошлом году ходил на «Елизарове». К ним-то он и подошёл.

– Здорово, Алексей Михайлович.

– Здорово, Афанасий, коль не шутишь, – ответил отец.

Они пожали друг другу руки.

– Ну что, просьбу мою выполнил или как? – спросил капитан.

– А как же. Пойдём, поглядишь. Пассажиры тебя давно дожидаются, – с улыбкой ответил отец, и они ушли.

К маме подошёл матрос.

– Вы, что ли, врачиха будете?

– Да, я.

– Вот вам из больницы передали, – и протянул маме пакет.

Та с удивлением спросила:

– Это всё?

– Всё, всё, – и убежал.

Мама развернула посылку, а когда увидела содержимое, заплакала. Люське было жалко маму. Кругом такой праздник, а она плачет и приговаривает:

– Как же я теперь работать буду. Две баночки ихтиоловой мази и десять штук бинтов – это все медикаменты. Опять придётся травы заваривать.

– Мама, мама, – тихонько позвала Люська, – а на пароход ты не пойдёшь?

Надеясь, что мать сходит в буфет, где продавали разные вкусности, и что-нибудь купит ей.

– Нет, я пойду, письмо в районную больницу напишу и с пароходом в Ларьяк отправлю. А ты побудь здесь. Отца подожди.

Стоя на пристани, девчонка наблюдала за весёлой суетой на берегу.

Раздались крики ребятишек:

– Медвежат ведут!

Люська оглянулась и увидела, что отец на длинной цепи вёл медвежонка, а следом за ним капитан вёл второго, с белой меткой на шее. Это были Машка и Мишка. Теперь Люська поняла, для чего отец медвежат добыл. Он их капитану обещал. Подбежали матросы и, забрав медвежат, помогли им идти по трапу. А те, косолапя и рыча, очень ловко забежали на пароход. Через некоторое время Машка и Мишка уже сидели на верхней палубе, держа в лапах банки со сгущёнкой, и с удовольствием лакомились. Ребятишки хохотали, глядя на этот бесплатный цирк.

Люське было жаль их отдавать, но и дома подросших медвежат держать уже стало опасно. Каждую навигацию пароход увозил с Ваха медвежонка, а то и двух. А в деревне говорили, что капитан сдаёт их в зоопарк или цирк. А пока, до самой осени, как достопримечательность и неотъемлемая часть парохода, они жили на палубе рядом с рубкой капитана. Сидя на длинной цепи, медвежонок развлекал пассажиров всю навигацию, пока пароход не уходил в город Новосибирск на зимнюю стоянку.

Отец сошёл с парохода в хорошем настроении и протянул дочке кулёчек с конфетами. Люська была счастлива – про неё не забыли.

Капитан дал первый гудок. Обычно гудка было три. Деревенские жители, подгулявшие в буфете, уже нестойко сходили по трапу на берег. После третьего гудка убирали трап, поднимали якоря, и пароход отчаливал от берега.

Время стоянки быстро истекло.

Но то, что произошло дальше, рассмешило всю деревню. Пароход сначала разворачивался носом на середину реки, гребя деревянными лопастями колёс, а корма какое-то время ещё находилась вблизи от берега. И вдруг все увидели бегущую по палубе Прусальку. Она задержалась в буфете. Прибежав на корму, девушка остановилась в растерянности, а полоска между кормой парохода и берегом быстро увеличивалась. Прусаля заметалась. Она, как и все ханты, плавать не умела, а расстояние до берега всё увеличивалось. С берега кричали:

– Прыгай! Прыгай!

В ответ кричали матросы:

– Лодку! Лодку давай. Мы её пересадим.

А девушка всё металась на корме. И вот, наконец, решилась прыгнуть в воду. Двое молодых парней кинулись на помощь, выловили её из воды живой и невредимой. Отжимая одежду и ругаясь во весь голос, она искала деньги – три рубля, спрятанные под кофточкой в укромном месте. Наконец, нащупав их на своём месте, под общий хохот односельчан, стоя по колено в воде, она провожала пароход вместе со всеми, пока тот не скрылся за песчаным мысом перед Белой горой, подав на прощанье гудок. Капитан торопился, впереди был долгий путь до Ларьяка, и все живущие дальше по реке люди так же с нетерпением ждали первый пароход.

Путешествие по реке Вах

Пароход всегда приходил к обеду, и времени на подготовку поездки было достаточно. Ещё вечером мама начала собирать Люську в дорогу, примерять прошлогоднюю летнюю одежду. Но оказалось, что девочка за зиму выросла, и вещи стали малы. Мама вспомнила, что есть одно платье – его покупали старшей Галине как школьную форму. Оно было серого цвета, а не коричневого, как того требовали школьные правила. Потому новое платье так и осталось лежать в сундуке. Мама быстро достала его и надела на Люську. Платье сидело на девочке так, как будто специально для неё было сшито. Конечно, длинновато немного, но обрезать не стали – оставили на вырост. На ноги надели прошлогодние туфли сестры, правда, чуть стоптанные, но с этим уже не считались. На голову повязали шёлковую косынку. Люська, глянув на себя в зеркало, увидела маленькую старушку, но спорить не стала: уж очень ей хотелось поехать с отцом в Ларьяк.

– Ну вот, Алексей, собрали в дорогу дочь, прилично выглядит. Я тут список покупок написала. Сейчас завоз товаров – приоденешь её, форму для школы купишь, – сказала мама.

Все отправились спать. Люська долго не могла уснуть, всё мечтала, строила свои детские планы и потом незаметно задремала.

По утру первым делом девочка побежала на кухню – посмотреть, собрала ли мама походный вещмешок, как говорил папа, «по-солдатски».

Всё было готово, и Люська, успокоившись, приготовилась ждать.

По деревне пролетело: «Пароход идёт!». Отец взял вещи, все присели на дорожку и семьёй отправились на пристань. Посадка на пароход шла бойко, да и пассажиров было немного. После Нижневартовска и Савкино деревня Больше-Тархово, где жила девочка, была третьей остановкой на всём длинном пути по Ваху.

Люська бегом вбежала на палубу и, как это было принято, стала махать маме на прощанье рукой. И вот уже деревня скрылась за мысом: началось путешествие.

Набегавшись по ступенькам многочисленных лестниц и исследовав все палубы, кроме верхней капитанской, любопытная девчонка заглянула в машинное отделение. Да это и не составляло труда: находилось оно посередине нижней палубы, огороженное металлической сеткой. Огромные цилиндрические валы с шумом и уханьем двигались, подобно челноку в швейной машинке. Это было завораживающее и в то же время пугающее зрелище.

– Ты что здесь делаешь? Ну-ка, марш отсюда! – прикрикнул на неё подошедший механик. Люська, и без того перепуганная, рванула бегом к отцу в каюту. Он мирно разговаривал с попутчиками. В районный центр ехало немало народу – разного и по всяким делам.

– Люська, где ты ходишь? Пора обед готовить. Пойди, помой картошку, – попросил папа.

Девочка взяла походный котелок и вышла из каюты. Сделав работу, она снова прошла по нижней палубе, чтобы взглянуть через сетку на паровую машину, но ей уже не было так страшно. Успокоившись, Люська вернулась в каюту.

– Я на камбуз – картошку варить. А ты, дочка, стол накрывай.

Люська посмотрела на отца с удивлением:

– Камбуз – это что?

– Так кухня по-морскому называется. Ты изучай, здесь много разных новых названий, мы же на корабле, а не на суше, – пояснил отец.

Люська стала распаковывать вещмешок. Сверху мама положила две маленькие подушечки-думки и суконное одеяло. А под ними находились продукты: баночка топлёного масла, соль, варёные утиные яйца, солёная вяленая рыба, бутылка молока, хлеб, сало, зелёный лук, баночка щучьей икры, сахар, чай и мешочек с картошкой. С таким багажом путеше-

ствовали все местные жители в те времена. Холодильников не было, вот и брали в дорогу те продукты, что не портились. А когда пароход приставал к деревням, то знакомые несли пассажирам молоко, варёные яйца и пироги. Буфет, конечно, работал, но в основном там продавали сладости. Правда, в начале рейса, в буфете можно было купить диковинную рыбу – селёдку из бочки, а ещё залитую салом колбасу, которую хранили тоже в бочке, чтобы не испортилась – называлась она «Украинская».

Люська быстро разобрала вещмешок, поставила всё на откидной столик у окна, между спальными полками. Каюта, в которой они ехали, находилась на носу парохода и скорее напоминала казарму с двухъярусными деревянными кроватями, установленными в несколько рядов. Лёжа на верхней полке, было очень удобно наблюдать, как разбиваются волны о нос парохода, а брызги летят на иллюминаторы. Люська задремала: сказались волнение и хлопоты перед дорогой. Её разбудил голос отца:

– Вставай, дочь, обедать будем.

На столике в центре стояло главное блюдо – варёная картошка. Соседи по каюте принесли свою снедь и стали угощать друг друга. Больше всего понравилась всем щучья икра и малосолёная вяленая рыба с зелёным луком и картошкой. Обед запили чаем с сушками и пошли гулять по пароходу. Люська, схватив отца за руку, не отступала от него ни на шаг. Когда подошли к машинному отделению, отец остановился, чтобы полюбоваться силищей, которая двигала пароход вперёд. И Люська, встав на цыпочки, тоже заглянула в отверстие на заграждении. Вдруг за её спиной раздался громкий голос:

– Ты опять здесь! Я же говорил – не подходи!

Люська спряталась за отца.

– Ну чего кричишь? Перепугал девчонку! Посмотрим и уйдём на палубу к капитану, – ответил отец.

– Туда нельзя, там медведи, пассажирам запрещено.

– Мне можно, это мои медведи, – отрезал отец. И, взяв Люську за руку, сказал: – Пошли Машку с Мишкой проведаем.

Поднявшись с отцом в рубку капитана, Люська увидела много нового для себя. Похожие на часы приборы со стрелками, штурвал, который крутил вправо и влево матрос-рулевой. Ещё капитан лично дал Люське посмотреть в бинокль. Чудо! Всё было так близко, даже нос медвежонка оказался совсем рядом. На самом же деле медвежата, прикованные

длинными цепями, сидели на большом расстоянии от девочки. Они свободно передвигались, играли на верхней палубе. Здесь же спали в специально сколоченной для них будке.

– Как они? – спросил Алексей, кивнув на медвежат.

– А, нормально, вроде, обвыкли, – ответил капитан.

– Можно я подойду? – спросила Люська.

– Только руками не трогай, – усмехнулся капитан.

Люська подошла поближе и позвала:

– Маша, Миша, идите ко мне.

Подросшие медвежата подбежали и внимательно посмотрели на девочку. Люське вдруг показалось, что они узнали её. Через какое-то мгновение медвежата запрыгали, принялись рычать и как-то подскуливать, как бы жалуясь и укоряя – «Зачем нас сюда отдали?». Люська чуть не расплакалась от жалости, сорвалась и убежала. Стоя на палубе и наблюдая за речными берегами, она размышляла: «Зачем это люди родителей медвежат убивают, а потом их в неволе держат? Жили бы они себе в тайге своей медвежьей жизнью».

Тем временем пароход подходил к первой большой пристани – юрты Лобчинские. Заиграла музыка. Пароход, сбавив скорость, под команду капитана «Стоп машина!» приткнулся носом к берегу. Матросы забегали, выбрасывая чалки и трап с носа парохода. Два пассажира стали подниматься на палубу, здороваясь со знакомыми. Люська наблюдала за стоявшими на берегу жителями маленькой деревни. На них были платки и дегтярные сетки, накинутые на головы, в маленьких баночках дымились привязанные к поясу дымокуры.

Всё это снаряжение спасало от туч комаров, которые летали вокруг и не давали жить спокойно.

Эта деревня отличалась от других тем, что здесь располагалась метеостанция. С палубы был хорошо виден большой дом, весь в антеннах. Пассажиры и жители переговаривались между собой, почти все они знали друг друга. К пароходу подбежал бородатый мужчина, одетый по-городскому, в свитере. Протягивая письмо, обратился сразу ко всем:

– Возьмите, передайте начальнику метеостанции в Ларьяке, а то у меня рация вышла из строя. Здесь метеонаблюдения и список запчастей. Пожалуйста!

– Ну, давай, передам, – откликнулся отец, – а на обратном пути встретишь.

Пароход, извещая об отправлении, дал гудок и отчалил от берега.

С приходом июня начиналась настоящая весна. Распускалась черёмуха, её густые заросли по берегам реки и ручьев зацветали пышным белым цветом, и аромат стоял такой, что кружилась голова. В «большую воду» можно было сократить путь и пройти по протокам, но тут всё зависело от капитана – знает ли он русло реки так, чтобы не сесть на мель. Пароход проходил чуть не протискиваясь между берегами с цветущей черёмухой так, что её можно было рукой достать. Солнце садилось, и красный закат отражался на воде. От всего увиденного Люська пришла в восторг, ей захотелось петь. Первое, что пришло на ум, – песня из известного кинофильма «Плыла-качалась лодочка по Яузе-реке».

Переночевав на твёрдой полке, Люська чувствовала себя немного неуютно. Девочка попила чаю с печеньем из буфета и пошла прогуляться по пароходу. День обещал быть тёплым, по палубе гулял ветерок и комаров не было. Пароход приближался к очередной деревне. Она располагалась на пологом берегу, возле самой воды. Несколько старых домов и засольный пункт. Пароход ткнулся носом в берег. Не спуская трап, передали почту. Пассажиры с палубы кричали деревенским жителям:

– Когда вы переселитесь? А то опять затопит, плавать будете.

С берега отвечали:

– Скоро, как только дома построят.

На противоположном берегу, заросшем деревьями, строились дома под новую деревню Охтеурье.

В течение трёхдневного путешествия Люська на всё смотрела с интересом, изучала названия деревенек, юрт и засольных пунктов – Кирилкины, Лобчинские, Охтеурье, Усть-Колик-Ёган, Пуг-Юг. Эти названия звучали для девочки совсем по-новому, будто она открывала для себя новые страны. Потому что она наблюдала, как протекает в них жизнь.

Ларьяк

Девочку разбудил отец:

– Дочурка, просыпайся, к Ларьяку подъезжаем.

Люська быстро оделась, собрала вещи и скоро уже готова была бежать на берег. Но время шло так медленно! Наконец пассажиры сошли на пристань. Часы показывали четыре часа утра. Районный центр Ларьяк ещё спал, и только немногие его жители стояли на берегу. За их

спинами возвышалась белокаменная церковь. Алексея с дочкой встречал его старый друг, они поздоровались за руку.

– Ну, как доехали?

– Хорошо.

– Ну, пошли в дом досыпать, рано ещё.

Дом был большой, с высоким крыльцом, через зимние холодные сени в комнаты вела длинная широкая лестница. Хозяйка встретила гостей радушно, особенно Люську. Напоила её молоком и сказала:

– Я вам на полу перину постелила, чтоб не тесно было, да и жарко не будет. Отдыхайте с дороги.

Люська провалилась в мягкую перину и крепко заснула.

Сквозь сон она услышала тихие голоса и лёгкий звон посуды. Эти звуки говорили только об одном – пора вставать. Девочка стала одеваться. В комнату вошла хозяйка и с улыбкой сказала:

– Меня тётя Нюра зовут. Я баню подтопила, иди, помойся с дороги – и за стол. Мы тебя ждём.

После завтрака все собрались идти по своим взрослым делам. Алексей приехал в районный отдел народного образования. Он работал завхозом в школе-интернате, и нужно было подать заявки на всё необходимое для следующего учебного года. Тётя Нюра внимательно осмотрела Люську и сказала:

– Пока папа ходит по делам, мы с тобой в магазин пойдём. Подберём вещи, переоденемся, а то в таком платье жарко тебе. А как папа все свои дела переделает, то к нам в магазин подойдёт.

Алексей передал список покупок:

– Принаряжайся, дочка, а потом в столовую пойдём.

Одно из самых приятных занятий – посещение магазина. Никогда не знаешь, какие открытия тебя там ждут. В Ларьяке он был большой, красивый, с голубыми окнами. Цветущие жёлтыми цветочками густые кусты росли возле магазина и вдоль улицы. Девочка спросила:

– Эти кусты как называются?

– Акация жёлтая, их из ханты-мансийского питомника привезли, – пояснила тётя Нюра.

В магазине Люська оторопела: куда идти? Всё завешено одеждой, длинные прилавки уставлены разными товарами и игрушками. Тётя Нюра подтолкнула Люську вперёд и сказала продавцам:

– Ну-ка, девчата, приоденьте мою гостью.

На девочку стали примерять платья, школьную форму, фартучки,

бантики и белые воротнички. Закончив примерку, отложили подошедшие Люське вещи. Вот только фартучки, белый и чёрный, были немного великоваты, но их, как сказали продавцы, можно подшить. Летнее цветное платье очень понравилось девочке, оно было весёлое, нарядное, с рукавчиками-крылышками. Люська сказала:

– А можно я не буду его снимать?

– Можно, – сказала тётя Нюра. – Пошли теперь туфли мерить.

Люське подошли ботиночки для школы и белые парусиновые тапочки, которые она тоже снимать не стала. В таком наряде её и увидел отец. Он не мог скрыть радости, так ему всё понравилось.

– Вот так и ходи, дочь, не переодевайся, – заявил Алексей.

Затем зашли в книжный магазин. Купили для школы учебники и букварь, тетради, карандаши и краски, да ещё несколько книг для чтения. Папа поблагодарил тётю Нюру и сказал:

– Мы пойдём погуляем, я дочке Ларьяк покажу, а то пароход в три часа отходит. Только вы покупки домой возьмите, а я перед отъездом заберу.

В отличном настроении вышли из магазина отец и дочь. Вдоль улицы лежал деревянный тротуар, по нему было удобно идти, не пачкая новую обувь. Они прошли мимо почты. На двухэтажном деревянном доме, рубленном из круглого леса, висела вывеска «Народный суд», дальше стояло такое же здание с вывеской «Районо». Кругом было красиво, нарядно, в палисадниках цвела черёмуха. Когда они подошли к большому длинному дому, похожему на школу, Люська забеспокоилась:

– Мы куда пришли?

– В больницу, дочь.

– А зачем?

– Помнишь, я тебе обещал, что зубы будем рвать в Ларьяке, вот и идём к врачу.

Навстречу из больничных ворот вышел мужчина. Отец поздоровался и сказал:

– Я к вам дочь привёз, и сегодня обратно на пароходе уезжаем.

– А что с ней? – спросил мужчина.

– Да надо два зуба молочных вырвать. Никак сами не выпадут, а болят.

Врач посмотрел на весёлую Люську и сказал:

– Я сегодняшним пароходом тоже уезжаю. Если вы не против, я возьму с собой инструменты, а там, не торопясь, и вырвем.

Отец не возражал. Врач пошёл дальше, а наши путешественники, как и обещал папа, зашли в столовую пообедать.

Столовая оказалась красивой, сверкала чистотой, столики были накрыты белыми скатертями, в вазах стояли цветы. Отец с дочерью сели за столик, к ним подошла официантка в белом фартучке и кокошнике. Заказали борщ, котлеты с макаронами, компот и сладкие булочки. Не торопясь, поели. Отец, рассчитываясь, протянул официантке целых пять рублей – тогда это были очень большие деньги, – и когда она принесла сдачу, Люська облегчённо вздохнула. Она впервые видела, как за еду расплачиваются деньгами, всё здесь было, как в городе. Отец улыбнулся и сказал:

– Всё, пошли. Скоро отъезжаем, надо ещё вещи собрать и на дорогу продуктов купить.

Из Ларьяка отъезжали весело, с музыкой, много людей садилось на пароход. Всюду слышались слова: «В отпуск едем! На курорт!». Это было так непривычно и непонятно для Люськи: ведь она-то ехала домой. Матросы закончили грузить на корму парохода дрова: паровой котёл, от которого работала машина, топился дровами. Медленно отплывали от пристани. Впереди было только двое суток пути, ведь по течению реки пароход идёт быстрее.

Пассажиры расселись по своим местам и стали разговаривать между собой. Люська уже привыкла к дорожным неудобствам, лежала всё на той же деревянной полке и слушала неторопливые беседы. К отцу подошёл ларьякский врач и сказал:

– Ну, где тут наша пациентка?

– Да вот она, наверху лежит, – отец встал и подошёл к дочке.

– Я вам инструмент даю, вы его покипятите в кастрюле минут тридцать и потом меня позовите.

Пока шли приготовления к этой нелёгкой для Люськи процедуре, она смиренно сидела в каюте и ждала своей участи. Отсюда не убежишь, да и отцу она слово дала: он взял дочь с собой в Ларьяк при условии, что она согласится там полечить зубы. Отец принёс кастрюльку с продезинфицированными инструментами.

Фамилия врача была Бабич, и он был единственным на всю округу специалистом по удалению зубов. Бабич сказал:

– Пойдёмте в умывальную, там вода есть – удобнее будет.

Табуретку поставили посередине умывальной. Это была большая комната с металлическим полом и двумя раковинами. Врач вымыл руки, достал из кастрюльки медицинский инструмент, похожий на кусачки, и сказал Алексею:

– Держи её за спину, а то вдруг упадёт.

Люська послушно открыла рот и... раз – зуб оказался уже в руках у Бабича:

– Ну, вот, а ты боялась.

Люська мотнула головой в знак того, что не боялась.

– Раз так, то давай и второй вырвем.

Всё произошло быстро и почти безболезненно. Внимательно глядя на девочку, Бабич сказал:

– А ты крепкая. Наверное, лётчиком будешь.

Никто не мог тогда представить, что это пророчество сбудется. Просто приняли как похвалу за терпение. Уже через час Люська бегала по пароходу героиней, и многие при виде её говорили: «Вот этой девчонке зубы драли». Все дела, которые были запланированы в Ларьяке, оказались завершены.

На следующий день отец и дочь пили чай дома, рассказывали о путешествии и показывали покупки и подарки, которые Алексей купил для мамы и сестры Гали.

Школа

Весёлое жаркое лето пролетело быстро. Люська очень ждала осени, а точнее – первого сентября. Она несколько раз приходила в школу и любовалась покрашенными партами, доской, висящей на свежевыбеленной стене. И даже прикидывала, на каком месте будет сидеть. Представляла, как вместе с мамой и папой придёт в школу на первую торжественную линейку.

За неделю до первого сентября маму срочно вызвали к больному и увезли на лодке на какой-то засольный пункт, далеко от деревни. Она там осталась до тех пор, пока больному не станет лучше. За два дня до начала учёбы папа пришёл домой с работы и сказал:

– Дочка, придётся тебе самой в школу собираться и идти одной. Я завтра уезжаю пароходом в Нижневартовск. Туда для школы по заявке, что мы с тобой отвозили в Ларьяк, привезли учебники и много всего нужного для учёбы. Вернусь ко второму сентября. Ты уже взрослая, сама справишься, я на тебя надеюсь.

Люська осталась одна, потому что старшая сестра Галя уже отбыла

в деревню Мегион – там жили дедушка и бабушка, чтобы учиться в пятом классе.

Папа уехал. Вечером пришла тётя Шура, которая присматривала за Люськой и помогала по хозяйству, когда взрослых не было дома. Она подоила корову и, уходя, наказала:

– Завтра в школу. Не проспи, Люська.

Наступило долгожданное утро, солнечное и тёплое, что бывает редко в наших сибирских краях. Девочка достала из шкафа форму и вдруг увидела, что белые воротничок и манжеты не пришиты, а лежат поглаженные на плечиках. «Наверное, мама не успела пришить», – подумала Люська. Девочка взяла иголку с ниткой и попыталась пришить воротничок, но он всё время съезжал на одну сторону. Люська вздохнула и решила идти так, без воротничка. Нарядный белый фартук оказался длиннее подола платья. Подошёл только чёрный. Волосы Люська заплела в одну косу белой атласной ленточкой и завязала бант. В портфель положила карандаши, тетради и букварь. Посмотрела в зеркало и не узнала себя. На неё глядела взрослая, серьёзная девочка-ученица.

Люська радостная пришла в школу, робко вошла в класс и встала в сторонке. За столом сидела учитель – Лидия Петровна Соснина, а рядом стояла Елена Ивановна – преподаватель старших классов. Старшими в деревенской школе считались третий и четвёртый классы.

Елена Ивановна кивнула в сторону девочки и сказала:

– Люся пришла не по форме одетая, без белого фартука. Разрешим на линейку пойти?

– Да у них дома никого взрослых нет, – ответила Лидия Петровна. – Вот и собралась сама, но ведь пришла в школу. Раз самостоятельно пришла, то пусть учится и участвует во всех мероприятиях.

Люська облегчённо вздохнула и сразу же полюбила Лидию Петровну за справедливость.

Зазвенел звонок. Ученики построились на торжественную линейку, после которой сели за парты. И начался первый в Люськиной жизни школьный урок.

Надо сказать, что в те времена в маленьких сельских школах был свой порядок. В одном кабинете учились одновременно два класса: первый ряд занимал один класс, второй ряд – другой, и один учитель на всех. Для Люськи началась школьная жизнь, полная новых достижений, открытий и приключений.

Хӑнты хӑншэт

Об орнаментах в книге

Ваховский (орнамент ханты села Корлики реки Вах): выскабливание по бересте на стенке коробки.

Сургутский (орнамент ханты реки Пим): полосы нанизанного бисера на рукаве.

Берёзовский (тегинский) (орнамент ханты реки Оби): ай вухсар кӯнш оӆәӈ – маленькой лисы локоть.

Шурышкарский (орнамент ханты реки Сыня): вой хор оӈәт – рога быка оленя.

Казымский (орнамент ханты реки Оби): пӯшәӈ сӯмәт нӯв – парная берёзовая ветка.

Словарь слов и выражений

Няша – размокшая, перемешанная с мокрым снегом или водой земля.
Облас – лодка из цельного дерева.
Поломал – поранил, подрал.
Нарты – специальные лёгкие сани из дерева для езды на собаках и оленях.
Вах – правый приток реки Обь.
Казан – котёл для приготовления пищи на костре.
Кисет – мешочек для хранения табака.
Бисер – мелкие стеклянные бусины, употребляемые для вышивания.
Ларьяк – населенный пункт на реке Вах.
Трудодень – форма определения оплаты за один рабочий день в колхозе, применяемая в 1930–1966 годы
Туесок – посуда из бересты.
Набирка – берестяная коробка на длинной верёвке для сбора ягод.
Грива – возвышенность в пойме реки.
Жирварка – национальное блюдо, готовится из очищенных рыбьих потрохов.
Бикс – металлическая коробка с ручкой, в которой хранят стерильный перевязочный материал.
Неводник – большая лодка из кедровых досок.

Хутысаты хӑнты ясӆэт уша вєрты

Вущлєх – дєпэт йиӆки вущлєх ас муй па юхан хонэӆэн.
Ныр/нырэт – ващ нӯвэд вулкэм йох ощ ӑкэра вєрты пӑта.
Облас – тӑдаӆ хоп йох эвэдт вєрэм ай хоп.
Шӯкатєс – мєшмэдтэс, нух няхэсэс.
Өхэд – вӯдыйэн муй па ампэн йӆхты йох өхэд.
Вах – Ас йм пєлэк юхан.
Казан – кэв пӯт хурасэп дыпи.
Шари хир – шар пунты хир.
Сӑк – кэван лыс эвэдт вєрэм вӯсэӆ путалыет, сӑк кӑрэтты па пєхэдты пӑты.
Ларьяк – Вах юханэн вєдты вош.
Трудодень – тӯртотень вух – колхосэн вух сухэптэты пӑты щимэщ пищ вєс 1930–1966-мит олэтэн.
Воньщэп – воньщэмут воньщты тунты хушап.
Вӯр – ас муй па юхан хонэӆ кӑрэщ тӑхи.
Хӯд вуй – хӯд сэд эвэдт кавэрты вуй.
Бикс – карты хушап, худта шавидыйэт систам мєш ймэдты пурмэсэт.
Вєн сӑран хоп – нохэр йох сохэд эвӑдт вєрэм хоп тухдэты пӑты.

Содержание

Поход на шаманскую гору 4
Ёмӊ рєпа ӈхәм вєр (казымский) 8
Лужайка 12
Ваншен хар лотән (шурышкарский) 13
Йиӊк лотые (берёзовский) 14
Мәх паи (ваховский) 14
Музгарка 16
Музгарка амп (казымский) 19
Музгарка (сургутский) 23
Ящерка 25
Мамина инспекция 26
Аӊкел артал̈аты вер (шурышкарский) 28
Черёмуха 30
Л̈юм юх (шурышкарский) 34
Л̈юм (берёзовский) 39
Йом (ваховский) 43
Дядя Вася 46
Ващка ики (казымский) 49
Воровайка 53
Л̈ол̈махайка (казымский) 57
Зимние приключения 61
Тӓл̈ вєрәт (казымский) 63
Тәлхин вәләм верь (ваховский) 65
Калмыцкий чай 67
Кӓлмәкәт шай (казымский) 69
Новый год 71
Йил̈әп ол̈ (казымский) 73
Медвежата 77
Детский сад 80
Ай няврэм хот (шурышкарский) 82
Няврэм сатик (берёзовский) 84
Неврем ӆот (сургутский) 86
Кукла 88
Акань (шурышкарский) 89
Пӓӆи (сургутский) 90
Заговор зубов 92
Пеӊк каши л̈ап потартты вер (шурышкарский) 95
Пәӊк мӯл̈әпсы (берёзовский) 98
Ледоход 101
Рыбозавод 102
Хӯл̈ сӓвот (шурышкарский) 104
Хӯл̈ савот (берёзовский) 105
Лягушачья икра 108
Навәрнє пөри (казымский) 111
Последний шаман 115
Хӓщум щӓртәӊ ики (казымский) 117
Чудо природы 120
Ущмар вєр (казымский) 122
Первый пароход 124
Путешествие по реке Вах 127
Ларьяк 131
Школа 135
Хӓнты хӓншэт
Об орнаментах в книге 137
Словарь слов и выражений
Хутысаты хӓнты ясӊәт уша вєрты 138

6+

Людмила Кошиль

Люськины рассказы

Лющкаен путрәт

Издание 3-е,
значительно дополненное

Перевод на хантыйский язык выполнили:
шурышкарский диалект – М. А. Рачинская
берёзовский диалект (тегинский говор) – З. С. Рябчикова
казымский диалект – Е. А. Нёмысова
сургутский диалект – Ф. К. Демешкевич
ваховский диалект – М. А. Прасина

Хӑнты ясӆа тулмащтәсәт:
Ӆорвош ёх ясәӆа – М. А. Рачинская
Сӯмәтвош тәк хӑнты ёх ясәӆа – З. С. Рябчикова
Касәм ёх ясәӆа – В. Э. Нёмәс
Сөрханәӆ ёх ясәӆа – Ф. К. Демешкевич
Вах ёх ясәӆа – М. А. Прасина

Научные редакторы:
Е. А. Нёмысова
А. С. Сопочина

Научной редакторӆән:
Е. А. Нёмысова
А. С. Сопочина

Художник Наталья Жеманская

Хур хӑншты хуят Наталья Жеманская

Корректор
Ю. Алексеева
Дизайн, верстка
Н. Сиренко

Подписано в печать 26.11.2020. Формат 84x100/16.
Усл. печ. л. 13,65. Тираж 400 экз. Заказ № 2954.

АО Издательский дом «Новости Югры»
628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46.
Отпечатано ООО «Печатный мир г. Сургут»
г. Сургут, ул. Маяковского, 14.

1000.00

034692021
Государственная библиотека Югры

ISBN 978-5-6043627-7-8

9 785604 362778